Б. К. Б.

Смирнов А.В.

Уроженцы и деятели, получившие известность на различных поприщах общественной пользы.

Вып.1.

УРОЖЕНЦЫ и ДѢЯТЕЛИ

ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ,

ПОЛУЧИВШІЕ ИЗВѢСТНОСТЬ

на различныхъ поприщахъ общественной пользы.

(Матеріалы для біо-библіографическаго словаря).

Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ.

Выпускъ 1-й.

Губ. гор. Владиміръ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1896.

С50

Кр. 72.3
С-50

ЛИСТОК СРОКА ВО

КНИГА ДОЛЖНА БЫ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПО
ОГО ЗДЕСЬ

Дозволено цензурою. Москва, 28 августа 1896 года.

Кр. 3939

(Отдѣльные оттиски изъ №№ 5—11, 13—15, 21, 23, 25, 26, 28—33 „Владимір. Губернск. Вѣдомостей“ 1896 г.).

Семену Аѳанасьевичу

ВЕНГЕРОВУ.

Позвольте мнѣ украсить Вашимъ именемъ мой настоящій трудъ и тѣмъ выразить мое глубокое уваженіе къ Вашей дѣятельности въ области біо-библіографіи и исторіи русской литературы.

А. В. Смирновъ.

Губ. гор. Владиміръ.
16—VIII—1896.

2

Достопочтеннѣйшему

о. протоіерею,

Василію Васильевичу

Косаткину,

на добрую память

отъ составителя.

Т. г. Владимiръ.
1 февр. 97 г.

3

Оглавленіе.

	Стр.
Вмѣсто предисловія	1— 2
I. Гр. Д. Н. Блудовъ	3— 12
II. А. Н. Кудрявцевъ	12— 18
III. В. М. Ундольскій	19 – 36
IV. В. А. Татариновъ	36— 48
V. И. А. Щедритскій	49— 55
VI. Н. А. Зворыкинъ	55— 57
VII. Н. В. Калачовъ	58— 84
VIII. М. А. Бѣлинъ	84— 93
IX. Т. И. Перелоговъ	94 –102
X. П. П. Сумароковъ	102—115
XI. В. П. Безобразовъ.	115—143
XII. И. Н. Харламовъ	144—159
XIII. В. И. Ельцинскій	159—170

4

Стр.

XIV. М. М. Снегиревъ . . . . . 170—177

XV. А. И. Беневоленскій . . . . . 177—190

XVI. И. А. Маннъ . . . . . 190—197

XVII. Д. А. Смирновъ. . . . . 197—204

XVIII. П. А. Александровъ . . . . . 204—212

XIX. Я. В. Смирновъ . . . . . 213—225

XX. А. Г. Столѣтовъ . . . . . 226—241

Дополненія и исправленія. . . . 242—247

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ УРОЖЕНЦЫ и ДѢЯТЕЛИ

ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Почтенные дѣятели Н. Ф. Хованскій (въ Саратовѣ), А. С. Гацискій (въ Нижнемъ-Новгородѣ), А. Ѳ. Селивановъ (въ Пензѣ), К. Ѳ. Головщиковъ (въ Ярославлѣ) и многіе другіе (см. памятныя книжки различныхъ губерній) сдѣлали добрый починъ: каждый изъ нихъ, собравъ матеріалы для біографій лицъ, родившихся въ предѣлахъ данной губерніи, или поработавшихъ на пользу извѣстнаго края, приступилъ къ печатанію ихъ. Для уроженцевъ и дѣятелей Владимірской губерніи подобнаго почти ничего не сдѣлано: только извѣстный покойный К. Н. Тихонравовъ отмѣтилъ 3—4 лица, работавшихъ во Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, да бывшій (однимъ изъ лучшихъ) редакторъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, о. В. М. Орловъ указалъ уроженцевъ Владимірской губерніи, достигшихъ епископскаго сана.

Много лѣтъ занимаясь собираніемъ біо-библіографическаго матеріала, касающагося всей Россіи, мы имѣемъ возможность выдѣлить изъ него свѣдѣнія объ урожен-

цахъ и дѣятеляхъ Владимірской губерніи, къ печатанію которыхъ и приступаемъ теперь, памятуя, что „лучше—поздно, чѣмъ никогда“. Качество нашего матеріала не одинаково: это—по большей части—разбросанныя по различнымъ періодическимъ изданіямъ свѣдѣнія о томъ или другомъ лицѣ, иногда довольно подробныя, иногда довольно краткія; въ послѣднемъ случаѣ мы старались по возможности дополнить ихъ. Библіографическая часть до извѣстной степени полна.

Въ этомъ сборникѣ сообщаются свѣдѣнія не только о „звѣздахъ первой величины“, но и о многихъ такихъ дѣятеляхъ нашей губерніи, которые своими скромными трудами оказали извѣстную услугу изучающимъ нашъ родной край.

За всякое указаніе и исправленіе будемъ очень благодарны.

А. В. Смирновъ.

I.

Графъ Д. Н. Блудовъ.

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, принадлежавшій къ старинному роду столбовыхъ дворянъ, родился 5 апрѣля 1785 года, во Владимірской губерніи, въ подаренной одному изъ предковъ Блудова, Никитѣ Васильеву Беркуту, царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ за избавленіе Россіи отъ поляковъ, вотчинѣ въ Суздальскомъ уѣздѣ и названной въ память царской милости „Романово“. Здѣсь Д. Н. провелъ все раннее дѣтство, и впослѣдствіи любилъ вспоминать о жизни и природѣ родной деревни. Рано лишившись отца, Д. Н. получилъ основательное домашнее воспитаніе подъ надзоромъ очень умной матери своей, Екатерины Ермолаевны, урожденной Тишиной. Способностями Д. Н. обладалъ прекрасными; онъ любилъ научныя занятія, а память его изумляла всѣхъ, не только учителей въ молодости, но и всѣхъ знакомыхъ его — до смерти. Изъ языковъ онъ отлично зналъ французскій, нѣмецкій и итальянскій; англійскому выучился послѣ; серьезно занимался Блудовъ и классическими языками — латинскимъ и греческимъ. — По обычаю того времени Д. Н. вскорѣ послѣ рожденія былъ записанъ въ Измайловскій гвардейскій полкъ,

но когда подросъ, по желанію матери, въ 1800 г. поступилъ въ Московскій архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ; знаніе языковъ и способности помогли ему: чрезъ полгода Д. Н. былъ произведенъ въ переводчики, а въ 1801 г. въ коллежскіе ассесоры. Со службой въ архивѣ связано появленіе и перваго литературнаго произведенія Блудова — переводъ статьи „О союзахъ, заключенныхъ между государствами", остающійся до сего времени въ рукописи. 16-тилѣтній юноша уже тогда поразилъ служившаго съ нимъ Ф. Ф. Вигеля своимъ блестящимъ умомъ и даромъ слова; тамъ же Блудовъ сблизился съ братьями Тургеневыми и съ Дм. Вас. Дашковымъ, который познакомилъ его тогда же съ извѣстнымъ поэтомъ В. А. Жуковскимъ.—Съ восшествіемъ на престолъ Александра I (въ 1801 г.), Блудовъ перебрался, въ 1802 г., на службу въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; въ 1805 г. онъ былъ въ Москвѣ и тамъ познакомился съ исторіографомъ Н. М. Карамзинымъ; это знакомство послѣ перешло въ пріятельскую дружбу. Въ 1807 году умерла мать Блудова, оставившая ему большое наслѣдство, и въ томъ же году онъ ѣздилъ въ Голландію для доставленія орденовъ въ распоряженіе короля. Это былъ первый шагъ его службы на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1810 г. Блудова пригласилъ въ правители дипломатической канцеляріи главнокомандующій молдавскою арміею, гр. Н. М. Каменскій (+ 1811 г.). Изъ дѣятельности своей въ Молдавіи Д. Н. вынесъ сочувствіе къ славянскимъ племенамъ, интересы которыхъ всегда отстаивалъ, гдѣ только могъ.

Въ 1812 г. Блудовъ женился на княжнѣ А. А. Щербатовой, и съ этого времени начинается его служба при нашихъ заграничныхъ миссіяхъ. Такъ, въ сентябрѣ тогоже года Д. Н. получилъ мѣсто совѣтника русской миссіи въ Стокгольмѣ, а такъ какъ нашего посла тогда не было тамъ, то Блудову пришлось быть повѣреннымъ въ дѣлахъ (во время отсутствія посла),— такъ продолжалось до іюня 1813 г., когда Д. Н. могъ вернуться въ Петербургъ. Это было въ то время, когда, послѣ отечественной войны, наступила эпоха оживленія внутренней жизни Россіи, а слѣдовательно и литературы. Блудовъ по направленію своихъ занятій, по своей начитанности и громадной памяти, по своимъ наклонностямъ обладалъ многими условіями для того, чтобы самому сдѣлаться писателемъ. И хотя онъ никогда не посвящалъ себя вполнѣ этому занятію, однакожъ принималъ дѣятельное участіе въ литературномъ движеніи того времени. Такъ, онъ былъ въ числѣ основателей извѣстнаго въ литературѣ Арзамасскаго общества, возникшаго ради противодѣйствія и ополчившагося легкой и остроумной шуткой противъ „Бесѣды любителей русскаго слова," собиравшейся въ домѣ Державина. Это было въ 1815 году, когда Блудовъ, чтобы отомстить кн. Шаховскому за Жуковскаго, написалъ шуточно-важное „Видѣніе въ какой то оградѣ" (т. е. въ Державинской *бесѣдѣ*) и потомъ письмо отъ „Арзамасскаго" литератора. Собранія „Арзамаса" бывали большею частію у Блудова и С. С. Уварова и отличались непринужденностью и шутками; въ это общество былъ принятъ въ 1818 г. и А. С. Пушкинъ. Всту-

нивъ въ тѣсныя сношенія съ молодыми литераторами Карамзинскаго круга. Блудовъ хотя и писалъ прозу и стихи не только на русскомъ, но и на французскомъ языкѣ, однако занимался этимъ только случайно.—ему пришлось сдѣлаться болѣе видимъ на дипломатическомъ поприщѣ. Въ концѣ 1817 г. онъ получилъ дипломатическое назначеніе, въ качествѣ совѣтника посольства въ Лондонѣ, гдѣ вскорѣ пришлось ему быть, какъ и въ Стокгольмѣ, повѣреннымъ въ дѣлахъ. Съ разстроеннымъ здоровьемъ Д. Н. въ 1820 г. вернулся въ Петербургъ, гдѣ его ждала новая работа. Ему поручено было Государемъ Императоромъ перевести на русскій языкъ важнѣйшіе политическіе акты: Блудовъ дѣятельно приступилъ къ работѣ и менѣе чѣмъ въ годъ приготовилъ 1-й томъ „Документовъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами европейскими отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 г. до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г.," который и былъ напечатанъ въ 1823 г.; скоро вышелъ и второй томъ. За эту работу Д. Н. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Въ 1822 г. Блудовъ былъ откомандированъ къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, по дѣламъ Бессарабіи, и съ этого времени прекращается его дипломатическая служба. Съ воцареніемъ Императора Николая I, какъ извѣстно, связана исторія декабристовъ. Блудовъ, по указанію Карамзина, былъ назначенъ, согласно желанію Государя, въ слѣдственную коммиссію о злоумышленныхъ обществахъ, при чемъ ему же поручено было составлять общее донесеніе о

дѣйствіяхъ коммиссіи. По исполненіи этого порученія, Д. Н. былъ пожалованъ въ статсъ-секретари и тогда же (въ 1826 г.) назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій, а въ 1828 году сдѣланъ главноуправляющимъ иностранныхъ исповѣданій и за устройство греко-уніатскихъ церквей въ Россіи удостоился Высочайшей благодарности и былъ пожалованъ въ тайные совѣтники. Въ 1830 г. Блудовъ нѣсколько мѣсяцевъ управлялъ министерствомъ юстиціи и тогда же занимался пересмотромъ историческихъ документовъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ; въ 1831 г. Д. Н. былъ назначенъ членомъ комитетовъ по дѣламъ царства Польскаго и западныхъ губерній, въ 1832 г. онъ получилъ въ свое управленіе министерство внутреннихъ дѣлъ, и кромѣ того въ 1837 г. около полугода завѣдывалъ министерствомъ юстиціи, которое наконецъ 15 февраля 1838 г. и было ввѣрено ему, взамѣнъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Министромъ юстиціи Д. Н. былъ только до конца 1839 года, когда онъ былъ назначенъ управляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента законовъ. Въ 1840 г. Блудовъ присутствовалъ въ департаментѣ дѣлъ царства Польскаго и участвовалъ во многихъ комитетахъ: по разграниченію губерній, по устройству Закавказскаго края и др. За строгую добросовѣстность въ исполненіи различныхъ порученій Д. Н. Блудовъ получалъ не одинъ разъ лестные Высочайшіе рескрипты, въ 1839 г. былъ по-

жалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а 18 апрѣля 1842 г. возведенъ въ графское достоинство. Въ апрѣлѣ 1845 г. гр. Блудовъ окончилъ проектъ уголовнаго положенія для Имперіи и для царства Польскаго. Въ 1848 году, въ эпоху броженія умовъ на Западѣ, Д. Н., вѣрный убѣжденіямъ своей юности, свято храня въ душѣ уваженіе къ самымъ дорогимъ интересамъ человѣчества, какъ истинный другъ просвѣщенія, спасъ наши университеты отъ закрытія.

По воцареніи Императора Александра II, Д. Н. 26 ноября 1855 года былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ, въ 1856 г.—предсѣдателемъ еврейскаго комитета, въ 1857 г.—комитета дѣтскихъ пріютовъ, и съ этого же года онъ состоялъ въ комитетѣ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи въ Россіи. Въ 1861 г. Государь Александръ II выразилъ гр. Блудову свою искреннюю признательность за его труды вообще и въ особенности за скорое и успѣшное окончаніе дѣла освобожденія крестьянъ; наконецъ, въ январѣ 1862 г. Д. Н. былъ назначенъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ. Многотрудная и разнообразная служебная дѣятельность графа Дмитрія Николаевича Блудова закончилась его смертью, послѣдовавшею 19 февраля 1864 года, и онъ умеръ въ этотъ великій день для „сермяжной“ Руси съ заботой о судьбѣ нашихъ народныхъ училищъ.

Д. Н. Блудовъ оставилъ послѣ себя памятники и въ литературѣ (указать ихъ нѣтъ возможности,— они печатались безъ подписи): такъ, имъ написано пѣ-

сколько журнальныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ 20-хъ годовъ, (одна изъ нихъ—„ По поводу критики Каченовскаго на сочиненія И. И. Дмитріева" напечатана въ книгѣ М. А. Дмитріева—„Мелочи изъ запаса моей памяти". М., 1869 г. 8-о. стр. 267 – 278): онъ былъ авторомъ рѣчей, эпиграммъ и стихотвореній. предназначавшихся въ „Арзамасъ", гдѣ Блудовъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Кассандры: одно изъ этихъ произведеній приведено въ книгѣ Е. П Ковалевскаго о Блудовѣ, на стр. 110 *, а нѣкоторыя напечатаны были (безъ подписи же) въ „Сынѣ Отеч." и въ „Росс. Музеумѣ" **; далѣе изъ книги Ковалевскаго мы видимъ, что Блудовъ былъ авторомъ такихъ историческихъ статей, какъ „Судъ надъ графомъ Девіеромъ и его соучастниками". „ О самозванцахъ, являвшихся при Екатеринѣ II въ Воронежской губерніи", „Бунтъ Беніовскаго въ Большерѣцкомъ Острогѣ". „Дневныя записки Меньшикова", „Заговоръ и казнь Мировича", „Мнѣніе о двухъ запискахъ Карамзина", которыя всѣ и приведены въ книгѣ Ко-

---

* Страницы сочиненія Ковалевскаго о Блудовѣ указаны по изд. 1871 г. (Спб.; соч., т. I).

** Въ послѣднее время въ „Отчетахъ Император. Публичной Библіотеки" помѣщено много матеріаловъ для исторіи Общества „Арзамасъ", въ числѣ коихъ напечатаны слѣдующія произведенія Д. Н. Блудова: 1) въ приложеніи № 1 къ „Отчету" за 1887 г. (Спб., 1890 г., 8°, стр. 68—82) два Протокола засѣданій Арзамаса (въ маѣ и августѣ 1816 г.), въ которыхъ обсуждались стихи А. Л. Пушкина; протоколы написаны Блудовымъ въ шутливомъ тонѣ;—2) въ приложеніи № 3 къ „Отчету" за 1888 г. (Спб., 1891 г., 8°, стр. 1—8) „Рѣчь члена Кассандры (Д. Н. Блудова) въ одномъ изъ (первыхъ) засѣданій Арзамасскаго Общества" въ „похвалу" члена Бесѣды Любителей Русскаго Слова И. С. Захарова.

валевскаго (стр. 191 – 247), гдѣ также помѣщены „Мысли и замѣчанія графа Блудова“ ***, вышедшія и отдѣльно (Спб., 1866. 8°): послѣ смерти Блудова появилось въ печати много его писемъ, имѣющихъ историко-литературный интересъ, къ П. И. Дмитріеву, В. А. Жуковскому, гр. Бенкендорфу, кн. П. Волконскому и къ женѣ (см. „Рус. Арх.“ 1866, № 11—12; 1867, № 7; 1875, № 11; въ книгѣ Ковалевскаго, Спб., 1871, стр. 248—256; въ книгѣ М. А. Дмитріева: въ сборникѣ „Утро“, 1866, стр. 192—195, и въ „Съв. Почтѣ“ 1864, № 51). Кромѣ этихъ многія его письма сохраняются въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки,—см. ея „отчеты“: за 1885 г. (Спб., 1888 г.) стр. 61 — къ Ег. Ковалевскому; за 1887 г. (Спб., 1890) стр. 56 — къ бр. Лонгиновымъ, стр. 59 — къ Ѳ. Л. Переверзеву, въ приложеніи № 2 стр. 3 — къ Иннокентію, архіепископу Херсонскому. Д. П. составилъ множество важныхъ проектовъ и законоположеній, подъ его редакціей вышли два изданія „Свода Законовъ“ (Спб., 1842 и 1857 гг.): онъ издалъ XII-й томъ „Исторіи“ Карамзина, снабдивъ его, вмѣстѣ съ К. С. Сербиновичемъ, многочисленными примѣчаніями, и послѣдніе томы сочиненій Жуковскаго, съ своими предисловіями, и, наконецъ, написалъ брошюру — „Послѣдніе часы жизни Императора Николая I“ (Спб., 1855 г.),

*** Въ „Отчетѣ Имп. Публ. Библіотеки“ за 1887 г. (Спб., 1890 г., 8°, стр. 215) есть указаніе на эту статью, съ отмѣткою разницы въ текстѣ, напечатанномъ Е. Ковалевскимъ.

тогда же переведенную на польскій, нѣмецкій, англійскій и французскій языки.

О гр. Блудовѣ такъ много написано, что мы сочли возможнымъ ограничиться самымъ краткимъ очеркомъ.

О немъ см. „Спб. Вѣд." 1864 г. № 43, 44 и 46; „Голосъ," 1864. № 51 и 53; „Рус. Инвалидъ." 1864, № 43 и 54; „Соврем. Лѣтопись." 1864, № 8; „День." 1864, № 8 и 9; „Моск. Вѣд." 1864, № 42 и 70; „Рус. Арх." 1864. № 3; 1872, № 7 – 8; 1873, № 11; 1874, № 3 и 4; 1875, № 2 и 6; „Рус. Вѣд". 1864, № 117 и 125; „Отчетъ II отд. Академіи Наукъ," за 1864 г.; „Странникъ" 1864. № 5; „Сѣвер. Почта" 1864. № 68; „Записки Акад. Наукъ." т. V (1864. № 1); „Жур Мин. Юстиціи," 1865, № 3; „Жур. Мин. Нар. Пр.", 1856, т 89, стр. 16-21; „Портретная Галлерея" Мюнстера: „Записки" Вигеля; Сборникъ „Утро", т. 1; „Семейные Вечера" 1869, № 3; „Графъ Блудовъ и его время" Соч. Ег. Ковалевскаго. Спб. 1866, 8°. 259 стр.; „Наши дѣятели," изд. Баумана. Т. V; „Справоч. Слов." Геннади, т. 1; „Рус. Стар." 1884. т. 43; 1890 – 1891 гг (воспоминанія Никитенко); „Энцикл. Слов." Брокгауза, кн. 7 (т. IV); „Отчеты Имп. Публич. Библіотеки: за 1884 г. (Спб., 1888 г., 8°). стр. 43 и въ приложеніи № 1, стр. 157—163 (указаніе на роль Блудова въ Арзамасѣ и на его произведенія); за 1887 г., (Спб. 1890 г., 8°), стр. 214. 216—228 (письма къ нему Жуковскаго, кн. Вяземскаго и др., имѣющія біографическое значеніе). и за 1888 г (Спб., 1891 г., 8°), стр. 78—79 (указывается на

произведеніе Блудова—„Видѣніе въ какой-то оградѣ. изданное Обществомъ ученыхъ людей“).—„Критико-біограф. слов.“ С. Венгерова. т. III, стр. 407—416, гдѣ указана и остальная литература о Блудовѣ.

II.

А. И. Кудрявцевъ.

Александръ Николаевичъ Кудрявцевъ. бывшій профессоръ Императорскаго Новороссійскаго Университета, родился въ погостѣ Троицкомъ, что на Вытаракѣ, Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи, 28 іюля 1841 года. гдѣ отецъ его былъ тогда священникомъ. Получивъ первоначальное образованіе дома. 9-тилѣтній Кудрявцевъ поступилъ въ Переславское духовное училище. которое и окончилъ въ числѣ первыхъ въ 1856 году. Дальность разстоянія отъ гор. Владиміра, недостаточныя средства при плохомъ приходѣ и многочисленности семьи вынудили о. Николая Кудрявцева опредѣлить сына Александра для полученія средняго образованія въ Виѳанскую, какъ ближайшую. семинарію. гдѣ даровитый юноша на столько блестяще окончилъ курсъ, что былъ посланъ на казенный счетъ въ Московскую Духовную Академію, въ составъ 25-го курса (1862—1866). Просматривая составъ этого курса. нельзя не замѣтить, что большинство студентовъ его впослѣдствіи выступило на

педагогическомъ поприщѣ не только по духовному вѣдомству (въ числѣ ихъ извѣстный С. И Миропольскій), но и по министерству народнаго просвѣщенія. А. Н. Кудрявцевъ кончилъ курсъ въ академіи вторымъ магистромъ въ 1866 году и вскорѣ (13-го сентября того-же года) былъ назначенъ діакономъ при церкви русскаго посольства въ Вѣнѣ, вмѣсто умершаго тамъ Смирнова. Жизнь въ Вѣнѣ, гдѣ тогда настоятелемъ церкви былъ извѣстный М. Ѳ. Раевскій, была для Александра Николаевича, если можно такъ выразиться, второй, вольной академіей: поддерживая многочисленныя знакомства съ русскими, пріѣзжавшими въ Вѣну, въ числѣ коихъ было не мало университетскихъ профессоровъ, и пользуясь среди ихъ большою популярностію, Кудрявцевъ въ тоже время продолжалъ свое научное образованіе, пользуясь для того библіотекою о. Раевскаго и другими книгохранилищами, путешествовалъ по Венгріи, Сербіи и Чехіи и этимъ путемъ энергично изучалъ мѣстную жизнь славянства; особенно интересовалъ его чешскій языкъ. Знакомство со славянскимъ міромъ А. Н. въ тоже время и утилизировалъ: онъ въ это время былъ сотрудникомъ „Московскихъ Вѣдомостей", - куда сообщалъ свѣдѣнія о современной славянской жизни (см., напр., 1873 № 43 „Новая православная буколино-далматская митрополія"). - „Русскаго Вѣстника" (напр., „Славянскія общества въ Вѣнѣ" 1868 г., № 12, стр 590—605), а также и „Христіанскаго чтенія" („Церковный вопросъ въ Австріи. (Іосифъ II. 1780 - 1799)". „Хр. Чт." 1870. № 4, стр. 790—840, и № 11, стр.

849—878: (Леопольдъ II, 1790—1792) тамъ же, 1871 г., № 1, стр 150—158. и № 4, стр. 736—755).

Въ 1872 г. лѣтомъ лично познакомился съ Кудрявцевымъ протоіерей М. К. Павловскій, бывшій тогда профессоромъ богословія въ Новороссійскомъ (въ Одессѣ) университетѣ и знавшій Александра Николаевича ранѣе по сочиненіямъ послѣдняго. Это знакомство было рѣшающимъ моментомъ въ жизни Кудрявцева: прот. Павловскій, тогда уже заслуженный профессоръ, заканчивая 40-лѣтнюю службу, рѣшилъ оставить университетъ и потому при свиданіи съ Кудрявцевымъ предложилъ послѣднему имѣть въ виду возможность перехода въ университетъ на профессорскую каѳедру. Въ октябрѣ 1873 г Павловскій ушелъ изъ университета, предложивъ еще въ апрѣлѣ того же года въ свои преемники Кудрявцева. Совѣтъ университета, имѣя въ виду отличныя рекомендаціи проф. Павловскаго и ректора Леонтовича,—при чемъ первый говорилъ о капитально ученыхъ статьяхъ Кудрявцева богословскаго и церковно-историческаго содержанія, печатавшихся въ одномъ изъ серьезнѣйшихъ нашихъ духовныхъ журналовъ („Христ. Чтеніе"), изъ которыхъ одна удостоилась лестнаго отзыва въ отчетѣ Оберъ-Прокурора Синода.—и зная, что Кудрявцевъ подробно изучалъ жизнь славянства, что для Новороссійскаго университета не могло быть безразлично,—избралъ Александра Николаевича исправляющимъ должность профессора богословія безъ обязательства—пріобрѣсть докторскую степень.

26 декабря 1873 года Кудрявцевъ былъ рукопо-

ложенъ во священника, а съ начала 1874 г. началъ читать лекціи въ университетѣ, при чемъ вступительная была напечатана въ XIV т. „Зап. Имп. Новор. Университета". 13 марта 1874 г. А. Н. былъ назначенъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ гор. Одессы и, кромѣ того, самъ долго преподавалъ Законъ Божій въ Одесской городской Маріинской женской гимназіи.

Лѣтомъ 1875 г. перешелъ изъ Новороссійскаго университета въ Московскій извѣстный знатокъ канонической права, проф. А. С. Павловъ; замѣстить его кѣмъ-либо не удалось, и потому каноническое право съ 1875—76 учебнаго года началъ читать А. Н. Кудрявцевъ, занимая такимъ образомъ двѣ каѳедры. 29 марта 1880 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи профессора богословія, а 11 іюня 1883 г. возведенъ въ санъ протоіерея; въ 1885—86 г. закончились лекціи Кудрявцева по каноническому праву, черезъ два года (въ 1888) почти состоялся переходъ Александра Николаевича на каѳедру богословія въ Московскій университетъ (въ Москву тянуло его по семейнымъ обстоятельствамъ), но лѣтомъ 1888 г. Кудрявцевъ заболѣлъ плевритомъ, больной вернулся въ Одессу и 15 сентября того-же года скончался отъ паралича сердца. Похороненъ онъ на родинѣ.

Не будемъ говорить — каковъ онъ былъ профессоръ,—объ этомъ можно судить по „Краткому курсу лекцій по православному богословію" (М., тип. М. Волчанинова, 1889 г., 8°. 406 стр.), изданному по-

слѣ его смерти вдовою и отличающемуся, по словамъ знатоковъ, обиліемъ свѣдѣній и весьма систематическимъ изложеніемъ. Каноническое право Кудрявцевъ читалъ придерживаясь курса проф. Павлова, хотя и относился къ нему самостоятельно.

Въ бытность профессоромъ Новороссійскаго университета, А. И. Кудрявцевъ произнесъ массу проповѣдей и поученій, ознаменовывая своимъ словомъ важнѣйшія явленія жизни какъ г. Одессы, такъ и всей Россіи; собранія его проповѣдей въ отдѣльномъ изданіи не было сдѣлано,—онъ печаталъ ихъ въ мѣстныхъ газетахъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ; перечень ихъ занялъ бы слишкомъ много мѣста, —укажемъ только на первую его въ Одессѣ „Рѣчь при благодарственномъ Господу Богу молебствіи въ день воспоминанія объ основаніи (1 мая) Имп. Новорос. Университета" („Херсон епарх. вѣд.", 1874, № 11, стр. 245—246).

„Какъ проповѣдникъ, говоритъ А. И. Маркевичъ, А. И Кудрявцевъ пользовался въ Одессѣ большою популярностью: слушать его проповѣди постоянно стекалось высшее одесское общество. Но не рѣшимся сказать, что проповѣди его были согрѣты теплымъ чувствомъ, —они скорѣе отличались энергіею и страстностью и носили обличительный характеръ. А. И. Кудрявцевъ былъ слуга церкви воинствующей".

„Какъ наблюдатель за преподаваніемъ Закона Божія, продолжаетъ Маркевичъ, онъ былъ очень придирчивъ, придавалъ значеніе всякимъ слухамъ, — впрочемъ лишь до того времени, пока самъ не сталъ

преподавателемъ. Только тогда онъ понялъ, что значитъ основываться на слухахъ и разговорахъ, — и съ того времени одесскіе педагоги имѣли въ немъ отличнаго товарища. А. Н. Кудрявцевъ былъ и очень крупнымъ лицомъ въ университетской жизни въ теченіи 15 лѣтъ, дѣятельнымъ членомъ Совѣта, участникомъ въ его коммиссіяхъ, редакторомъ подаваемыхъ университетомъ адресовъ и посылаемыхъ поздравленій и т. п."

Въ заключеніе отмѣтимъ литературные труды А. Н. Кудрявцева, намъ извѣстные—за время его профессорства въ университетѣ. Немногіе труды его имѣютъ спеціальное значеніе.—большинство ихъ отличаются публицистическимъ характеромъ,—онъ былъ слишкомъ живой человѣкъ и всегда спѣшилъ своимъ мощнымъ словомъ подѣлиться съ читателями по интересовавшимъ общество вопросамъ. Отсюда мы видимъ, что только немногія статьи его помѣщены въ „Запискахъ Импер. Новор. Университета" („Мохамеданская религія въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи христіанской" (Публичная лекція), въ XX т., 1876 г., стр. 359 – 388; „Нищенство, какъ предметъ попеченія церкви, общества и государства".—актовая рѣчь 1884 г., въ 44 томѣ, и отдѣльно: Одесса. 1885, 8°. 89 стр.), а прочія напечатаны въ разнообразныхъ изданіяхъ, какъ—въ „Христіан. Чтеніи" 1876 г. („Рождественскій вечеръ у славянъ"), въ „Херсон. епарх. вѣдом." 1876 – 77 г.г. (напр. „Христіанскія обязанности въ отношеніи къ войнѣ и взаимному обращенію между юношами и старцами"), въ „Церковно-общественномъ Вѣстникѣ" 1879 г.

13

Кр. 3939

(„Отношеніе духовенства къ церковному хозяйству“, пять статей), въ „Протоколахъ Юридическаго Общества“ 1880—1881 г. („Рѣчь о церковно-судебной реформѣ“, произнесенная въ засѣданіи Общества; „Краткій очеркъ наиболѣе выдающихся трудовъ по церковному праву за послѣднее пятилѣтіе 1875—1880 г.“), въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“ 1883—1884 г. („Историческій очеркъ христіанской благотворительности“, двѣ публичныя лекціи,—изданы и отдѣльно: Одесса, 1883 г. 8°. II+34 стр.; „Христіанскій взглядъ на значеніе рукодѣлія въ школѣ и жизни“) и въ друг. изданіяхъ. Отмѣтимъ также изданныя двѣ отдѣльно брошюры его: „Сравнительный очеркъ епархіальной дѣятельности по свѣчной операціи“. Одесса, 1879 г., 89 стр и „Сравнительный очеркъ разныхъ видовъ благотворительности“. Одесса, 1884 года.

О немъ см. „Двадцатипятилѣтіе Имп. Новорос. Университета“, записка А. И. Маркевича. Одесса, 1890 г. стр. 168—172 и 556.—„Исторія Москов. Духов. Академіи“, С. Смирнова. М. 1879 г., стр. 526.—„Моск. Вѣдом“ 1888, № 281.—„Херсон. епарх. вѣд.“ 1888 г.. № 19.—„Волынск. епарх. вѣдом.“ 1888 г.. № 28.—„Церков. Вѣдом.“ 1888, № 45.—„Москов. Листокъ“ 1888, № 283.—„Книговѣдѣніе“ 1895 г., № 1.

III.

В. М. Ундольскій.

Вуколъ Михайловичъ Ундольскій, извѣстный библіографъ и палеологъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ, по словамъ П. А. Безсонова, русскихъ людей, послуживший русскому просвѣщенію, какъ не многіе служатъ, съ полнымъ самоотверженіемъ, по непонятной причинѣ—до сего времени не дождался обстоятельнаго біо-библіографическаго очерка. Пользуясь печатными и письменными матеріалами, мы и намѣрены хоть до нѣкоторой степени восполнить этотъ пробѣлъ.

В. М. Ундольскій родился отъ пономаря села Ундола, Владимірскаго уѣзда, Михаила Панкратова, по фамиліи Аннинскаго, и отъ жены его, Ксеніи Васильевой, 13 января, а крещенъ 31 числа того же мѣсяца, 1816 года, въ упомянутомъ селѣ. Раннее дѣтство Вукола Михайловича прошло въ бѣдной семьѣ сельскаго пономаря, существовавшаго главнымъ образомъ трудами рукъ своихъ, но—несомнѣнно—умнаго и дѣльнаго человѣка, такъ какъ въ 30-хъ годахъ мы видимъ Михаила Панкратова уже священникомъ пермской епархіи. Сельская жизнь привольная, но и безпризорная для малолѣтнихъ дѣтей, какъ увидимъ далѣе, положила на мальчика Вукола на всю жизнь печальное клеймо въ отношеніи его здоровья.

Подготовленный отцомъ, В. М. рано поступилъ во

Владимірское училище, откуда въ числѣ первыхъ перешелъ въ 1829 году во Владимірскую духовную семинарію, гдѣ въ 1836 г. и окончилъ курсъ студентомъ. Какъ лучшій воспитанникъ, Удольскій (получившій эту фамилію при поступленіи въ училище) тогда же былъ посланъ въ Московскую Духовную Академію „для дальнѣйшаго образованія въ наукахъ". Въ составъ XII курса академіи (1836—1840) вмѣстѣ съ В. М. поступилъ К. И. Невоструевъ, впослѣдствіи также извѣстный библіографъ, судьба котораго до поразительности схожа съ судьбою Удольскаго. Во время ученія въ академіи въ Вуколѣ Михайловичѣ уже проявились, по свидѣтельству протоіерея С. К. Смирнова, „зачатки любителя древней письменности: онъ внимательно пересмотрѣлъ рукописи академической и лаврской библіотекъ". Въ 1840 г. Удольскій окончилъ академическій курсъ и за неимѣніемъ наставническихъ вакансій въ семинаріяхъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 17 сентября 1840 года былъ причисленъ къ вѣдомству Владимірской епархіи. Но въ то время отца его уже не было въ родномъ селѣ Удолѣ, да и не тянуло его на родину: его плѣнило книжное богатство библіотекъ въ Сергіевскомъ посадѣ, знакомое ему со студенчества,—и онъ, подружась съ лаврскимъ тогдашнимъ библіотекаремъ, о. Иларіемъ, всю сентябрьскую треть 1840 года прожилъ въ Академіи, ежедневно занимаясь въ лаврской библіотекѣ, гдѣ, по словамъ о. Смирнова, на рукописяхъ оставилъ много замѣтокъ, и составилъ для себя запись о лаврскихъ рукописяхъ съ обозначеніемъ ихъ содержанія.

Занятія въ лаврской библіотекѣ совершенно случайно познакомили В. М. Ундольскаго съ исправлявшимъ тогда должность управляющаго Московскимъ Главнымъ Архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, княземъ М. А. Оболенскимъ. Разсказъ объ этомъ важномъ событіи въ жизни Ундольскаго находится въ письмѣ лаврскаго библіотекаря, о. Иларія, напечатанномъ Ник. Плат. Барсуковымъ. Въ 1841 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ отъѣзда Ундольскаго изъ лавры, пріѣхалъ туда князь Оболенскій: осматривая библіотеку, князь обратилъ вниманіе на помѣтки и приписки Ундольскаго на рукописяхъ и книгахъ, заинтересовался ими, заинтересовалъ его и авторъ этихъ отмѣтокъ. Узнавъ, что это—„студентъ кончалый академіи кандидатомъ, но безъ мѣста, ибо нѣтъ праздныхъ“, князь высказалъ—„жалко, что такіе люди съ талантами и трудолюбіемъ не въ глазахъ“; когда о. Иларій, на вопросъ князя—„имѣетъ-ли онъ (Ундольскій) наклонность къ духовному сану?“—отвѣтилъ—„не знаю, только что говорилъ, что я бы, кажется, если случай былъ, занимался при Императорской публичной библіотекѣ,“—кн. Оболенскій просилъ передать Вуколу Михайловичу, что „если ему что будетъ угодно, я его съ удовольствіемъ приму, ибо это отъ меня зависитъ. Я очень люблю умныхъ, тѣхъ, которые занимаются.“ Получа письмо съ такими вѣстями, Ундольскій, конечно, возликовалъ, такъ легко могло осуществиться его горячее желаніе. Легко, но не такъ скоро, какъ хотѣлось бы.

По заведенному обычаю, конференція Московской духовной академіи представила списокъ окончившихъ

въ ней курсъ въ 1840 году въ Синодъ, который опредѣленіемъ отъ 30 апрѣля—8 августа 1841 года „возвелъ Ундольскаго, вмѣстѣ съ другими, на степень кандидата“ (изъ разряднаго списка видно, что В. М. кончилъ подъ № 41-мъ), послѣ чего и былъ выданъ (15 октября 1841 г.) на имя Ундольскаго аттестатъ академіи, изъ котораго видно, что онъ „совершилъ высшій курсъ наукъ—при способностяхъ очень хорошихъ,—прилежаніи неутомимо дѣятельномъ и поведеніи весьма хорошемъ.“ Изъ того же аттестата видно, что онъ „на окончательномъ испытаніи въ академіи оказался успѣвшимъ въ наукахъ богословскихъ хорошо,—философскихъ, а также по словесности церковной—довольно хорошо, по словесности всеобщей—хорошо, по исторіи церковной и гражданской—очень хорошо, по языкамъ еврейскому и греческому довольно хорошо, а по французскому—очень хорошо.“

Принадлежа по происхожденію къ духовному званію и получа образованіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, В. М. Ундольскій прежде, чѣмъ поступить на службу по приглашенію кн. М. Оболенскаго, долженъ былъ уволиться изъ духовнаго званія въ свѣтское, и въ виду этого, по мѣсту причисленія своего, долженъ былъ подать прошеніе тогдашнему Архіепископу Владимірскому, Парфенію. Въ прошеніи своемъ, лично имъ поданномъ, Ундольскій писалъ: „Еще въ малолѣтствѣ по одному несчастному случаю повредивши грудную кость, я съ того же времени началъ страдать ломотою и стѣсненіемъ въ груди. Пособія медицины, облегчая временно болѣзненные припадки, не

могли уничтожить самой причины болѣзни, потому что переломленная кость срослась неправильно. Съ прибавленіемъ годовъ и трудовъ болѣзнь моя, повидимому незначительная въ юности, стала болѣе и болѣе усиливаться такъ, что по окончаніи академическаго курса я нашелся вынужденнымъ, послѣ полугодичнаго лѣченія академическаго врача, искать рѣшительнаго пособія у московскихъ болѣе опытныхъ врачей. Но и послѣ пятимѣсячнаго пользованія въ одной изъ лучшихъ публичныхъ московскихъ больницъ, я остался почти въ томъ же положеніи, съ тѣми же продолжительными грудными припадками. Почему при всемъ моемъ должномъ уваженіи къ духовному званію, къ сожалѣнію я не могу поступить въ оное" — и просилъ объ исходатайствованіи ему увольненія изъ духовнаго званія. Владимірская врачебная управа, куда Ундольскій присланъ былъ 24 октября 1841 г. для освидѣтельствованія, 25 числа увѣдомила (врачебнымъ инспекторомъ тогда былъ извѣстный М. И. Алякринскій) духовную консисторію, что „кандидатъ Вуколъ Ундольскій страдаетъ стѣсненіемъ въ груди и головокруженіемъ, а потому и не способенъ къ духовному званію." Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 февраля 1842 г. Ундольскій былъ уволенъ изъ духовнаго званія въ свѣтское и, получа объ этомъ извѣстіе, тогда же (въ концѣ февраля) подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу въ Московскій Главный Архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ, куда и былъ принятъ, съ разрѣшенія вице-канцлера, 16 апрѣля 1842 года.

Поступя на службу въ архивъ, Вуколъ Михайловичъ всецѣло отдался любимому предмету — библіографіи. Прежде всего отмѣтимъ, что Undольскій составилъ описаніе архивныхъ рукописей, которымъ до нынѣ пользуются съ благодарностью всѣ занимающіеся въ архивѣ. Расширяя постепенно кругъ знакомства съ знатоками древней письменности, съ собирателями старинныхъ рукописей и книгъ, знакомясь съ книжными хранилищами гор. Москвы, В. М. скоро пріобрѣлъ большой навыкъ въ оцѣнкѣ достоинства произведеній древней литературы, вполнѣ освоился съ вопросами подлежавшими разработкѣ и началъ съ неутомимымъ усердіемъ заниматься изслѣдованіемъ старинной письменности и вмѣстѣ съ тѣмъ составлять собственную библіотеку. Внѣшнія обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали его ученымъ занятіямъ: знакомство съ такими знатоками, какъ О. М. Бодянскій, М. П. Погодинъ, работа въ архивахъ по порученію сначала кн. М. А. Оболенскаго, потомъ П. И. Иванова, избраніе въ члены Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, гдѣ съ 1847 года онъ занялъ мѣсто библіотекаря, начавшія выходить съ 1845 года „Чтенія Общества“ подъ редакціею неутомимаго Бодянскаго,—все это вызывало на работу и поощряло ее.

Въ засѣданіи 25 ноября 1845 г. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ В. М. Undольскій прочелъ статью „Объ открытіи и изданіи твореній Климента, епископа Словенска“, въ которой указалъ, что ему удалось найти замѣчательное твореніе Климента — Похвалу св. Кириллу философу. Это — первая статья

Ундольскаго, намъ извѣстная, которая однако была напечатана въ извлеченіи только въ 1867 г. („Бесѣд. въ Общ. Люб. Рос. Словесн" 1867 года. вып. 1, стр. 31—38). Первою его напечатанною статьею было—„Новыя розысканія о мѣстѣ погребенія Ляпунова", при нихъ списокъ надгробій Троицкаго Сергіева монастыря, составленный въ XVII в., и азбучный указатель („Чтен. въ Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ", годъ 1-й (1845—46), II, стр. 24—50) Эта статья была написана на основаніи вкладной книги. розысканной Ундольскимъ въ лаврскомъ архивѣ. За нею слѣдовалъ болѣе капитальный библіографическій трудъ—„Сильвестръ Медвѣдевъ (+1691), отецъ славянорусской библіографіи и его „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ" (тамъ же, III, стр. I—XXX+1—90, и отдѣльно: М., унив. тип., 1846, 8о. XXX+90 стр.), съ указателемъ именъ и предметовъ и съ приложеніемъ факсимиле (описаніе 204 книгъ). Тогда же В. М. напечаталъ еще двѣ замѣтки—„Іосифъ Тризна, редакторъ патерика Печерскаго" (тамъ же, IV, стр. 5—10) и „Современная запись о сидѣвшихъ въ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря" (стр 1—4, тамъ же). Въ концѣ 1845 г. вышло описаніе библіотеки Общества. составленное П. М. Строевымъ; это дало поводъ Ундольскому написать, по отзыву знатоковъ, одно изъ лучшихъ произведеній—„Библіографическія розысканія" („Москвитянинъ", 1846. № 2, стр. 138—162; № 3. стр. 147—175. и №11—12, стр. 180—230). Въ первой статьѣ В. М. представилъ „Очеркъ библіографическихъ трудовъ въ Рос-

сіи", причемъ поименовалъ и оцѣнилъ всѣ главныя пособія для изученія русской библіографіи; въ остальныхъ статьяхъ заключаются „библіографическія розысканія по случаю выхода описанія библіотеки Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ". Всѣ три статьи тогда же (М., тип. Авг. Семена, 8°. 105 стр.) были изданы и отдѣльной брошюрой. П. М. Строевъ, прочитавъ замѣчанія Ундольскаго на свой трудъ, по свидѣтельству А. Е. Викторова, съ тѣхъ поръ сталъ признавать въ Ундольскомъ „великаго мастера своего дѣла". Къ этому же времени надо отнести и составленіе Вуколомъ Михайловичемъ очень умной, по словамъ Бодянскаго, статьи — „О Константинѣ—Кириллѣ, Константинѣ Климентѣ и просто Константинѣ, ученикѣ Меѳодія Моравскаго", которую Ундольскій читалъ въ одномъ изъ засѣданій Общества, но которая не была напечатана.

Поощренный успѣхомъ своихъ первыхъ литературныхъ трудовъ, В. М. становится однимъ изъ усердныхъ сотрудниковъ „Чтеній Общества" до самаго закрытія этого изданія въ 1848 году. Во второмъ годѣ изданія (1846 — 1847) онъ помѣстилъ тамъ „Каталогъ россійскимъ книгамъ библіотеки Павла Демидова", составленный имъ самимъ и изданный Ундольскимъ, съ прибавленіемъ указателя именъ и предметовъ („Чт." 1846—47 г., II, стр. 1—38, и отд.: М., унив. тип., 1846, 8°. VI+35 стр.—Указано 529 книгъ); „Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи", съ приложеніями и алфавитомъ старинныхъ нотныхъ терминовъ (тамъ же, II, стр. 1—46); „Объ ученыхъ

трудахъ Епифанія Славинецкаго". Современные матеріалы, съ замѣчаніями (тамъ же, IV, стр. 69—72), и „Опись греческимъ, греко-латинскимъ, польскимъ и словенскимъ печатнымъ и письменнымъ книгамъ, поступившимъ въ 1675 г. изъ Воскресенскаго монастыря и принадлежавшаго ему Иверскаго подворья въ патріаршую ризную казну, составленная печатнаго двора справщикомъ монахомъ Евфиміемъ", съ замѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ В.Undольскаго (тамъ же, V, стр. 1—20,—и отд.: М., унив. тип., 1847. 8°. II+20 стр.— съ такимъ заглавіемъ: „Опись книгамъ, поступившимъ въ 1675 г. въ патріаршую ризную казну", составленная..... и т. д.).—Въ третій годъ изданія „Чтеній Общества" (1847—1848) В. М. Undольскимъ были напечатаны: „Оглавленіе четій миней всероссійскаго митрополита Макарія, хранящихся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, составленное справщикомъ монахомъ Евфиміемъ", съ введеніемъ Undольскаго („Чт. Общ. И. и Др. Рос.", г. 3-й, 1847—1848, IV, стр. 1—78, и отд.: М., унив. тип., 1847. 8° VI+72+2 нен. стр.); „Краткая историческая записка о монастырѣ русскомъ св. Великомученика Пантелеимона, находящемся на св. Аѳонской горѣ", съ приложеніемъ: „Сказаніе о святѣй горѣ Аѳонстѣй" (тамъ же, IV, стр. 11—36); „Опись книгамъ въ степенныхъ монастыряхъ находившимся, составленная въ XVII в. (1652 г.)", напечатанная по списку, хранящемуся въ Москов. Синодал. Библіотекѣ" (тамъ же, VI, смѣсь, стр. 1—44.—и отд.: М., унив. тип. 8°. IV+44 стр.—Указано 2672

книги): „Славяно-русскія сочиненія въ пергаментномъ сборникѣ И. Н. Царскаго“, съ предисловіемъ В.Undольскаго и Бодянскаго (тамъ же. VII. стр. XXV и 1—59 и II нен.): „Каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати, библіотеки А. И. Кастерина, составленный В. Undольскимъ“ (тамъ же. IX. стр. 97—144.—и отд. въ двухъ видахъ: М., унив. тип., 1848, 8°. VIII+50+2 нен. стр. и М., унив. тип., 1848, 16°. XVI+199 стр. Послѣднее изданіе особенно рѣдко встрѣчается). Въ предисловіи Undольскій сообщаетъ свѣдѣнія о Кастеринѣ (+1847 г.), а въ каталогѣ указываетъ заглавіе 1026 книгъ. Это было самое обширное собраніе старопечатныхъ книгъ, которое послѣ смерти владѣльца было куплено за 10 тысячъ С. Ѳ. Соловьевымъ и имъ принесено въ даръ Импер. Публичной Библіотекѣ въ 1848 году.

Въ 1848 году В. М. Undольскій окончилъ „Описаніе славянскихъ рукописей Московской патріаршей (нынѣ синодальной) библіотеки“, составляющее въ рукописи два большихъ тома, заключающихъ въ себѣ 1243 стр. въ 4°. Всѣхъ рукописей въ немъ описано 980, т. е. славянскій отдѣлъ синодальной библіотеки описанъ весь, вполнѣ, и кромѣ того, въ концѣ описанія приложены: матеріалы для предисловія и исторіи синодальной библіотеки, описаніе 27 синодальныхъ рукописей, составл. Я. И. Бередниковымъ, и алфавитный къ описанію указатель. Окончивъ свой капитальный трудъ, Undольскій приступилъ къ печатанію его въ „Чтеніяхъ Общества“ и въ 1848 г. успѣлъ напечатать 7 полулистовъ, т. е. 56 стр. Въ 1848 г.,

какъ извѣстно, въ „Чтеніяхъ“ были помѣщены (въ переводѣ Н. В. Калачева) „Записки иностранца Фелера о Руси при Іоаннѣ Грозномъ“ (въ іюнѣ 1848 г.), за которыя постигла жестокая кара и Общество, и Бодянскаго. „Чтенія“ прекратились, прекратилось и изданіе „Описанія“ Ундольскаго, отпечатанныя 56 стр. котораго (описано 110 номеровъ) были выпущены въ свѣтъ только въ 1867 г. („Чтен. Общ.“ 1867 г., кн. 2-я, IV+56 стр.), съ предисловіемъ Бодянскаго, объяснившаго, что причиной остановки и прекращенія „Описанія“ былъ извѣстный погромъ, постигшій „Чтенія“ въ 1848 году. По послѣдующимъ изслѣдованіямъ (А. Е. Викторова) оказывается, что причина была совсѣмъ другая: „намѣреніемъ и стараніемъ Ундольскаго напечатать описаніе синодальныхъ рукописей, и ходатайствомъ гр. Д. Н. Блудова объ официальномъ порученіи Ундольскому этого дѣла, въ 1849 г. было вызвано распоряженіе святѣйшаго синода, по представленію Московскаго митрополита Филарета, о составленіи для той же цѣли особой коммиссіи изъ духовныхъ лицъ, съ допущеніемъ Ундольскаго, если онъ пожелаетъ, только къ „совмѣстному занятію по составленію „Описанія“ синодальныхъ рукописей съ назначенными для сего лицами“, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ митрополита. Послѣ этого продолженіе печатанія составленнаго Ундольскимъ „Описанія „было очевидно чистою невозможностію.“ (Послѣ тѣ же рукописи образцово были описаны А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ). Въ упомянутомъ выше предисловіи Бодянскаго о внѣшней сторонѣ „Оп-

санія“ Ундольскаго, сказано что она ни у кого изъ нашихъ библіографовъ не является въ такой полнотѣ, точности и основательности, какъ у Ундольскаго. Начало труда выпущено и отд.: М., унив. тип., 1848. 8°. IV+56 стр. Отдѣлъ I. Богословіе.

Съ закрытіемъ въ 1848 г. „Чтеній“ и съ удаленіемъ отъ всякихъ дѣлъ Бодянскаго сокращается до нѣкоторой степени и литературная дѣятельность Ундольскаго, — по крайней мѣрѣ, въ печати изслѣдованія его стали появляться рѣже. Вмѣсто „Чтеній“ началъ выходить подцензурный „Временникъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, на страницахъ котораго Вуколъ Михайловичъ помѣстилъ—„Изслѣдованіе о значеніи вруцѣлѣта въ пасхаліи, о способѣ провѣрять имъ данныя, и рѣшеніе посредствомъ вруцѣлѣта того, что годъ сентябрскій предшествуетъ 6-ю мѣсяцами мартовскому“ (кн. IV, стр. 43—70); „Библіотека Павла, митрополита Сарскаго и Подонскаго, и книги и имущество Епифанія Славинецкаго“, опись книгъ, заимствованная изъ сборника дѣловыхъ бумагъ, хранящихся въ Москов. Синод. Библіотекѣ (тамъ же, кн. V, 1850 г., смѣсь, стр. 65—83); „Слово о Великомъ князѣ Димитріѣ Ивановичѣ и о братѣ его Владімірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая“, съ предисловіемъ И. Бѣляева (тамъ же, кн. XIV, стр. 1—XIV+1—8); „Наказныя уставныя грамоты митрополита Макарія въ Новгородъ“ (26 іюня и 16 іюля 1551 г.) (тамъ же, стр. 15—17); „Грамоты объ учрежденіи поповскихъ старостъ и о церковномъ благочиніи въ Москвѣ“ (1 іюня 1594 г.

и 1 октября 1604 г.) (тамъ же, стр. 21—28); „Приходъ чюдотворнаго Николина образъ Зарайскаго, иже бе из Корсуня града в предѣлы резанскіе ко князю Федору Юрьевичю Резанскому во второе лѣто по Калскомъ побоищѣ“, 1226 г. (тамъ же, кн. XV. стр. 11—21).

Въ 1858 году помилованный, возвращенный и вновь избранный въ секретари Общества Исторіи и Древн. Россійскихъ, О. М. Бодянскій возобновилъ изданіе „Чтеній“, но В. М. Ундольскій до своей смерти ничего уже не помѣщалъ въ нихъ. Большинство его изслѣдованій за послѣдніе 10 лѣтъ жизни осталось въ рукописяхъ,—напечаталъ онъ только —„Альманахъ, индиктіонъ, кругъ міротворный, кустодія, матица, перекрой, предрѣчіе, седмочисленникъ, форматъ“, толкованіе этихъ словъ въ „Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній, относящ. до Россіи“, изд. Н. В. Калачевымъ (кн. I, 1850 г., отд. III, стр. 3—18, и тоже, изд. 2-е, безъ перемѣнъ, Спб., 1876 г., 8°, стр. 3—19); „Новая редакція (XIII вѣка) Слова Даніила Заточника (жившаго во время Юрія Долгорукова)“ въ „Рус. Бесѣдѣ“ 1856 г., кн. 2, отд. II. стр. 90—122 (и отд.: М., 1856. 8°. 34 стр.); „Сказка объ Урусланѣ Залазаревичѣ“ (по рукописи XVII в.) въ „Лѣтописяхъ Рус. Литер. и Древн.“ (1859 г., т. II, кн. 4, отд. II. стр. 100—128); „Похвальное слово Софронія Лихуды Екатеринѣ I“, съ замѣткою, въ „Рус. Архивѣ“ 1863 г., вып. 10—11, столб. 761—766, и „Некрологъ. Т. Ѳ. Большаковъ (+19 декабря 1863 г.)“ въ „Моск. Вѣдом.“ 1863, № 279.—

Для полноты необходимо еще отмѣтить, что въ 1856 г. В. М. Ундольскій представилъ въ Импер. Академію Наукъ сочиненіе (въ рукописи) – „Изслѣдованія о Церковно-Славянскихъ Хронографахъ. Т. I. О временникѣ Георгія Амартола въ отношеніи къ Несторовой лѣтописи“: разборъ сочиненія былъ порученъ академику А. А. Куник у, по отзыву котораго („25-е присужденіе Демидов. наградъ“. Спб., 1856, стр. 71—84) Ундольскому и присуждена была Демидовская премія, но сочиненіе не было напечатано.

Таковы труды Вукола Михайловича, напечатанные при его жизни и снискавшіе ему славу первостепеннаго нашего библіографа и палеолога. Жизнь его за это время была очень скудна событіями. Поступивъ въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ 1842 г., онъ много работалъ тамъ по порученію кн. Оболенскаго; лѣтъ черезъ пять онъ вынужденъ былъ перейти въ архивъ министерства юстиціи, гдѣ управляющимъ былъ П. И. Ивановъ; здѣсь онъ и служилъ до конца своей жизни. Разстался В. М. съ кн. Оболенскимъ, по словамъ Н. П. Барсукова, вслѣдствіе возникшихъ неудовольствій, преимущественно по поводу библіографіи. Князь, занимаясь собираніемъ рукописей и книгъ, не жалѣлъ денегъ и пріобрѣтенія свои показывалъ Ундольскому, который по примотѣ своего характера сильно расхолаживалъ восторгъ князя, оцѣнивая покупки гораздо ниже уплоченной суммы.— 25 января 1847 г. въ засѣданіи Общества Ист. и Древн. Россійскихъ, на мѣсто П. М. Строева, Ундольскій былъ избранъ въ библіотекари, при чемъ ему по-

чено было произвести пріемъ библіотеки самый строгій что онъ, по его же словамъ, и исполнилъ съ точностію. Въ 1863 г. В. М. ѣздилъ въ Петербургъ и тамъ велъ переговоры объ изданіи сочиненій Ив. Петр. Сахарова, котораго онъ считалъ уже умершимъ (+1863 г.), но, оказалось, это дѣло уже поручено было другому лицу.

П. А. Безсоновъ такъ характеризуетъ В. М. Undольскаго: „Судьба провела его по пути тернистом, по обстоятельствамъ труднымъ, испытаніямъ тяжелымъ. Уроженецъ села, воспитавшій себя безпомощно, кандидатъ духовной академіи, мелкій чиновникъ архива иностранныхъ дѣлъ, невидный чиновникъ архива юстиціи, вотъ и все.—и одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ Русскихъ людей, послуживший русскому просвѣщенію, какъ не многіе служатъ, съ полнымъ самоотверженіемъ. Собраніе библіотеки, которому отдался онъ съ первыхъ шаговъ дѣятельности—вотъ что сосредоточивало его, поддерживало въ искушеніяхъ, спасало отъ уклоненій, питало и возвышало душу. Это было дѣло безкорыстной, пламенной, неотступной любви къ русскому просвѣщенію, къ его исторіи, къ памятникамъ. И при богатствѣ сокровищъ своихъ, оставался бѣднякомъ. При постигшей тяжкой болѣзни, врачей своихъ удивлялъ видимымъ истощеніемъ и твердостью духа. Неутомимый собиратель библіотеки, вѣрный стражъ ея, покончилъ службу Россіи такъ же, какъ началъ и велъ. Одинокій, безъ семьи, безъ сердечныхъ друзей, свезенъ былъ въ клинику", гдѣ и скончался 1-го ноября 1864 года. Москва почтила тор-

жественнымъ погребеніемъ своего достойнаго гражданина, тѣло его провожали до Симонова монастыря представители всѣхъ сословій Москвы.

Богатое собраніе рукописей В. М. Ундольскаго, а также его рукописныя сочиненія (всего до 1422 нумеровъ) и собраніе его старопечатныхъ книгъ были пріобрѣтены, благодаря щедрости А. И. Кошелева, въ 1866 году за 25 тысячъ р. с. Московскимъ Румянцевскимъ музеемъ; часть книгъ въ томъ же году передана была А. И. Хлудовымъ въ Московскую Духовную Академію.

Со смертью Ундольскаго, однако, не прекратилось печатаніе его изслѣдованій: изъ богатаго собранія продолжали извлекать интересныя статьи и печатать ихъ,—такъ, въ „Сборникѣ на 1866 годъ. Изданіе Общества „Древне-русскаго искусства“ (отд. I. стр. 137—155) было напечатано „Описаніе греческаго кодекса псалтири IX—XII в., съ современными изображеніями, принадлежащаго А. И. Лобкову“; въ „Бесѣд. въ Обществѣ Любит. Россійск. Словесности“ (вып. 2. стр. 53—56) напечатано „Нѣсколько словъ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ и суевѣріяхъ“; въ „Памятникахъ Древней Письменности“ (1879 г., II. стр. 125—127) Н. П. Барсуковъ сообщилъ замѣтку Ундольскаго о „Хожденіи св. Іоанна Богослова“, а въ „Древн. и Нов. Россіи“ онъ же напечаталъ (1880 г., № 4, стр. 730—732, 735—36 и 737—38) письма Ундольскаго къ И. И. Сахарову.

Въ 1870 году вышло въ свѣтъ изданіе—„Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя

самимъ составителемъ и бывшимъ владѣльцемъ собранія, съ № 1 по 579-й. Съ приложеніемъ очерка собранія рукописей В. М. Ундольскаго, въ полномъ составѣ. Изданіе Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, на иждивеніе В. А. Дашкова". М., унив. тип., 1870, 8°, III+368+64+2 пен. стр. Тогда же вышло отдѣльно: „Собраніе славяно-русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго. Библіографическій очеркъ А. Е. Викторова". М., 1870, 8°, 64 стр. (отд. оттискъ изъ предъидущаго). Наконецъ, въ 1871 году вышелъ „Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, съ дополненіями А. Ф. Бычкова и А. Е. Викторова", изд. Москов. Публ. и Румянц. Музея. М. 1871 г., тип. Грачева, 8°, IV+388 столбцовъ,—извѣстное и подъ другимъ заглавіемъ: „Хронологическій указатель славяно-русскихъ книгъ церковной печати, съ 1491 по 1864 г. Вып. 1-й". Это единственный каталогъ, въ которомъ описаніе книгъ церковной печати продолжено до 1864 г. включительно.

Объ Ундольскомъ см.: „Рус. Вѣдом." 1864, № 136 (П. Б.).—„День" 1864. № 45 (П. Безсоновъ).—„Иллюстр. Газета", т. XIV, 1864. № 45, стр. 319.—„Матеріалы для библіографіи" Я. Ѳ. Березина-Ширяева. Спб., 1870, кн. VIII, стр. 133.—„Истор. Моск. Дух. Академ." С. Смирнова. М., 1879, 8°, стр. 295, 304, 497—502 и 549.—„Необход. допол. къ настол. словарю" Толля. Спб. 1866.—„Рус. Арх.", 1866, № 4, столб. 577—578.—„Мѣсяцесловъ" на 1866 г., изд. Акад. Наукъ.—„Зап.

Имп. Академ. Наукъ". т. VI (1865 г.), кн. 2. стр. 279—284 („Воспоминаніе о трудахъ В. М. Удольскаго", И. И. Срезневскаго).—„Правосл. Обозрѣніе", 1870, № 5. стр. 872—894 („Рукописная библіотека В. М. Удольскаго", В. О. Ключевскаго). - „Книж. Вѣстн." 1864. № 21.—„Рус. Энцикл. Слов." Н. Березина.—„Настол. Энцикл. Словарь", Гарбеля.—„Описи русскихъ библіотекъ", Н. Бокачева. Спб., 1890 г.—„Древ. и Нов. Россія", 1880, № 2, стр. 265—268 („Русскіе палеологи", Н Барсукова, съ портретомъ въ № 4).—„Библіографъ" 1893 г., вып. 2—3 (портретъ).

IV.

В. А Татариновъ.

Валеріанъ Алексѣевичъ Татариновъ, занимавшій одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ въ ряду русскихъ администраторовъ и отличавшійся необыкновенною энергіею, трудолюбіемъ, рѣдкимъ умомъ и безукоризненною честностью, былъ статсъ-секретаремъ Его Величества Государя Императора Александра II и государственнымъ контролеромъ въ 1863—1871 годахъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія симбирскій помѣщикъ маіоръ Алексѣй Ильичъ Татариновъ владѣлъ небольшою вотчиною въ с. Голоперовѣ, Переславскаго у., Владимірской губерніи. Здѣсь, въ селѣ Голоперовѣ, у маіора Татаринова и жены его Александры Ивановны 20 августа 1815 года и родился сынъ Валеріанъ, кре-

щенный 21-го числа, при чемъ воспріемникомъ былъ „московскій князь Иванъ Васильевичъ Макшутовъ“. Вскорѣ послѣ этого маіоръ А. П. Татариновъ умеръ и сынъ Валеріанъ, оставшійся послѣ смерти отца не болѣе 5 лѣтъ, подготовленный матерью, переселился на жительство въ Москву къ крестному и, если не ошибаемся, родному дѣдушкѣ, съ помощью котораго и поступилъ для полученія образованія въ Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Въ настоящее время объ этомъ учебномъ заведеніи остались только смутныя воспоминанія,—оно было преобразовано 65 лѣтъ тому назадъ (въ 1830 г.) въ гимназію, но тогда это было въ Москвѣ единственное среднее учебное заведеніе для лицъ дворянскаго происхожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ не было похоже на гимназію,—пансіонъ ближе подходилъ къ лицею, напр., къ Александровскому (Царскосельскому). Господствовавшее въ пансіонѣ образованіе можно назвать энциклопедическимъ, общимъ, подготовительнымъ: отсюда выходили воспитанники съ прочными началами, съ основательнымъ знаніемъ одной—двухъ—трехъ любимыхъ отраслей науки, сообразно призванію, вкусамъ, склонностямъ, дарованію, и вступая потомъ въ службу военную или статскую, придворную или дворянскую, ученую или дипломатическую, горную или морскую, являлись тамъ не учениками, а довольно знающими свое дѣло. Лучшіе изъ воспитанниковъ въ высшихъ классахъ пансіона производились въ студенты и получали право, независимо отъ занятій своихъ въ пансіонѣ, слушать лекціи въ Университетѣ. При окончаніи кур-

са особенно хорошіе воспитанники получали званіе дѣйствительныхъ студентовъ, имена одного или двоихъ, получившихъ золотыя медали и одобрительные листы, вписывались на особой доскѣ въ залѣ „торжественныхъ актовъ“ золотыми буквами, и всѣмъ оканчивающимъ воспитанникамъ присвоивались (съ 1818 г.) классы 14, 12 или 10, смотря по ихъ успѣхамъ.

Мы намѣренно уклонились нѣсколько въ сторону, чтобы показать—какую прошелъ школу В. А. Татариновъ (болѣе онъ нигдѣ не учился), а насколько его занятія были успѣшны, объ этомъ можно судить по тому, что онъ кончилъ съ правомъ на чинъ X класса и имя его записано на доскѣ золотыми буквами. При немъ пансіонъ былъ преобразованъ въ гимназію, а потомъ въ дворянскій институтъ (въ 1833 г.).

По окончаніи курса, 20-лѣтній юноша 14 августа 1835 г. поступилъ на службу въ канцелярію государственнаго контроля, откуда вскорѣ перешелъ во временную контрольную коммиссію морскаго вѣдомства. Въ январѣ 1836 г. В. А. былъ переведенъ въ государственную экспедицію для ревизіи счетовъ; въ этомъ же году главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ было переименовано въ государственный контроль и тогда Татариновъ былъ сдѣланъ младшимъ контролеромъ. Съ этого времени начинается сравнительно быстрое повышеніе Валеріана Алексѣевича по служебной лѣстницѣ. Въ 1838 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ управляющаго особою экспедиціею при государственномъ контролѣ, а въ 1840 г. мы его видимъ чиновникомъ особыхъ порученій VII клас-

са при департаментѣ. Въ 1842 г. Татариновъ участвовалъ въ составленіи свода контрольныхъ законовъ при II отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи и состоялъ членомъ коммиссіи для ревизіи казначейскихъ книгъ государственнаго контроля. Въ 1843г. В. А. былъ командированъ въ Казань на правахъ оберъ-контролера для повѣрки счетовъ казенной палаты на мѣстѣ, и по исполненіи этого порученія назначенъ въ 1844 г. экспедиторомъ канцеляріи государственнаго контроля. Въ 1845 г. онъ былъ командированъ въ Тамбовскую губернію для провѣрки и устройства отчетности приказа общественнаго призрѣнія, и за успѣшное исполненіе этого порученія получилъ Высочайшее одобреніе и 1000 р. награды. Въ началѣ 1848 г. онъ состоялъ членомъ общаго присутствія контрольнаго департамента гражданскихъ отчетовъ (были тогда еще департаменты военныхъ и морскихъ отчетовъ) и въ этомъ званіи произвелъ независимую ревизію отчетовъ по заграничнымъ денежнымъ операціямъ министерства финансовъ за 1847 г. и отчетовъ государственныхъ кредитныхъ установленій; въ концѣ того же года Татариновъ занялъ мѣсто вице-директора канцеляріи государственнаго контроля. Въ этой должности Валеріанъ Алексѣевичъ занимался составленіемъ положенія и штатовъ ревизіонной коммиссіи по отчетности главнаго Черноморскаго управленія, пересмотромъ правилъ отчетности министерства внутреннихъ дѣлъ, ревизіею отчетовъ по заграничнымъ денежнымъ операціямъ министерства финансовъ за 1848 годъ и ревизіею государственныхъ кредитныхъ установленій. Въ

1850 г. В. А. назначенъ былъ членомъ и производителемъ дѣлъ комитета по устройству отчетности и ревизіи. Въ мартѣ 1851 г. тридцатишестилѣтній В. А. Татариновъ былъ произведенъ за особо усердную службу и труды въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (нельзя не отмѣтить, что всѣ чины, начиная съ титулярнаго совѣтника, В. А. получалъ за отличіе, а не за выслугу лѣтъ). Въ 1852 г. В. А. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при государственномъ контролѣ; въ слѣдующемъ году ему поручено было исправлять должность директора канцеляріи государственнаго контроля, а чрезъ нѣсколько дней онъ былъ утвержденъ въ этой должности. 1852—1853 годы Татариновъ провелъ въ занятіяхъ по комитету объ устройствѣ отчетности и ревизіи, по ревизіонному комитету для повѣрки отчетовъ государственныхъ кредитныхъ установленій, и организовалъ центральную бухгалтерію при государственномъ контролѣ; кромѣ того, въ качествѣ предсѣдателя назначенной по Высочайшему повелѣнію особой коммиссіи изъ чиновъ контроля для опредѣленія дѣйствительнаго недостатка въ капиталахъ комитета 1814 г. о раненыхъ (вслѣдствіе растраты директоромъ Политковскимъ около $1^1/_2$ милліона руб.) Валеріанъ Алексѣевичъ въ теченіи 9 мѣсяцевъ 1853 года обревизовалъ отчетность за 20 лѣтъ, и за такую успѣшную дѣятельность удостоился Высочайшей благодарности и получилъ орденъ св. Станислава 1 степени.

Этимъ заканчивается почти 20-лѣтній періодъ службы В. А. Татаринова въ царствованіе императора

Николая I: этотъ періодъ можно назвать подготовительнымъ.—онъ почти весь ушелъ на всестороннее знакомство съ существовавшими порядками: въ этомъ помогли Татаринову выдающіяся способности и опытность, пріобрѣтенная усидчивымъ трудомъ. Эти достоинства всегда цѣнились въ немъ: мы уже видѣли, что начальство, которому были извѣстны знанія и опытность Татаринова въ контрольномъ дѣлѣ, 25-лѣтняго молодаго человѣка въ 1840 г. нашло нужнымъ и возможнымъ привлечь къ участію въ составленіи контрольныхъ законовъ. Послѣ онъ не разъ привлекался къ организаціи составныхъ частей государственнаго контроля и всегда выполнялъ дѣлаемыя порученія блистательно. Въ концѣ царствованія Николая I была сознана, наконецъ, необходимость существеннаго преобразованія системы контрольной отчетности, и это было возложено на того же Татаринова, который давно стремился къ этой работѣ.

Еще въ 1840 г. призванный къ участію въ составленіи контрольныхъ законовъ, В. А. Татариновъ, при знакомствѣ съ существовавшими порядками, убѣдился въ несовершенствѣ тогдашней государственной отчетности, которая заключалась въ томъ, что подотчетныя министерства получали отъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ отчеты, провѣренные по документамъ самими распорядителями и удостовѣренные мѣстными управленіями въ томъ, что показанные въ отчетѣ обороты согласны съ документами (распорядители провѣряли собственныя свои дѣйствія); въ министерствахъ отчеты вновь провѣрялись (съ внѣшней

стороны). изъ нихъ составлялись своды доходовъ и расходовъ. которые подъ именемъ генеральныхъ отчетовъ и доставлялись, наконецъ, въ государственный контроль. гдѣ ревизія ихъ по необходимости ограничивалась подсчитываніемъ и сличеніемъ цифровыхъ данныхъ. Такова внѣшняя сторона отчетности, а внутренняя отличалась хаотическимъ состояніемъ: срока для смѣтъ не было. остатки не показывались, перечисленія практиковались въ широкихъ размѣрахъ и т. д., и при всемъ томъ—замѣчалась удивительная медленность.—отчеты не обревизовывались по 10 и болѣе лѣтъ. У Валеріана Алексѣевича тогда же, въ началѣ 40-хъ годовъ. зародилась мысль о будущемъ преобразованіи отчетныхъ порядковъ и о созданіи независимаго контроля. что ему и удалось привести въ исполненіе, не смотря на всевозможныя преграды, особенно со стороны лицъ. привыкшихъ распоряжаться казеннымъ карманомъ. какъ своимъ собственнымъ. На сторонѣ Татаринова были лучшія силы Россіи и во главѣ ихъ незабвенный покойный Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. который въ 1854 г., еще будучи Наслѣдникомъ. сдѣлалъ такую замѣтку: „Я не только согласенъ, но убѣжденъ. что существующая нынѣ въ Россіи система контрольной отчетности требуетъ преобразованія существеннаго; требуетъ для того. чтобы подчинить ревизіи строгой и правильной. и по документамъ, и на самомъ мѣстѣ всѣ операціи, и денежныя и матеріальныя, всѣхъ безъ изъятія отраслей государственнаго управленія". По вступленіи на престолъ Императоръ Александръ II вскорѣ

привелъ эту идею и въ исполненіе.— 15 марта 1855 г. извѣстнаго ему своими ревизіонными трудами и горячею преданностію государственнымъ интересамъ В. А. Татаринова. Онъ назначилъ генералъ-контролеромъ департамента гражданскихъ отчетовъ; въ ноябрѣ того же года, по ходатайству Великаго Князя Константина Николаевича, особенно ратовавшаго за измѣненіе системы государственной отчетности, В. А. былъ по Высочайшему повелѣнію командированъ за границу для изученія дѣйствующихъ въ западныхъ европейскихъ государствахъ счетныхъ и контрольныхъ учрежденій.

Исполнивъ возложенное на него порученіе, В. А. Татариновъ въ 1858 году вернулся въ Россію и представилъ слѣдующіе труды, которые тогда же были напечатаны (анонимно) на казенный счетъ (всѣ въ Спб., 1858 г., въ листъ): „Государственная отчетность въ Австріи“, „Государственная отчетность въ Бельгіи“, „Государственная отчетность въ Пруссіи“, „Государственная отчетность во Франціи“ и „Хозяйство и отчетность военнаго министерства во Франціи“, и былъ отлитографированъ — „Общій сравнительный обзоръ системъ государственной отчетности во Франціи, Бельгіи, Австріи и Пруссіи“ (нѣкоторые изъ вышеуказанныхъ трудовъ — „Гос. отч. во Франціи“,— въ Бельгіи,—въ Пруссіи,—въ 1881—1884 г.г. были повторены изданіемъ (Спб.), съ дополненіями И. И. Кауфмана). На основаніи этихъ трудовъ, принятыхъ въ новой государственной отчетности (какъ въ кассовомъ устройствѣ, такъ и въ организаціи, задачахъ и правахъ государствен-

наго контроля), введенной въ Россіи въ 1864—66 годахъ, былъ тогда же (въ 1858) выработанъ всеподданнѣйшій докладъ Государю Императору, удостоившійся слѣдующей Его Величества собственноручной отмѣтки: „По важности сего дѣла, желаю, чтобы оно было прочитано въ совѣтѣ министровъ. А съ своей стороны совершенно раздѣляю вашъ взглядъ и желалъ бы, чтобы и прочіе министры убѣдились въ необходимости приступить къ радикальному улучшенію какъ нашего счетоводства, такъ и вообще финансовой системы нашей". Результатомъ исполненія Высочайшей воли, выраженной въ приведенной отмѣткѣ, было учрежденіе по Высочайшему повелѣнію особой коммиссіи для разсмотрѣнія и обсужденія пользы и необходимости принятія коренныхъ началъ государственной отчетности, при чемъ Татариновъ былъ назначенъ производителемъ дѣлъ этой коммиссіи. Вскорѣ послѣ этого В. А. былъ пожалованъ въ званіе статсъ-секретаря Его Величества и опредѣленъ членомъ совѣта Государственнаго контроля. Учрежденная въ ноябрѣ 1858 г. особая коммиссія черезъ три мѣсяца, 13 февраля 1859 г., благодаря энергіи Татаринова, закончила свой сложный трудъ, представила докладъ, заключавшій въ себѣ проектъ составленія, разсмотрѣнія и заключенія смѣтъ, введенія единства кассы и установленія одной ревизіонной инстанціи—государственнаго контроля для предварительной и послѣдующей повѣрки дѣйствій исполнителей и распорядителей по движенію капиталовъ. Проектъ былъ Высочайше утвержденъ. Какъ дальнѣйшее развитіе принятыхъ ко-

ренныхъ началъ, была учреждена при государственномъ контролѣ, подъ предсѣдательствомъ В. А. Татаринова, спеціальная коммиссія для устройства кассоваго и ревизіоннаго порядка съ цѣлью подготовительной разработки вопросовъ по преобразованію государственной отчетности. Эта коммиссія въ мартѣ 1860 г. уже окончила свою трудную и кропотливую работу, при чемъ выяснила возможность возврата казначейству капиталовъ на 50 милліоновъ руб. слишкомъ, изготовила смѣтныя правила и формы и составила кассовыя правила, эту основу государственнаго счетоводства и отчетности.

Въ 1861 г. Валеріанъ Алексѣевичъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи при министерствѣ финансовъ объ улучшеніи податей и сборовъ, а въ 1862 г.— членомъ въ коммиссію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Въ томъ же 1862 г. за успѣшные труды спеціальной коммиссіи Татаринову Всемилостивѣйше назначена была аренда въ 4000 десятинъ земли, которая въ 1869 г. была по Высочайшему повелѣнію замѣнена выдачею ежегодно, въ продолженіи 12 лѣтъ, по 5 тысячъ руб. сер.

1 января 1863 г. Татариновъ былъ опредѣленъ къ исправленію должности государственнаго контролера, въ каковой должности утвержденъ въ апрѣлѣ того же года. Ему тогда же повелѣно было войти въ соображеніе о возможности произвести въ С.-Петербургѣ опытъ единства кассы съ установленіемъ предварительнаго контроля; но на первыхъ порахъ онъ встрѣтилъ возраженіе тогдашняго министра финансовъ

противъ предварительнаго контроля, и послѣдній поэтому былъ признанъ необходимымъ и допущенъ только спустя нѣсколько лѣтъ. Опытъ единства кассы введенъ былъ въ 1864 г. въ С.-Петербургѣ, съ 1865 г. въ 12 губерніяхъ, а съ 1866 г. и по всей Россіи. Кромѣ того, въ теченіи 7 лѣтъ службы на посту государственнаго контролера Валеріанъ Алексѣевичъ постоянно трудился надъ введеніемъ въ жизнь и дальнѣйшею разработкою составленныхъ при его ближайшемъ участіи новыхъ системъ смѣтъ, отчетности и контроля.

Такова была дѣятельность Татаринова, правда, не блестящая на видъ и потому для многихъ не замѣтная, — многіе-ли интересуются формой существующихъ смѣтъ, отчетности, ревизій? и созданіе новыхъ формъ для большинства—пустая канцелярская работа; но надо знать „старыя“ и „новыя“ формы, чтобы видѣть достоинство послѣднихъ, надо знать, что созданныя В. А. Татариновымъ „новыя формы“ внесли порядокъ въ хаотическое состояніе нашего государственнаго бюджета, они ограничили царившій до нихъ произволъ въ расходованіи казенныхъ суммъ; надо знать, что только усиліями Татаринова государственный контроль былъ выведенъ изъ своего почти безполезнаго существованія на тотъ путь, который далъ ему возможность съ честью и успѣхомъ исполнять свое истинное государственное значеніе. Чтобы видѣть, насколько произведенная Татариновымъ реформа была благотворною, достаточно указать на тотъ общеизвѣстный фактъ, что фигурировавшіе въ былыхъ отчетахъ

хроническіе дефициты до 50 милліоновъ рублей въ 1870 г. были сведены до 5 милліоновъ, а въ 1871 г. получилось даже превышеніе доходовъ надъ расходами на 8 1/2 мил. руб. Съ того времени дефициты стали почти немыслимы.

Изъ личныхъ достоинствъ В. А. Татаринова необходимо отмѣтить его необыкновенную бережливость государственныхъ средствъ; въ частныхъ сношеніяхъ онъ былъ чрезвычайно ласковъ и доступенъ, но въ исполненіи долга суровъ и непреклоненъ; всецѣло отдавшись дѣлу, В. А чуждался всякихъ развлеченій и совершенно не щадилъ себя.

Валеріанъ Алексѣевичъ Татариновъ скончался въ 2 часа ночи 14-го февраля 1871 года отъ разрыва сердца. Вскрытіе тѣла обнаружило у Татаринова глубокое разстройство мозговой системы отъ усиленнаго умственнаго труда. Онъ умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣя ордена св. Станислава 1 ст., св. Анны 1 ст., св. Владиміра 2 ст. и Бѣлаго Орла.

Цѣнимый при жизни, онъ по достоинству былъ оцѣненъ и по смерти: Государь Императоръ, въ память и воздаяніе его услугъ родинѣ, повелѣлъ дѣтямъ покойнаго В. А. Татаринова (онъ былъ женатъ съ 1855 г. на дочери князя Н. Гагарина, помѣщика переславскаго уѣзда въ с Новоселкѣ) выдать изъ государственнаго казначейства 100 тысячъ руб., такъ какъ онъ не оставилъ семьѣ обезпечивающаго жизнь состоянія, а государственный совѣтъ своимъ мнѣніемъ, что „статсъ-секретарь Татариновъ неутомимымъ служеніемъ при горячей, полной самоотверженія, пре-

данности государственнымъ пользамъ и неуклонною твердостью въ усвоенныхъ началахъ, сохранилъ государству многіе милліоны рублей и положилъ надежное основаніе для стройнаго и въ будущемъ хода государственной отчетности," засвидѣтельствовалъ предъ всею Россіею о тяжести утраты въ лицѣ Татаринова. Покойный смѣло могъ бы сказать—„весь я не умру, но часть меня большая. отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти будетъ жить, и слава возрастетъ по мнѣ, не увядая".—14 февраля 1896 г. исполнилось 25 лѣтъ со смерти В. А. Татаринова и по этому поводу въ государственномъ контролѣ была отслужена панихида.

В. А. Татариновъ совершенно не имѣлъ времени для занятія литературными трудами,—въ печати остались отъ него только „инструкціи", „правила" да „отчеты" съ весьма поучительными „объяснительными записками" къ нимъ.

О Татариновѣ см. „Москов. Универ. Благород. Пансіонъ", Н. В. Сушкова. М. 1858 г., 4°, прилож. стр 89.—„Портрети. Галлерея", изд. Мюстера. Т. 1-й. Спб., 1865, 4°.—„Иллюстр. Газета", 1871 г., №№ 7 и 10 —„Всеміри. Иллюстр." 1871 г., Т. 5, № 114.—„Биржев. Вѣдом." 1871 г. №№ 47 и 71.—„Недѣля" 1871, № 8.—„Петерб. Листокъ" 1871 г. № 33.—„Рус. календарь" А. Суворина. на 1872 г. Спб.. 1872. -„Наши дѣятели". изд. Баумана. Т. VIII. Спб. 1880, 8°, стр. 33—44. съ портретомъ.—„Энц. Словарь" Брокгауза, полут. 17-й. стр. 408—411.—„Новости" (1-е изд.), 1896 г. № 44 (С. Х.).

V.

И. А. Щедритскій.

Измаилъ Алексѣевичъ Щедритскій, бывшій экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета, родился въ гор. Переславлѣ-Залѣсскомъ, Владимірской губерніи, 31 мая 1792 года.

Въ 1787 году было открыто Переславское училище; первымъ учителемъ его былъ Алексѣй Ивановичъ Щедритскій, получившій воспитаніе въ основанной Императрицею Екатериною II Петербургской Учительской Семинаріи; по Уставу Императора Александра I городскія училища были преобразованы, и тогда (въ 1805 году) А. И. Щедритскій занялъ мѣсто штатнаго смотрителя (перваго по счету) Переславскаго училища. Отъ природы даровитый, по тогдашнему времени и не дурно образованный, А. И. въ молодыхъ годахъ досуги свои посвящалъ и литературѣ,— такъ, имъ были напечатаны нѣкоторыя стихотворенія и „Рѣчь, говоренная по случаю перенесенія ботика Петра Великаго въ новое зданіе". 1807 года.

У А. И. Щедритскаго и родился сынъ Измаилъ, названный такъ въ память славнаго взятія А. В. Суворовымъ турецкой крѣпости того же имени. Первоначальнымъ образованіемъ сына занимался самъ отецъ; учился Измаилъ Щедритскій сначала въ Переславскомъ училищѣ, потомъ—съ 1808 г. во Владимір-

ской губернской гимназіи, откуда въ августѣ (28 числа) слѣдующаго года перешелъ въ Академическую гимназію; кончивъ здѣсь курсъ, Измаилъ Алексѣевичъ въ 1811 году поступилъ въ студенты Московскаго Университета, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1814 году кандидатомъ.

Съ 1815 г. началась служба Щедритскаго при университетѣ: съ 1 мая въ теченіи года (до 1 мая 1816 г.) онъ по порученію Совѣта университета исправлялъ должность письмоводителя Совѣта; 5 ноября того же 1815 года былъ опредѣленъ помощникомъ инспектора казенныхъ студентовъ. 31 октября 1819 г. И. А. Щедритскій послѣ положеннаго по уставу Университета испытанія былъ удостоенъ степени магистра и въ томъ же году Совѣтъ Университета назначилъ его преподавателемъ лекцій для чиновниковъ, обязанныхъ къ тому службою; 26 апрѣля 1822 года Измаилъ Алексѣевичъ былъ опредѣленъ секретаремъ Комитета испытаній, а 5 іюня того же года и цензоромъ для разсматриванія книгъ и рукописей. Съ 1825 г. Щедритскій началъ принимать участіе въ качествѣ секретаря въ Комитетѣ, который ежегодно образовывался для составленія отчетовъ по Университету и его учебному Округу. Усердный работникъ, строгій и точный исполнитель всякихъ распоряженій, Щедритскій былъ до нѣкоторой степени находкой для Университета, который, какъ мы видѣли, нашелъ возможнымъ возложить на Измаила Алексѣевича исполненіе разнообразныхъ порученій; но, надо полагать, самъ Щедритскій началъ, наконецъ, тя-

готиться обиліемъ возложенныхъ на него обязанностей и 26 сентября 1826 г. отказался отъ должности помощника инспектора казенныхъ студентовъ, а 1 сентября 1827 г. и отъ званія цензора для разсматриванія книгъ и рукописей.

Въ 1828 году Измаилъ Алексѣевичъ, наконецъ, достигъ, къ чему стремился: 5 марта онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ Университета, 23 сентября опредѣленъ въ Московское Коммерческое училище преподавателемъ русской словесности и 1 января 1829 г. въ томъ же училищѣ утвержденъ преподавателемъ статистики и коммерческой географіи: кромѣ того, 30 декабря 1828 г. Щедритскій былъ утвержденъ и секретаремъ цензурнаго комитета.

Преподавательскія занятія, къ которымъ молодой ученый относился весьма добросовѣстно, вынудили Измаила Алексѣевича отказаться въ 1829 г. сначала отъ должности секретаря въ Комитетѣ испытаній (11 мая), а потомъ и отъ секретарства въ Комитетѣ по составленію отчетовъ; черезъ 4 года послѣ опредѣленія, именно 22 декабря 1832 г., онъ былъ уволенъ по прошенію и отъ должности секретаря цензурнаго комитета.

Свободное отъ занятій время, по опредѣленіи адъюнктомъ въ Университетъ и преподавателемъ въ училище, И. А. началъ посвящать литературнымъ трудамъ, — такъ, въ 1828 году 12 января въ собраніи Московскаго Университета, въ память основанія послѣдняго, магистръ Измаилъ Щедритскій произнесъ „Рѣчь о вліяніи высшихъ учебныхъ заведеній на усо-

вершенствованіе наукъ и искусствъ, на распространеніе просвѣщенія, сообразно съ видами и благими намѣреніями Правительства", которая тогда же и была напечатана какъ въ „Отчетѣ" Университета за 1827 годъ, такъ и въ „Вѣстникѣ Европы", издававшемся подъ редакціею проф. М. Т. Каченовскаго (1828 г., ч. 157, № 1, стр. 52—68); въ 1828 г. въ томъ же журналѣ („Вѣсти. Евр." ч. 160, № 16, стр. 271— и слѣд.) было напечатано „Вступительное чтеніе о сущности, предѣлахъ и пользѣ Статистики", Адъюнкта Статистики и Исторіи Государства Россійскаго при Московскомъ Университетѣ, Измаила Щедритскаго. Въ слѣдующемъ, 1829 г. были напечатаны въ „Вѣст. Европы" еще два сочиненія Измаила Алексѣевича— разсужденіе „О вліяніи поэзіи на нравы и образованность народовъ въ древнія и новѣйшія времена", писанное для полученія степени магистра, и „Разсужденіе о томъ, какъ должно разсматривать живописную картину". Чтобы не возвращаться болѣе къ литературнымъ трудамъ И. А. Щедритскаго, отмѣтимъ здѣсь кстати, что 30 іюня 1832 г. въ торжественномъ собраніи Московскаго Коммерческаго училища, по случаю празднованія 25-лѣтія, онъ произнесъ „Слово въ похвалу добродѣтелей Императрицы Маріи Ѳеодоровны", которое тогда же было напечатано на счетъ Училища отдѣльною книжкою. Наконецъ, нѣсколько стихотвореній Щедритскаго было помѣщено въ „Сынѣ Отечества" и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

22 апрѣля 1832 г. Измаилу Алексѣевичу за отлично-усердную службу было объявлено Высочайшее

благоволеніе. Кромѣ преподавательскихъ занятій, на Щедритскаго продолжали, по прежнему, возлагать и другія обязанности,—такъ, 18 сентября 1833 г. онъ былъ утвержденъ секретаремъ Отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ; въ 1833 и 1834 г.г. онъ былъ командированъ со стороны Университета для присутствованія при испытаніи воспитанниковъ Дворянскаго Института; 5 мая 1834 года назначено было Щедритскому преподаваніе Россійской исторіи, географіи и статистики для чиновниковъ, службою обязанныхъ; въ 1833—36 гг. онъ участвовалъ при училищномъ комитетѣ въ испытаніи кандидатовъ, желающихъ занять мѣста учителей въ уѣздныхъ училищахъ, и, кромѣ того, въ 1835 г. участвовалъ въ испытаніяхъ Комитета для домашнихъ учителей и учительницъ. Всѣ упомянутыя должности, за исключеніемъ секретаря нравственно-политическаго отдѣла, отъ которой былъ уволенъ 1-го сентября 1834 г., Измаилъ Алексѣевичъ исполнялъ до оставленія имъ Университета

Въ воздаяніе ревностной службы и отличныхъ трудовъ Щедритскій 2-го марта 1834 г. былъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 4-й (что нынѣ 3-й) степени, а черезъ 5 дней (7 марта) утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ.

Въ срединѣ 30 годовъ, какъ извѣстно, наши университеты были преобразованы, новый уставъ ихъ Высочайше утвержденъ 26 іюля 1835 г. Вслѣдствіе этого преобразованія И. А. Щедритскій 1 января 1836 г. былъ уволенъ отъ должности профессора въ

Университетѣ, съ назначеніемъ ему въ пенсію полнаго оклада получаемаго имъ жалованья по 1200 руб. ассиги. въ годъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 15 іюня и 13 декабря 1835 г., докладныхъ записокъ министра народнаго просвѣщенія—ему предоставлено было право вступать въ службу по другимъ вѣдомствамъ съ сохраненіемъ пожалованнаго за ученую службу пенсіона и съ предоставленіемъ ему права носить въ отставкѣ мундиръ, присвоенный званію экстраординарнаго профессора; вскорѣ послѣ отставки, 18 іюня 1836 г. Щедритскій произведенъ былъ въ коллежскіе совѣтники, со старшинствомъ въ этомъ чинѣ со дня узаконенной выслуги въ прежнемъ чинѣ. Правленіе Московскаго Университета въ отношеніи своемъ въ Совѣтъ Московскаго Коммерческаго училища 23 апрѣля 1836 г. засвидѣтельствовало, что И. А. Щедритскій службу свою въ Университетѣ проходилъ съ отличнымъ усердіемъ при благороднѣйшемъ поведеніи.

По увольненіи отъ службы въ Университетѣ, И. А. продолжалъ преподавательскую дѣятельность въ Коммерческомъ училищѣ до 1847 г.: 11 апрѣля этого года онъ „въ воздаяніе отлично-усердной службы и особыхъ трудовъ“ Всемилостивѣйше пожалованъ былъ орденомъ Св. Анны 3-й степени, а 2 мая того же 1847 г., согласно поданному отъ него прошенію, уволенъ отъ должности преподавателя россійской словесности, статистики и коммерческой географіи при Московскомъ Коммерческомъ училищѣ, причемъ Совѣтъ училища въ выданномъ Щедритскому аттестатѣ

засвидѣтельствовалъ, что онъ должность свою исправлялъ съ примѣрнымъ усердіемъ при отличномъ поведеніи. 22 августа 1847 года Измаилъ Алексѣевичъ награжденъ былъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ. Этимъ и кончаются свѣдѣнія о Щедритскомъ; дальнѣйшая судьба его намъ совершенно неизвѣстна, такъ какъ и въ единственномъ біографическомъ свѣдѣніи о немъ, откуда и мы заимствовали вышеизложенныя данныя, ничего нѣтъ объ этомъ. Годъ его смерти также неизвѣстенъ.

О немъ см. „Біографич. Словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Москов. Университета за ... столѣтіе. 1755—1855 г г.“ М., Унив. тип., 1855 г., 8°. ч. II, стр. 635—637.

VI.

Н. А. Зворыкинъ.

Николай Алексѣевичъ Зворыкинъ, многообѣщавшій молодой ученый, но рано похищенный смертью, родился въ г. Муромѣ, Владимірской губерніи, въ 1854 году, 27 октября, въ купеческой семьѣ.

Среднее образованіе Н. А. получилъ во Владимірской губернской гимназіи, по окончаніи курса въ которой съ золотой медалью въ 1873 году поступилъ въ Московскій Университетъ на математическій факультетъ. Въ 1877 г. онъ былъ выпущенъ изъ Университета кандидатомъ математическихъ наукъ. По окончаніи курса Николай Алексѣевичъ счелъ необходимымъ дополнить свое об-

разованіе и съ этой цѣлью отправился заграницу, гдѣ и пробылъ два года, употребивъ ихъ на слушаніе лекцій въ заграничныхъ университетахъ и на ознакомленіе съ важнѣйшими обсерваторіями.

Возвратясь въ Россію, Н. А. Зворыкинъ занимался въ С.-Петербургской главной физической обсерваторіи, и съ этого времени начинаютъ появляться его ученые труды, — такъ, были напечатаны: въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ“ (томъ 40, приложеніе № 6. Спб. 1881 г., 8^0, 38 стр. съ таблицею чертежей) его „Опредѣленіе влажности воздуха помощію психрометра“, въ „Бюллетеняхъ Общества испытателей природы“ за 1882 г.—„О движеніи на земной поверхности матеріальной точки, подверженной одному земному притяженію“, за 1883 г.—„О центробѣжной силѣ“, „О маятникѣ Фуко“, „О планетаріи, изобрѣтенномъ для объясненія видимаго движенія планетъ“ и „О кругахъ и ложныхъ солнцахъ“.

Первый трудъ Зворыкина, помѣщенный въ Запискахъ Академіи Наукъ, тѣмъ самымъ уже признанъ былъ выдающимся произведеніемъ, такъ какъ туда попадаютъ очень немногіе. Въ послѣдующихъ своихъ работахъ Николай Алексѣевичъ оригинальностью мнѣній и научной разработки и ясностью изложенія обнаружилъ—какого пріобрѣла бы въ немъ наука работника, а любая школа (въ обширномъ смыслѣ) преподавателя, но дни его были уже сочтены. ..

Въ 1883 году Н. А. Зворыкинъ перебрался въ Москву, гдѣ вскорѣ онъ началъ читать лекціи по метеорологіи на женскихъ высшихъ курсахъ при 3-й

Московской гимназіи, и въ тоже время готовилъ магистерскую диссертацію—„Изслѣдованіе о психрометрѣ" (напечатана въ 1884 г. въ „Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета"), а 6-го февраля 1884 г. 30-лѣтній талантливый ученый и преподаватель скончался (въ Москвѣ) отъ разрыва сердца, не успѣвъ, конечно, и сотой доли сдѣлать изъ того, что бы онъ могъ, если бы злой недугъ не сломилъ этой многообѣщавшей силы. Смерть его вызвала искреннее сожалѣніе всѣхъ знавшихъ покойнаго. Тѣло его похоронено въ г. Муромѣ, и при прощаніи съ прахомъ Зворыкина на Нижегородскомъ вокзалѣ (въ Москвѣ) у гроба было произнесено нѣсколько рѣчей.— въ числѣ говорившихъ были профессора Университета. Послѣ смерти Зворыкина были напечатаны, подъ редакціею профессора А. Г. Столѣтова. (М., 1885 года, 8°, 226 стр., съ 72 чертежами и 6 картами) его „Лекціи физической географіи", въ пользу женскихъ курсовъ при 3-й Московской гимназіи.

О Зворыкинѣ см. „Рус. Вѣдом." 1884 г., № 45.— „Москов. Вѣдом." 1884 г., № 105.— „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, умершихъ въ 1884 г.", Д. Д. Языкова. Вып. 4-й. Спб., 1888, 8°, стр. 41—42 (прежде въ приложеніи къ „Историч. Вѣстнику" за 1887 г.).

VII.

Н. В. Калачовъ.

Николай Васильевичъ Калачовъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и видныхъ представителей русской исторической науки, сенаторъ, тайный совѣтникъ, академикъ, потомокъ древняго рода, издревле владѣвшаго помѣстьями и вотчинами и внесеннаго въ шестую часть дворянской родословной книги, родился 26 мая 1819 года въ имѣніи роднаго дѣда, въ селѣ Алексинѣ Юрьево-Польскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Отецъ братьевъ Калачовыхъ, Василій Андреевичъ служилъ по выборамъ предводителемъ дворянства Юрьевскаго уѣзда и большую часть жизни своей прожилъ въ родовомъ имѣніи, въ сельцѣ Вескахъ, того же уѣзда. Здѣсь, въ Вескахъ, Н. В. провелъ свое дѣтство, здѣсь получилъ онъ и первоначальное образованіе: послѣднее шло при исключительно-счастливыхъ обстоятельствахъ: руководимый довольно образованными родителями, ребенокъ пользовался уроками иностранныхъ наставниковъ, жившихъ постоянно въ домѣ: въ числѣ ихъ былъ докторъ философіи Гегерманъ, который, заставляя 12-лѣтняго Калачова читать Тита Ливія то на латинскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ, тѣмъ самымъ пробудилъ въ юношѣ любовь къ историческимъ занятіямъ.

По отъѣздѣ Гегермана за границу, Калачова отвезли

въ Москву и помѣстили въ извѣстномъ нѣкогда пансіонѣ Чермака, гдѣ онъ впрочемъ находился не долго: въ 1833 г. онъ перешелъ въ Московскій Дворянскій Институтъ. Здѣсь талантливый юноша, оказывая блестящіе успѣхи по всѣмъ предметамъ, съ особенною любовью занимался изученіемъ отечественной словесности, въ чемъ ему не мало помогалъ В. С. Межевичъ. Кромѣ этого, Н. В., готовясь поступить на словесный факультетъ, изучалъ съ особымъ усердіемъ греческій и латинскій языки. Мечтамъ юноши, однако, не пришлось сбыться: онъ, по окончаніи курса въ Институтѣ въ 1836 г., уступая желанію отца, поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета. Время университетскаго образованія на всю жизнь запечатлѣлось въ памяти Николая Васильевича: живя на первыхъ порахъ у директора Дворянскаго Института, С. Я. Унковскаго, Калачовъ прошелъ строгую школу нравственнаго воспитанія и здѣсь же познакомился съ англійскимъ языкомъ и литературою, а основательное преподаваніе въ университетѣ юридическихъ и историческихъ наукъ вызвало въ немъ рѣшительную наклонность къ историко-юридическимъ научнымъ занятіямъ.

Въ Дворянскомъ Институтѣ Н. В. Калачовъ обучался вмѣстѣ съ извѣстными В. А. Татариновымъ, о которомъ мы уже говорили*), и П. Милютинымъ.

---

*) Къ очерку нашему о Татариновѣ необходимо добавить, что В. А., будучи въ Институтѣ, въ 1833 г. произнесъ „Рѣчь о предназначеніи благовоспитаннаго юноши въ общественной жизни", а въ 1834 г. „О выгодахъ, съ какими вступаетъ въ свѣтъ благовоспитанный

Всѣ они начали тамъ и свою литературную дѣятельность, выразившуюся въ рѣчахъ и сочиненіяхъ, читанныхъ ими на годичныхъ собраніяхъ Института и напечатанныхъ въ издававшихся этимъ заведеніемъ ежегодно отчетахъ подъ заглавіемъ—„Рѣчи и разсужденія, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Московскаго Дворянскаго Института", напр. 1834 г., Ноября 27-го, или 1835 г., Декабря 22-го (М., Универ. тип., 4°). Калачовъ въ 1834 г. произнесъ „Die deutsche Sprache, Luther und Klopstock", а въ 1835 г.—„Письмо Овидія къ друзьямъ", „De veteri ac moderna eloquentia" и „Bildungsgang der deutschen dramat. Poesie", которыя и были напечатаны въ указанныхъ отчетахъ. Университетскіе годы въ жизни Николая Васильевича были исходнымъ пунктомъ для его серьезной литературной дѣятельности: въ послѣдніе два года пребыванія въ университетѣ онъ написалъ „О судебникѣ царя Іоанна Васильевича" и „Объ уголовномъ правѣ по судебнику Іоанна Васильевича", которыя и были напечатаны въ „Юридич. Запискахъ", издан. Рѣдкинымъ, первая статья въ I томѣ (1841 г., стр. 47—160), а вторая—во II т. (1842 г., стр. 306—418). Эта студенческая работа, составляя связующее звѣно въ послѣдующихъ, натолкнула Калачова на мысль объ изученіи болѣе древнихъ памятни-

---

юноша при знаніи теоріи изящныхъ искусствъ", причемъ объ напечатаны, первая въ книгѣ „Рѣчи и разсужденія, произнесенныя въ торжеств. собраніи Московск. Дворянскаго Института, 1833 г. Декабря 23-го" (М., Унив. тип., 1833. 4°), а вторая—въ такой же книгѣ..... 1834 г. Ноября 27-го". (М., 1834. 4°).

ковъ русскаго права и этимъ рѣшеніемъ вывела его на путь юриста-археолога, пройденный имъ съ рѣдкимъ успѣхомъ.

Окончивъ курсъ въ университетѣ въ 1840 г. со степенью кандидата, Н. В. прямо со студенческой скамьи былъ опредѣленъ на службу, по рекомендаціи М. П. Погодина, въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія: сначала онъ былъ откомандированъ для занятій въ Археографическую коммиссію, а потомъ опредѣленъ и чиновникомъ оной. Археографическія занятія открыли много новаго для Калачова,—онъ выучился разбирать старинные почерки, и это самое возбудило въ немъ наклонность къ отысканію древнихъ матеріаловъ для отечественной исторіи и права. Здѣсь же началъ Н. В. готовиться и къ магистерскому экзамену, съ тѣмъ, чтобы получа эту степень съѣздить заграницу для изученія славянскихъ нарѣчій и памятниковъ. Въ 1843 г. онъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ и сдалъ экзаменъ, но въ тоже время получилъ извѣстіе о смерти отца, владѣвшаго обширными имѣніями въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Николай Васильевичъ остался старшимъ въ родѣ, на него легли всѣ хозяйственныя заботы и попеченія, и потому по сдачѣ экзамена, вмѣсто заграничнаго путешествія, онъ долженъ былъ отправиться въ деревню для ознакомленія съ сельскимъ хозяйствомъ, и службу въ Археографической Коммиссіи пришлось оставить. Въ деревнѣ онъ пробылъ до 1846 года —Бывши еще въ Петербургѣ, Калачовъ напечаталъ подъ инициалами Н. К. „Отрывокъ изъ сочиненія Чилли: Исторія

Московіи" (съ итальянскаго) въ „Маякѣ" (1841 г., ч. 17—18, стр. 17—29. и 1842 г., т. 3, стр. 49—71). за полной подписью—„Дневникъ камеръюнкера Берхгольца" въ „Отеч. Зап." 1843 г., № 1. стр. 1—30 (то и другое было перепечатано въ „Журн. для чтенія воспитан. воен.-учеб. завед." 1842-1843 г. №№ 144, 169 и 170). Изъ деревни Н. В. удосужился прислать для печати только „Сужденіе иностранца о Петрѣ Великомъ въ 1713 году", перев. съ нѣмец. (напеч. въ „Отеч. Зап." 1844, № 6, стр. 77—87).

Только въ 1846 г. Н. В. Калачовъ получилъ возможность возвратиться на службу, и то только въ Москву, гдѣ необходимо было его присутствіе для семейства: онъ принялъ мѣсто библіотекаря въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Вскорѣ по пріѣздѣ Н. В. издалъ „Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій" (М., тип. Ав. Семена, 1846. 8^0. VI+52 стр.+таблица+2 fac-simile; въ 1847 г. вышло 2-е изданіе, безъ перемѣны, тамъ же. 8^0. 2 нен.+XI+52 стр. и тѣ же приложенія; 3-е изд. вышло въ 1881 г. Спб., 61 стр., съ таблицею, а 4-е въ 1890 г. (Въ томъ же году Калачовъ защитилъ въ Московскомъ Университетѣ диссертацію—„Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Разсужденіе, писанное для полученія степени магистра" (М., тип Ав. Семена. 1846. 4^0. VIII+158+5 нен. стр.; въ 1880 г. вышло 2-е изд. Спб., 288 стр.). Этотъ капитальный

трудъ, къ которому, по словамъ П. Е. Андреевскаго, слѣдуетъ подходить съ особымъ уваженіемъ, былъ увѣнчанъ магистерскою степенью и доставилъ автору снова мѣсто чиновника въ Археографической Коммиссіи съ откомандированіемъ для археологическихъ занятій въ Москву.—Работая въ Архивѣ, Н. В. ознакомился съ богатыми матеріалами Русской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ разработывать вопросъ о древнемъ русскомъ правѣ,—такъ, въ 1847 г. въ „Чтен. въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Рос." (кн. 3, стр. 1—128 и кн. 4, стр. 1—80) онъ напечаталъ „О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права", съ приложеніями (изд. и отд.: М., унив. тип., 1850. 8°. 3 нен.+128+80 стр.); въ томъ же и 1848 г.г. онъ редактировалъ собранные кн. М. Оболенскимъ „Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи" (М., 4 тетради) и написалъ статью „Псковская судная грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 году" („Москвитян." 1848 г., кн. 2, стр. 165—178) по поводу открытаго и изданнаго тогда Мурзакевичемъ этого памятника. Въ 1847 г. Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ избрало Николая Васильевича своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а въ 1848 г. въ „Чтеніяхъ" Общества помѣщенъ былъ переводъ Калачова сочиненія Феслера о Руси при Іоаннѣ Грозномъ, но въ обращеніе не былъ пущенъ, тогда же вырѣзанъ изо всѣхъ экземпляровъ „Чтеній" и хранится до сего времени въ библіотекѣ Московскаго Университета.

Въ 1848 г. К. Д. Кавелинъ по семейнымъ об-

36

стоятельствамъ вышелъ изъ Московскаго Университета и на освободившуюся чрезъ это каѳедру Исторіи Русскаго Законодательства былъ приглашенъ Н. В. Калачовъ. Кореннымъ правиломъ профессорской дѣятельности Николая Васильевича было не столько учить, сколько направлять молодыхъ людей къ самостоятельному изученію памятниковъ древняго права, и потому онъ знакомилъ студентовъ только съ такъ называемою внѣшнею исторіею русскаго законодательства въ собственномъ смыслѣ. Онъ читалъ и исторію русскаго законодательства, и объясненіе важнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ русской старины и, кромѣ того, для студентовъ прочихъ факультетовъ — „Государственныя и губернскія учрежденія“ и „Законы о состояніяхъ“.

Приглашенный въ профессора, Н. В. Калачовъ по необходимости долженъ былъ отказаться отъ занятій въ Архивѣ, не оставляя службы въ Археографической Коммиссіи, членомъ которой онъ былъ сдѣланъ въ 1851 году. Въ 1852 г. ему поручено было изданіе „Дополненій къ актамъ юридическимъ“ и разрѣшено министромъ народнаго просвѣщенія археографическое путешествіе на свой счетъ для отысканія въ Россіи историческихъ и юридическихъ матеріаловъ. Лѣтомъ 1852 г. Н. В. объѣхалъ Орловскую, Владимірскую и Саратовскую губерніи, а въ 1853 г. — Самарскую, Тамбовскую и Рязанскую. Плодомъ этой поѣздки были богатые матеріалы, частію вышедшіе отдѣльно („Историческія замѣтки, собранныя въ Орлѣ и Мценскѣ“. М., 1852 г.), частію, какъ доне-

сенія предсѣдателю коммиссіи, помѣщенные въ „Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Руси“. Еще ранѣе путешествія Н. В. принялъ участіе, какъ сотрудникъ, въ „Москвитянинѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ помѣщалъ разборы вновь выходящихъ книгъ историческаго и юридическаго содержанія (въ первомъ помѣстилъ рецензію на сочиненіе Ф. Денна—„О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михаиловича“ (Спб., 1849)—1850 г. № 2, кн. 2, стр. 37—56, и № 3, кн. 1, стр. 69—84, а во вторыхъ („Моск. Вѣд.“) въ № 68 1851 г. рецензію на книгу Пахмана „О судебныхъ доказательствахъ“ и въ 1852 г. (№№ 30—32 и 35) разборъ 1-го тома „Исторіи Россіи“ С. Соловьева). Въ 1850 году Калачовъ издалъ и 1-ю книгу „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ (2-е изд. этой книги было въ 1876 г.: всего издано имъ 3 тома въ 4-хъ книгахъ), въ которой помѣстилъ свои изслѣдованія—„Мѣрило праведное“ (стр. 29—42) и „О значеніи изгоевъ и состояніе изгойства въ древней Руси“ (стр. 51—68). Въ 1854 г. онъ сообщилъ во „Временникъ Импер. Общ. Ист. и Древн.“ (кн. 20-я) отрывки изъ сборника XVII столѣтія: „О приходѣ турокъ подъ Чигиринъ и о войнѣ съ ними“, „О съѣздѣ русскихъ и шведскихъ пословъ въ Нейгаузенѣ въ 1678 году“ и „О флотѣ въ Россіи морскомъ“ (стр. 1—16), а также „Жалованную грамоту царя Михаила Федоровича Мартыну Филимонову“ (стр. 16—20); въ томъ же году Калачовъ издалъ 2-ю половину

довательно, могутъ быть названы національными, отъ тѣхъ, которыя были приняты нами и выработаны какъ народомъ европейскимъ".

Въ 1857 г. Н. В. издалъ по порученію Археографической Коммиссіи 1-й томъ „Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи" (2-й—въ 1864 г., 3-й въ 1884 г.), написалъ по порученію Академіи Наукъ разборъ сочиненія Б. Чичерина „Областныя учрежденія въ Россіи" (см. „26-е присужд. Демидов. наградъ". Спб., 1857 г., 8°, стр. 55—115) и въ томъ же году оставилъ службу въ Московскомъ Университетѣ. Онъ отправился въ Петербургъ и тамъ обратился къ гр. Д. Н. Блудову съ ходатайствомъ о допущеніи его для занятій въ архивѣ II Отдѣленія Его Величества канцеляріи. Какъ лицу постороннему, ему было отказано въ этомъ, но предложено—поступить на службу въ это учрежденіе, на что Н. В. и согласился. Вскорѣ послѣ этого онъ принялъ на себя редакцію третьяго изданія свода гражданскихъ законовъ. Въ 1858 г. Академія Наукъ избрала Н. В. Калачова своимъ членомъ-корреспондентомъ.

20 февраля 1859 г. Николай Васильевичъ былъ назначенъ членомъ редакціонныхъ коммиссій для начертанія Положеній объ освобожденіи крестьянъ, и онъ вступилъ въ Юридическое Отдѣленіе ихъ, учрежденное для опредѣленія правъ и обязанностей крестьянъ и дворовыхъ людей, а также поземельныхъ правъ помѣщиковъ, т.-е. для разработки вопросовъ первостепенной важности для новаго крестьянскаго быта. И здѣсь этотъ съ авторитетнымъ именемъ историкъ-

II книги „Архива“, гдѣ напечаталъ „Названія лихорадокъ въ заговорахъ“ и предисловіе съ примѣчаніями къ переводу Шестакова—„О нравахъ татаръ,.. “. Въ 1855 г. вышла и 1-я половина II книги „Архива“, гдѣ Николай Васильевичъ, кромѣ „предисловій“ (какъ редактора) къ сообщеніямъ Бычкова, Закревскаго, Лакьера и Глѣбова-Стрѣшнева (см. стр. 3, 9, 71 и 121 въ отд. II), помѣстилъ „Замѣчаніе о словѣ: Дума“ (отд. III, стр. 155), „Замѣтки (статистическія и археологическія) объ Инсарѣ и его уѣздѣ“ (стр. 35—96)“ и „Предисловіе“ ко II книгѣ (О научной пользѣ рецензій на первую книгу „Архива“. и проч.), стр. I – XLII.

Издававшійся Калачовымъ „Архивъ“, благодаря трудамъ самого издателя и цѣлаго ряда ученыхъ новой школы, былъ очень важнымъ явленіемъ тогдашней исторической литературы. Въ немъ, кромѣ вопросовъ древняго русскаго законодательства, помѣщались изслѣдованія о древней жизни вообще, съ тѣми новыми пріемами, которые развились тогда въ исторіи, филологіи, этнографіи, благодаря трудамъ Соловьева, Кавелина. Буслаева и др. Изучая русскій бытъ, общественные вопросы, Калачовъ всегда приводилъ ихъ въ связь съ современнымъ рѣшеніемъ тѣхъ же вопросовъ. „Такое изученіе ихъ и разработка тѣмъ болѣе полезны,—писалъ Калачовъ въ 1859 г.,—что они послужатъ лучшимъ пособіемъ для того, чтобы вглядѣться пристальнѣе въ самыя начала и формы нашей общественной жизни и различить тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ чрезъ всю нашу исторію и, слѣ-

въ крестьяне и дворовые на срочное время" (стр. 83—90), „Орловская старина", за подписью Н. К. (стр. 74—76), „О жилищахъ для рабочихъ" (стр. 90—118, въ приложеніи), „Предисловіе и примѣчанія къ книгѣ, глаголемой Травникъ", „Судное дѣло 1500 года" и „Обозрѣніе новыхъ законовъ", во 2-й книгѣ—„О лѣтописныхъ сборникахъ съ картинами, находящихся въ Археографической Коммиссіи" (отд. V, стр. 25—28, съ картинкою), „Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ" (стр. 15—28), и въ приложеніи къ книгѣ 5-й—„Разъясненіе недоумѣній В. Ржевскаго", по поводу статьи „О потравахъ" (стр. 65—74). Въ 1859 году вышелъ 7-й томъ „Дополненій къ актамъ историческимъ" (Спб.) подъ редакціею Калачова, который наблюдалъ также за составленіемъ указателя и описанія подлиннаго манускрипта—сочиненія Котошихина „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича".

Съ 1860 года, въ видѣ приложенія къ „Архиву историческихъ и практическихъ свѣдѣній", Н. В. Калачовъ началъ издавать „Юридическій Вѣстникъ", выходившій выпусками (въ 1860—64 г.г. вышло 48 выпусковъ), въ которомъ издатель помѣстилъ массу разъясненій (большею частью въ формѣ отвѣтовъ) по различнымъ юридическимъ вопросамъ (всего помѣщено имъ въ теченіе 5 лѣтъ 37 своихъ статей, перечень которыхъ занялъ бы слишкомъ много мѣста; онѣ указаны Д. Д. Языковымъ въ его „Обзорѣ", вып. 5-й). Въ этомъ же „Вѣстникѣ" (вып. 15—17)

юристъ и археологъ, со свойственными ему энергіею и неутомимостью и рѣдкими душевными качествами, потрудился довольно. Такъ, черезъ 4 мѣсяца послѣ вступленія въ Коммиссію, онъ въ общемъ присутствіи прочиталъ докладъ „О прекращеніи крѣпостнаго права", который своею обстоятельностію вызвалъ общее удивленіе; за этимъ послѣдовали и другія работы Калачова, вошедшія въ текстъ статей „Общаго Положенія о крестьянахъ", и эти труды даютъ право Н. В. Калачову занять почетное мѣсто въ исторіи паденія крѣпостничества въ Россіи. И послѣ, когда онъ болѣе всего поглощенъ былъ историко-юридическими и археологическими занятіями, Н. В. не разъ откликался своими прекрасными статьями по крестьянскому дѣлу и проявлялъ свое сочувствіе къ нему въ званіи сенатора,—смѣло выступалъ по крестьянскимъ дѣламъ, если находилъ нужнымъ, съ особыми мнѣніями, хотя бы они не согласовались съ мнѣніями прочихъ присутствовавшихъ.

Въ 1859 г. вышли въ Москвѣ I, III и VI отдѣлы 3-й книги „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній" (отдѣлы II, IV и V напечатаны въ Спб. въ 1861 г.): здѣсь помѣщена статья Калачова — „Азбуки—прописи. (Выписки изъ рукописныхъ азбукъ и прописей XVII и начала XVIII вѣка)" (отд. III, стр. 1—18). Въ томъ же году онъ началъ издавать въ Спб. „Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи", гдѣ изъ своихъ работъ помѣстилъ—въ 1-й книгѣ „Договоры вольныхъ людей XVII и начала XVIII вѣка о поступленіи

напечатаны лекціи проф. Ѳ. Л. Морошкина, сообщенныя Калачовымъ. Къ 1860 г. относятся еще слѣдующіе труды Николая Васильевича: „Очеркъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича по актамъ, собраннымъ Археографическою Коммиссіею“ („Журн. Мин. Народ. Просв.“ 1860, ч. 105, отд. 2, стр. 27—42); разборъ сочиненія Дмитріева—„Исторія судебныхъ инстанцій.....“ („Отчетъ о 29 присужд. Демидов. наградъ“. Спб., 1860, 8°, стр. 53—114), и въ кн. 5-й „Архива истор. и практ. свѣд.“—„Предисловіе къ правиламъ, поставленнымъ на соборѣ 1551 года, 23 февраля“ (отд 2, стр. 9—44) и „Матеріалы для своднаго уложенія 1701 года“ (стр. 45—54). Въ 1861 г. онъ помѣстилъ въ IV отд. „Архива историко-юридическихъ свѣд.“ (кн. III, стр. 5—35) „Дополненіе къ разсужденію Деппа—О наказаніяхъ“, въ „Лѣтописи занятій Археографич. Коммиссіи“ (1861 г., вып. 1, стр. 34—49), вмѣстѣ съ А. Бычковымъ, „Старинные формулярники“ (Образцы вступленій въ письма къ лицамъ самаго разнообразнаго состоянія, заимствованные изъ сборника начала XVIII в. и Толстовскаго“), и въ „Рус. Инвалидѣ“ (за подписью Н. К—въ) статью „Графъ Сперанскій“ (1861, №№ 229 и 230).

Въ февралѣ 1862 г. П. В. Калачовъ былъ назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи. Здѣсь ему пришлось ревностно потрудиться надъ практическимъ разрѣшеніемъ вопросовъ русскаго права и суда,—онъ въ качествѣ члена-редактора (съ 1863 г.) работалъ въ коммиссіи, составлявшей проекты судебныхъ уставовъ, и его личной иниціативѣ,

по словамъ Джаншіева, наше новое судебное законодательство обязано однимъ изъ своихъ лучшихъ постановленій, а именно ст. 130 Уст. гражд. судопр., впервые узаконившей на судѣ примѣненіе обычнаго права. Чтобы подготовить дѣятелей новаго суда, онъ тогда же собралъ въ Спб. кружокъ молодыхъ юристовъ и занимался съ ними вопросами практическаго судопроизводства (органомъ служилъ „Юридическій Вѣстникъ“ 1860—1864 гг.); съ переѣздомъ въ Москву онъ принялъ дѣятельное участіе въ устройствѣ перваго юридическаго Общества, Московскаго, гдѣ былъ нѣсколько лѣтъ предсѣдателемъ, въ 1867 г. возобновилъ изданіе „Юридич. Вѣстника“ (въ Москвѣ). Когда въ 1875 г. состоялся 1-й съѣздъ юристовъ, Н. В. былъ избранъ его предсѣдателемъ, дѣятельно участвовалъ въ его работахъ; послѣ онъ хлопоталъ о періодическихъ съѣздахъ юристовъ, но безуспѣшно. За свои ученые труды въ области правовѣдѣнія Н. В. получилъ въ 1864 г. дипломъ отъ Петербургскаго университета на степень доктора гражданскаго права.

Въ 1863 г. Калачову поручено было составленіе описанія архивовъ: Государственнаго Совѣта, Государственной Канцеляріи и Комитета Министровъ, съ причисленіемъ къ Государственной Канцеляріи. Кромѣ того, онъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной при Географическомъ Обществѣ для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Литературная дѣятельность Николая Васильевича въ 1862—1864 гг., кромѣ изданія „Юридич. Вѣстника“, 2-го тома „Актовъ“ (въ 1864 г.) и 8-го тома

„Дополненій къ актамъ историческимъ“ (1862 г.), выразилась разборомъ сочиненія Чебышева-Дмитріева „О преступномъ дѣйствіи“ („Отчетъ о 32 присужд. Демидов. наградъ“. Спб., 1863, 8°, стр. 123—135), помѣщеніемъ въ „Лѣтописи занятій Археографическ. Коммиссіи“ (Спб. 1864, вып. III, стр. 1—23) статьи — „Очеркъ юридическаго быта великорусскихъ крестьянъ въ XVII столѣтіи“, рецензіи въ „Юридич. Вѣстникѣ“ (1864 г., вып. 48-й) на сочиненіе Романовича-Славатинскаго — „Дворянство въ Россіи“ (много и др. статей его въ этомъ журналѣ, о которыхъ говорено выше) и напечатаніемъ такого капитальнаго произведенія, какъ „Артели въ древней и нынѣшней Россіи“ („Этнографич. Сборникъ“, 1864 г., вып. VI, стр. 1—93, и отд.: Спб., тип. Головина, 1864, 8°, 93 стр.).

Въ 1865 г. Н. В. Калачовъ за свою службу былъ произведенъ въ сенаторы и назначенъ директоромъ Московскаго архива министерства юстиціи. Съ этого времени до конца своей жизни онъ посвящалъ себя всецѣло организаціи архивнаго дѣла въ Россіи. Ознакомясь съ архивомъ министерства юстиціи, онъ понялъ—какъ много хранится богатыхъ документовъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ созналъ, что единичными силами тутъ сдѣлать ничего нельзя, а если бы и были эти силы, то нужно ихъ сначала подготовить; примѣры Западной Европы еще болѣе убѣждали его въ необходимости организовать архивное дѣло и въ Россіи. Въ 1872 г. собрался въ Петербургѣ 2-й архе-

ологическій съѣздъ (1-й былъ въ Москвѣ въ 1869 г.), и здѣсь по предложенію Калачова была избрана особая коммиссія для обсужденія вопросовъ относительно устройства архивовъ и храненія въ нихъ документовъ и для составленія положенія о главной архивной коммиссіи, какъ правительственнаго учрежденіи, и объ ея отношеніи къ архивамъ разныхъ вѣдомствъ. Коммиссія открылась въ 1873 г. подъ предсѣдательствомъ Калачова. и онъ здѣсь впервые развилъ мысль о необходимости создать въ Россіи Археологическій Институтъ, въ которомъ молодые люди, окончившіе курсъ въ университетѣ, дополняли бы свое образованіе изученіемъ отечественныхъ древностей и палеографіи въ особенности, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи занимать мѣста начальниковъ архивовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Выработанные коммиссіею проекты сначала не получили осуществленія. Тогда Калачовъ рѣшается на смѣлый, еще не бывалый въ Россіи, подвигъ,—задумалъ устроить институтъ на частныя средства, на что и получилъ разрѣшеніе. Въ началѣ 1878 г. Археологическій Институтъ былъ открытъ. въ видѣ опыта на четыре года. Съ 1883 г. Институту ежегодно выдается правительствомъ субсидія по 6 тысячъ руб. Дальнѣйшимъ развитіемъ архивнаго дѣла является учрежденіе губернскихъ историческихъ архивовъ и ученыхъ архивныхъ коммиссій. Н. В. Калачовъ, избранный въ 1881 г. въ число академиковъ, возбудилъ въ Академіи Наукъ вопросъ объ учрежденіи губернскихъ архивовъ и архивныхъ коммиссій, и достигъ желаемаго: въ 1884 г. послѣдовало Высочайшее соиз-

воленіе на учрежденіе архивовъ и коммиссій, и они начали открываться постепенно въ нѣкоторыхъ городахъ.

Калачовъ, такимъ образомъ, дожилъ до осуществленія своего смѣлаго и грандіознаго плана, составляющаго вѣнецъ всѣхъ жизненныхъ трудовъ этого юриста-археолога. Русскіе люди всегда будутъ вспоминать съ благодарностью имя этого неутомимаго труженика, повидимому совершенно незнавшаго преградъ осуществленію своихъ желаній

Въ архивѣ министерства юстиціи, гдѣ Николай Васильевичъ былъ до конца жизни директоромъ, онъ сформировалъ изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ особое ученое отдѣленіе для систематическаго описанія документовъ архива. Этотъ архивъ въ 80 годахъ помѣщался въ городѣ и не былъ гарантированъ отъ истребленія огнемъ. Николай Васильевичъ возбудилъ вопросъ о необходимости либо ремонтировать старое зданіе, либо выстроить новое. Большинство стояло за ремонтъ стараго, на что предполагалось израсходовать 450 тысячъ руб., но Калачовъ стоялъ за новое, выхлопоталъ у города безмездно землю на Дѣвичьемъ Полѣ и взялся выстроить за 300 тысячъ. Новый красивый и удобный архивъ открытъ уже послѣ его смерти.

Съ переѣздомъ на жительство въ Москву въ 1865 г., литературная дѣятельность Н. В. Калачова еще болѣе разрослась,—такъ, въ 1865 году онъ написалъ разборъ соч. Андреевскаго—„О намѣстникахъ“ („34 присужд. Демидов. наградъ.“ Спб. 1865, стр. 265—284) и снабдилъ свой разборъ обширными приложе-

ніями (тамъ же, стр. 285—360); въ 1866 г. онъ помѣстилъ въ „Журн. Министерства Юстиціи“ (т. 28, ч. 2, кн. 4, отд. 1, стр. 1—10) „Замѣтку по поводу предпринимаемаго описанія Московскаго архива министерства юстиціи“, а въ „Русскомъ Архивѣ“ — „О Степанѣ Ивановичѣ Шешковскомъ“ (кн. 2, стр. 263—264), „Донесеніе Ея Величеству генералъ-прокурора объ удобнѣйшемъ и выгоднѣйшемъ для казны способѣ печатанія Алкорана. 1759“ (кн 5, стр. 685—686) и „Мнѣніе генералъ-прокурора графа Самойлова относительно уплаты процентовъ и долговъ, сдѣланныхъ внѣ государства, 1794“ (стр. 687—690). Въ 1866—67 гг. Калачовъ произнесъ двѣ рѣчи—одну „О значеніи Карамзина въ исторіи русскаго законодательства“ (напеч. въ „Москов. Универ. Извѣстіяхъ“, 1866—67 г., кн. 3, стр. 205—227; тоже въ „Бесѣдахъ Общ. Любит. Россійск. словесности“, 1867, вып. 1, стр 1—23, и въ отд. брошюрѣ, посвященной Карамзину университетомъ), а другую — „Вступительное слово въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійск. словесности, бывшемъ 20 мая 1867 года, въ честь славянскихъ гостей“ (напеч. въ „Бесѣдахъ“ Общества, вып. 2, стр. 3—8), и помѣстилъ, какъ матеріалы для археологическаго словаря, въ „Трудахъ Московск. Археол. Общества“, т. 1, вып. 2, объясненіе словъ „Порядныя“ (договоры) и „Рядныя“, въ смыслѣ свадебныхъ сговоровъ, а въ „Рус. Архивѣ“ (кн. 3, стр. 395—402) сообщилъ „Сыскное дѣло о дорогѣ въ Хиву, 1697 года“. Въ 1868 году большую часть статей онъ помѣстилъ въ возобновлен-

номъ имъ же „Юридич. Вѣстникѣ“ („Программа разработки началъ русскаго гражданскаго права по своду законовъ съ его источниками и по судебнымъ рѣшеніямъ“. 1867–68 гг., кн. 11, (май), стр. 3–13, и отд. М., 1868 г.: „О давности по русскому гражданскому праву“, 1868—69, кн. I (іюль) стр. 1—18; „Возраженіе на замѣтку Лешкова—„О значеніи опекуновъ и душеприказчиковъ“, кн. 2-я (августъ) стр. 71—78; „Обозрѣніе постановленій о долговыхъ процентахъ по русскому законодательству“. кн. 5 (ноябрь), стр 3—22), и только одна замѣтка („Домъ Малюты Скуратова“) была напечатана въ „Археолог. Вѣстникѣ“ (ноябрь-декабрь, стр. 267—270). Въ 1869 г. появились слѣдующіе труды Калачова: „О значеніи писцовыхъ книгъ для изученія исторической географіи, этнографіи и внутренняго быта древней Россіи“ („Изв. Имп. Рус. Географ. Общества“); 5 „юридическихъ замѣтокъ“ (въ „Юридич. Вѣсти.“, кн. 9); разборъ соч. Энгельмана—„О давности по русскому гражданскому праву“ („Отчетъ о 12-мъ присужд. Уваровскихъ наградъ“. Спб., стр. 243—261); 1-й томъ „Архива государственнаго совѣта“ Спб. (3. въ 1878 г., 4-й т. въ 1881 г.), и 1-я книга „Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи“, Спб. (2-я въ 1872 г., 3-я въ 1876 г. и 4-я въ 1884 г.). Въ 1870 г. появилась только одна статья Калачова—„Дѣла сыскнаго приказа о раскольникахъ“ („Чт. въ Имп. Общ. Истор. и Древ. Рос.“, кн. 2-я, стр. 13—64), а въ 1871 г. слѣдующія, напечатанныя въ 1 томѣ „Тру-

довъ I Археологич. съѣзда" (бывшаго въ М., въ 1869 г.): „О русскихъ юридическихъ древностяхъ", „Засѣки въ древней Россіи" (стр. 203—206) и „Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство" (стр. 207—218). Послѣдняя статья была перепечатана и въ „Рус. Мірѣ"(1871 г., №№ 94-96). Кромѣ того, въ „Изв. Сибир. отд. Импер. Рус. Географ. Общества" (т. 2, вып. 3, стр. 43—45) онъ помѣстилъ—„Образъ жизни тунгусовъ и коряковъ, жившихъ въ Иркутской губерніи въ 1766 г." Въ 1872 году Н. В. Калачовъ издалъ отдѣленіе 1-е первой части „Писцовыя книги XVI вѣка", Спб. (отдѣленіе 2-е вышло въ 1877 г.), въ 1873 году онъ сообщилъ въ „Русскую Старину" (т. VII, стр. 861—868)—„Высочайше утвержденная коммиссія объ устройствѣ архивовъ. Протоколы перваго и втораго засѣданій", а въ 1874 г. былъ напечатанъ его разборъ сочиненія Полѣнова—„Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи..." (15-е присуж. Уваров. наградъ." Спб., стр. 126—139, еще прежде (въ 1872 г.) помѣщенный въ № 294 „Спб. Вѣдомостей"). Въ 1875 г. были изданы „Труды перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ", въ редактированіи которыхъ принималъ участіе и Калачовъ; здѣсь онъ помѣстилъ „Предисловіе", „Отчетъ г. попечителю Москов. учебнаго округа о 1-мъ съѣздѣ рус. юрист. въ М." и „Объ отношеніи обычнаго права къ законодательству". Кромѣ этого, въ „Голосѣ" была напечатана его статья „Архивы въ Россіи" (1875 г., № 114); въ „Рус. Историч. Библіотеку", изд. Архео-

гр. коммиссіей (т. 2-й) онъ сообщилъ „Три царскія грамоты о варенін селитры Петру Алябьеву, 1633—1635 годовъ", и подъ его редакціей (съ А. Тимофѣевымъ) вышелъ 9-й томъ „Дополненій къ актамъ историческимъ". Въ 1876 г. Калачовъ напечаталъ рецензію на книгу Якуткина „Обычное право" (въ „Извѣст. Имп. Рус. Географ. Общ." № 3), „Выписку изъ дѣлъ правительствующаго сената за 1762—1774 годы о сооруженіи памятника Петру I Фальконетомъ и записку, представленную Бецкимъ сенату о томъ же въ 1764 году" (въ „Сборн. Импер. Рус. Историч. Общества", т. 17), и въ вышедшихъ „Трудахъ 2 археологич. съѣзда", въ Спб. (вып. 1, стр. 115—120) было помѣщено его сообщеніе—„Десятни, одинъ изъ матеріаловъ разряднаго приказа". Въ 1877 г. Николай Васильевичъ написалъ разборъ двухъ сочиненій—Пахмана „Исторія кодификаціи гражданскаго права" (помѣщенъ въ „Сборн. государств. знаній" Безобразова. Спб., т. 3, стр. 36—42) и С. Петровскаго „О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго" („Отчетъ о 19 присужд. Уваров. наградъ". Спб., стр 150—173) и издалъ отдѣльно—„Объ отношеніи юридическихъ обычаевъ къ законодательству". Спб.

Въ 1878 г., какъ уже отмѣчено, былъ открытъ „Археологическій Институтъ". Тогда же для объединенія работъ всѣхъ русскихъ архивистовъ Н. В. Калачовъ началъ издавать „Сборникъ Археологич. Института" (1878—1881), послѣ переименованный въ „Вѣстникъ археологіи и исторіи" (Спб. 1885 г.,

4 выпуска). Въ этихъ изданіяхъ Н. В. съ 1878 г. преимущественно и помѣщалъ свои произведенія. Такъ, въ этомъ году онъ напечаталъ „Вступительное слово, произнесенное при открытіи Спб. археологич. института“, „Отчетъ о первомъ выпускѣ сборника истор. матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива I Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи“ и „О снимкахъ и описаніи псковскихъ древностей“ (всѣ три въ 1-й кн. „Сборника“); въ 1879 г.—„Приложеніе къ книгѣ Шпилевскаго—„Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“, извлеченія изъ документовъ Московскаго архива министерства юстиціи“ и „О первыхъ занятіяхъ и ихъ направленіи въ Спб. археологическомъ институтѣ“ (обѣ въ кн. 2-й); въ 1880 г. были напечатаны—въ кн. 3-й „О работахъ слушателей института въ архивахъ и осмотръ ими памятниковъ древности въ 1879 г.“, а въ 4-й кн. „Ученыя занятія и ихъ направленіе въ археологическомъ институтѣ въ 1879 г.“; въ 1881 г. (послѣднемъ изданія „Сборника“) Калачовъ помѣстилъ „Отчетъ объ осмотрѣ лѣтомъ и осенью 1880 г. членами и слушателями археологич. института памятниковъ древности и ихъ работы въ архивахъ“ и „О взаимной связи между науками, преподаваемыми въ археологическомъ институтѣ“ (обѣ въ кн. 5-й). За тоже время онъ успѣлъ издать 1-ю книгу— „Внутренній бытъ русскаго государства съ 17-го октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г.“ (М., 1880 г.; 2-я кн. вышла послѣ смерти Калачова, въ М., 1886 г.) и 1-й томъ „Доклады и приговоры, состоявшіеся въ

44

правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго" (Спб., 1880 г.: кн. 1-я 2-го тома въ 1882 г., кн. 2-я того же тома въ 1883 г.; т. 3-й, кн. 1-я вышла послѣ смерти Калачова. Спб., 1886 г.). Кромѣ того, онъ еще напечаталъ: „О заслугахъ гр. Сперанскаго въ финансовомъ отношеніи" („Юридич. Вѣсти." 1880 г., кн. 1, стр. 3—16); „О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи" („Сбори. государствен. знаній", Безобразова, 1880 г., т. 8-й). За 1882 г. можно отмѣтить рецензію Н. В. Калачова рукописи Майнова „Очеркъ юридическаго быта мордвы" („Изв. Имп. Рус. Географич. Общ.", 1882 г., стр. 450—459), за 1884 г. — „Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта" (въ „Труд. 4-го археолог. съѣзда", т. I) и „О спискѣ съ писцовыхъ книгъ по гор. Казани съ уѣздомъ" (тамъ же). Въ изданныхъ при жизни Николая Васильевича 4-хъ выпускахъ „Вѣстника археологіи и исторіи" (Спб., 1885 г) были помѣщены слѣдующія статьи Н. В.: „Памятники усопшихъ членовъ археологическаго института" (вып. 1), „Отзывъ объ изданіи археограф. коммиссіи: Розыскныя дѣла о Шакловитомъ и его сообщникахъ" (в. 2) и „Отзывъ объ изданіи И. Забѣлина—„Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики гор. Москвы" (вып. 3). Лебединою пѣснью Н. В. Калачова было изданіе 2-хъ выпусковъ (3-й вышелъ въ 1886 г.) „Матеріалы для исторіи русскаго дворянства" (Спб., 8^0).

Такова была, въ общихъ чертахъ, дѣятельность Н. В. Калачова на пользу Россіи.

Покойный состоялъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій; съ 15 марта 1869 г. по 25 февр. 1869 г. онъ былъ товарищемъ предсѣдателя Имп. Московскаго Археологическаго Общества.

Въ сентябрѣ 1885 года Н. В. Калачовъ ѣздилъ за границу для поправленія разшатаннаго здоровья, главнымъ образомъ заботами по устройству помѣщенія для архива министерства юстиціи въ Москвѣ, гдѣ онъ думалъ основать и отдѣленіе Археологическаго Института. 8 октября, уже больной, онъ отправился къ своей семьѣ, въ свое родовое имѣніе, село Волхонщину, Сердобскаго уѣзда, съ тѣмъ, чтобы оттуда побывать въ Саратовѣ и Нижнемъ-Новгородѣ для открытія въ нихъ губернскихъ учено-архивныхъ коммиссій. Въ Волхонщинѣ 11 октября у него появилось рожистое воспаленіе лѣвой ноги, а 25 октября 1885 г. Н. В. Калачовъ скончался.

Покойный Государь Императоръ Александръ III на донесеніи министра юстиціи о кончинѣ Калачова изволилъ собственноручно начертать: „Весьма сожалѣю о немъ“.

Закончимъ нашъ очеркъ характеристикою Калачова, сдѣланною К. П. Побѣдоносцевымъ въ его „Воспоминаніи“. „Это былъ человѣкъ науки по преимуществу, не потому, чтобы онъ превосходилъ ученостью многихъ ученыхъ, и не потому даже, что трудолюбіе его было безгранично,—но потому, что онъ истинно

45

любилъ науку, любилъ чистою, безкорыстною, священною любовью. Для Калачова—наука его дышала жизнью и была нераздѣльна съ землею, по которой ходилъ онъ съ народомъ, къ которому онъ принадлежалъ, съ тѣмъ чувствомъ гражданина земли своей, которое понимаетъ явленія минувшей жизни въ живой, непрерывной связи съ бытомъ настоящаго времени... Труды его извѣстны всѣмъ. Трудно и перечислить—чѣмъ ему обязана наука русской исторіи и археологіи. Но еще цѣннѣе то драгоцѣнное свойство, что работая самъ, онъ постоянно думалъ и заботился о привлеченіи другихъ къ той же работѣ, о возбужденіи новыхъ силъ въ своей наукѣ... Трудно взвѣсить добро, которое сдѣлалъ онъ, отыскивая людей, жаждавшихъ поля для работы. Голова его работала непрестанно и работала всегда за одно съ сердцемъ. Не было въ немъ и слѣда мелкой зависти и мелкаго тщеславія; не было у него тайной склонности приближать къ себѣ и выставлять около себя ничтожныхъ людей, чтобы самому не утратить возлѣ нихъ своего блеска или величія.. Эти свойства и наклонности были чужды благородной душѣ Николая Васильевича... Простота душевная дала ему возможность и въ званіи сенатора, и въ знатномъ чинѣ сохранить невинность мысли и чувства, и подъ шитымъ мундиромъ соблюсти благожелательное, веселое и доброе расположеніе, свойственное доброй молодости и доброму студенчеству прежнихъ временъ. Съ простотою соединялась въ немъ доброта душевная, съ жалостью къ нуждѣ и съ заботою о помощи въ нуждѣ."

О Калачовѣ см. „Біограф. слов. проф. Моск. Университета". М., 1855 г., ч. 1. стр. 366—374.— „Календарь А. Гатцука" на 1874 г. (Словарь современ. дѣятелей Россіи).—„Необход. дополн. приложеніе къ Настольн. Словарю Ф. Толля". Спб., 1866.— А Пыпинъ—„Характеристики литературн. мнѣній", Спб. (2 изданія) гл. 4-я.—„Волын. Епарх. Вѣд.", 1885 г., № 32.—„Всемірн. Иллюстр." 1885, № 22 (съ портретомъ).—„Вѣстн. Евр." 1885 г., № 12, стр. 924—930.—„Голосъ Москвы" 1885, № 228.— „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ." 1885 г., № 12, стр. 209—213.—„Историч. Вѣсти." 1885, № 12, стр. 1—4 (Ѳ. Б.); 1887 г., № 5. стр. 401—414 (съ портретомъ. А. Востоковъ).—„Моск. Вѣдом." 1885 г., №№ 299, 300 (Ал. Тр—ковъ), 307 (А. Востоковъ) и 339; 1886 г., № 270.—„Моск. Церк. Вѣд." 1885 г., № 46.—„Недѣля" 1885, № 44.— „Нива" 1885, № 45 (съ портретомъ).—„Новое Время" 1885 г., № 3473.—„Новости" 1885, №№ 296 (И. Андреевскій), 298 и 335.—„Петер. Листокъ" 1885, № 293.—„Русск. Стар." 1885, № 12, стр. 714-715; 1886, № 1, стр. 257—260 (А. В. Смирновъ); 1888, № 2, стр. 487—517 (И. Е. Андреевскій); № 3, стр. 703—731 (воспом. гр. Путятина); 1896 г., № 3.—„Русь" 1885, № 18.—„Церковно-Общ. Вѣсти." 1885, №№ 93 и 108 (А. В. Гавриловъ).—„Юридич. Обозрѣн." 1885, № 242.—„Библіографъ" 1886, № 1, стр. 17—19.—„Рус. Вѣд." 1885 г. 30 октября (Н. П.).—„Смолен. Вѣстн." 1885, № 129.— „Вѣстникъ археологіи и исторіи" 1886 г. Вып. 5.

46

Спб., 1886. 8°. стр. 1—78 (съ портретомъ).— Словари Березина и Гарбеля.—„Энцикл. Словарь" Брокгауза. 27-й полутомъ, стр. 7-8 (Н. Васпленко).— Д. Д. Языковъ—„Обзоръ жизни и труд. покойн. рус. пис." Вып. 5-й, стр. 63—72 (Спб. 1889 г.,— прежде въ „Историч. Вѣсти." 1888 г., въ приложеніи).

VIII.

М. А. Бѣлинъ.

Михаилъ Андреевичъ Бѣлинъ, статскій совѣтникъ, бывшій прозекторомъ Императорскаго Московскаго Университета и старшимъ врачемъ Московской полиціи, докторъ медицины, родился 1-го ноября 1842 года въ погостѣ Семинова Гора, Владимірскаго уѣзда и губерніи, гдѣ въ то время отецъ его былъ священникомъ.

Дѣтство Михаила Бѣлина прошло, несомнѣнно, въ счастливой средѣ: надо полагать, оттуда онъ вынесъ задатки той прямоты, честности, правдивости, той задушевности, простоты въ обращеніи, того всегдашняго сочувствія горю близкихъ и знакомыхъ, какими онъ отличался впослѣдствіи, со времени переселенія въ Москву. Въ матеріальномъ отношеніи дѣтство прошло не блестяще, но это то и важно: при всѣхъ матеріальныхъ недостаткахъ родители Бѣлина съумѣли сохранить „душу живу" и ее въ чистомъ видѣ передали по наслѣдству (больше нечего было передать!) своему сыну Михаилу.

Послѣ домашней подготовки, М. А. Бѣлинъ для

получения образованія поступилъ сначала во Владимірское духовное училище, съ шести-лѣтнимъ курсомъ, откуда былъ переведенъ во Владимірскую духовную семинарію, въ низшее ея отдѣленіе. Тогда, въ дореформенное время, низшее и среднее духовно-учебныя заведенія раздѣлялись каждое на три 2-хъ-годичныхъ класса, такъ-что на окончаніе полнаго курса средняго образованія требовалось по меньшей мѣрѣ 12 лѣтъ, а въ случаѣ незадачи 14, 16... Михаилъ Андреевичъ, даровитый и прилежный юноша, прошелъ курсъ училища и семинаріи безъ задержки, и окончилъ студентомъ семинаріи, въ 1864 году. Въ то время отца его уже не было въ живыхъ; мать съ сыномъ и дочерью содержались на средства зятя ... М. А. Бѣлину оставалось одно—идти по дорогѣ предковъ, но въ немъ сильно было желаніе—продолжать образованіе, добиться болѣе лучшаго положенія въ жизни, и онъ, чтобы облегчить осуществленіе задуманной мечты, сначала занялъ мѣсто сельскаго учителя, и этимъ путемъ на нѣкоторое время обезпечилъ свое существованіе въ Москвѣ.

Въ 1866 г. М. А. Бѣлинъ поступилъ въ Московскій Университетъ въ число студентовъ медицинскаго факультета. Безъ средствъ, безъ всякаго знакомства, Михаилъ Андреевичъ сразу увидѣлъ, что ему не на кого болѣе надѣяться, какъ только на себя, и потому всецѣло отдался изученію избраннаго предмета. Въ 1871 году онъ былъ выпущенъ изъ Университета со званіемъ лекаря. Еще на студенческой скамьѣ обратилъ на Бѣлина вниманіе профессоръ Д. Е. Минъ,

какъ на лучшаго работящаго ученика, и въ 1872 году предложилъ Совѣту Университета Михаила Андреевича, какъ достойнаго кандидата, на должность помощника прозектора при каѳедрѣ судебной медицины, на каковую Бѣлинъ тогда же и былъ избранъ.

Занятія по судебной медицинѣ дали толчокъ и къ литературной дѣятельности Бѣлина,—такъ, въ „Московской Медицинской Газетѣ“ за 1873 г. появилась его первая статья „Смертельно-ли поврежденіе? Судебно-медицинскій случай“, а въ 1874 г. въ „Протоколахъ Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ“ напечатано изслѣдованіе Бѣлина—„Объ измѣненіи крови подъ вліяніемъ холода“ (былъ и отд. оттискъ: М., 1874. 8°. 15 стр.). которое указываетъ на начало подготовки къ докторской диссертаціи, имѣвшей предметомъ обсужденія тотъ же вопросъ. Въ тоже время М. А. Бѣлинъ былъ избранъ въ члены Общества Русскихъ Врачей, въ изданіяхъ котораго онъ помѣстилъ большую часть своихъ сообщеній и статей. Въ лучшую пору этого Общества, едва ли не самаго богатаго изъ московскихъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ его: много лѣтъ участвовалъ въ лечебницѣ этого учрежденія и занималъ разныя должности въ правленіи Общества.

Въ 1875 году въ „Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ, судебной психіатріи, медицинской полиціи...“ и т. д., издававшемся (1872—1882 гг.) медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, было напечатано сочиненіе Бѣлина—„Матеріалы къ оцѣнкѣ признаковъ смерти отъ холода

въ судебно-медицинскомъ отношеніи“ (1875 г., т. 3, отд. 1, стр. 20—72), которое по выходѣ отдѣльнымъ изданіемъ (М., 1875 г., 8°. 52 стр.) было представлено Михаиломъ Андреевичемъ въ медицинскій факультетъ въ качествѣ диссертаціи на степень доктора медицины. 25 апрѣля того же 1875 г. онъ блестяще защитилъ диссертацію и былъ удостоенъ искомой степени, а самое изслѣдованіе обратило на себя вниманіе и медицинской прессы (см. „Моск. Мед. Газ.“ 1875 г., № 34, и „Медиц. Обозр.“ 1875, IV, стр. 482). Къ тому же 1875 году относятся еще слѣдующія печатныя работы Бѣлина: „Матеріалы къ вопросу о сибирской язвѣ“ („Моск. Медицин. Газета“, 1875 г., №№ 42 и 43), „Убитый и разбросанный по частямъ трупъ. Судебно-медицинскій случай“ (тамъ же №№ 45, 46 и 48) и „1. Трудности распознаванія—какимъ орудіемъ нанесена рана, по случаю одного покушенія на самоубійство.—2. О способахъ изслѣдованія строительнаго матеріала по отношенію къ гигіенѣ.—3. Объ электрической чувствительности при ревматизмѣ“ (всѣ въ „Протоколахъ Общества Рус. Врачей“ за 1875 г.).

По защитѣ диссертаціи М. А. Бѣлинъ вскорѣ получилъ званіе приватъ-доцента по электротерапіи. Въ 1876 г. онъ побывалъ заграницей, осмотрѣлъ Брюссельскую выставку, нѣкоторыя убѣжища для умалишенныхъ и, какъ результатъ своихъ наблюденій, напечаталъ—„Очеркъ санитарной Брюссельской выставки (въ „Проток. Общ. Рус. Врачей“ за 1876 г.), „Колонія умалишенныхъ въ Геслѣ“ (въ газетѣ „Москов. Врачебный Вѣстникъ“ за 1876 г., № 18, издавав.

98

Физико-медицин. Общ.“): кромѣ того, въ 1876 г. Бѣлинъ напечаталъ — „Патолого-анатомическія явленія у умершихъ отъ отравленія рыбнымъ ядомъ“ (въ „Проток. Общ. Рус. Врач.“ за 1876 г. и въ „Моск. Медиц. Газетѣ“, 1876. № 21). „Гальванизація шейной части симпатическаго нерва“ (въ „Моск. Мед. Газ.“ 1876, № 41) и „Историческій очеркъ примѣненія электричества къ терапіи“ (тамъ же № 48). Послѣднія работы написаны Бѣлинымъ, какъ подготовительныя къ занимаемой имъ приватъ-доцентурѣ, но тогда особой каѳедры по электротерапіи не было, подготовка къ ней не могла достигать цѣли, и Михаилъ Андреевичъ скоро прекратилъ занятія въ этомъ направленіи.

Въ „Лѣтописяхъ Хирургическаго Общества въ Москвѣ“ за 1876—77 г. М. А. Бѣлинъ напечаталъ двѣ замѣтки—„О санитарномъ ранцѣ Эсмарха“ (стр. 130....) и „Случай судебно-медицинскаго переосвидѣтельствованія“ (стр. 215—217). Въ 1877 г. М. А. помѣстилъ въ „Протокол. Общ. Рус. Врачей“ (II, стр. 5—12, и тоже въ „Моск. Мед. Газ.“ 1877, № 37) „Три случая черепноспиннаго воспаленія мозговыхъ оболочекъ“.

21 января 1878 года профессоръ судебной медицины въ Московскомъ Университетѣ, извѣстный переводчикъ твореній Данта, Шекспира, Байрона и др., Д. Е. Минъ оставилъ Университетъ; на его мѣсто былъ назначенъ И. И. Нейдингъ. Это перемѣщеніе дало возможность М. А. Бѣлину занять болѣе опредѣленное положеніе въ Университетѣ: онъ тогда же былъ избранъ прозекторомъ по каѳедрѣ судебной меди-

цины. и эту должность занималъ до конца своей жизни. Здѣсь подъ его руководствомъ прошли тысячи студентовъ-медиковъ. для большинства которыхъ судебная медицина является въ жизни только прикладнымъ знаніемъ. утилизируемымъ лишь при случаѣ. Казалось бы. при такомъ положеніи этой отрасли медицинскихъ наукъ интересъ къ ней со стороны студентовъ не могъ быть великъ, но Михаилъ Андреевичъ всегда своимъ отношеніемъ къ дѣлу и къ студентамъ, своими интересными и оригинальными заключеніями умѣлъ заинтересовывать слушателей, и анатомическій театръ при кабинетѣ судебной медицины былъ почти всегда полонъ студентами. (Несомнѣнно. привлекало сюда студентовъ и даровитое слово профессора Ивана Ивановича Нейдинга. но большая часть черной работы лежала на Бѣлинѣ). Судебная медицина. служа великимъ подспорьемъ въ разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ, является наукою, имѣющею громадное значеніе въ общественной жизни: М. А. Бѣлинъ. посвятившій почти всю жизнь этой отрасли медицинской науки, тѣмъ самымъ, помимо воспитанія массы врачей. оказалъ пользу и обществу, такъ какъ, по заявленію ближайшаго свидѣтеля его. профессора И И. Нейдинга, Бѣлинъ. „занимаясь постоянно судебно-медицинскими изслѣдованіями. пріобрѣлъ большую опытность въ судебно-медицинской экспертизѣ и очень часто призывался въ качествѣ эксперта въ засѣданія суда. особенно по гражданскому отдѣленію, гдѣ его экспертизы считались весьма цѣнными".

Въ 1878 году М. А. Бѣлинъ напечаталъ въ „Лѣ-

топис. Хирургич. Общ. въ Москвѣ" „Аневризма правой carotis и тромбъ въ лѣвой".

Въ 1879 году, какъ извѣстно, внезапно появилась въ Астраханской губерніи страшная болѣзнь—чума. Вѣсть объ этомъ быстро пронеслась по Россіи, ученыя общества заинтересовались этой рѣдкой гостьей, и Московскій Университетъ также нашелъ нужнымъ командировать отъ себя врача для изслѣдованія Вѣтлянской эпидеміи. Выборъ остановился на М. А. Бѣлинѣ. Онъ, подвергая жизнь свою постоянной опасности, на мѣстѣ развитія эпидеміи подробно осмотрѣлъ пораженныя селенія, больныхъ, слѣдилъ за судьбой послѣднихъ, принимая дѣятельное участіе въ борьбѣ съ эпидеміею, и о результатѣ своей командировки, по возвращеніи, сдѣлалъ въ одномъ изъ засѣданій Физико-Медицинскаго Общества при Университетѣ подробнѣйшее сообщеніе. Въ печати изъ его наблюденій въ Вѣтлянкѣ явились: „Письмо изъ Селитряной (станица близъ Астрахани) о Вѣтлянской чумѣ" („Лѣтоп. Хирург. Общ. въ Москвѣ" 1879 г., стр. 344—347) и „Очеркъ Вѣтлянской эпидеміи 1878—1879 гг." (въ „Протокол. Физико-Медицин. Общ.", 1879 г., стр. 83—116).

Кромѣ изслѣдованія Вѣтлянской эпидеміи, М. А. Бѣлинъ воспользовался командировкой въ Астраханскую губернію для изученія, и до сего времени мало упорядоченнаго, санитарнаго состоянія рыбныхъ промысловъ. Плодомъ этого изученія явилась (въ „Протокол. Общ. Рус. Врачей" 1880 г., стр. 61—65) цѣнная работа Бѣлина „О санитарномъ состояніи рыбныхъ

промысловъ на низовьяхъ рѣки Волги". Еще раньше этого (во „Врачебн. Вѣдом." 1879 г., № 309) онъ напечаталъ изслѣдованіе—„Іодистый крахмалъ, какъ антидотъ при отравленіяхъ". Въ 1881 г. (въ „Труд. Общ. Рус. Врачей", стр. 48—53) Бѣлинъ помѣстилъ статью—„Къ этіологіи истеріи".

Изъ другихъ литературныхъ работъ Михаила Андреевича необходимо отмѣтить сдѣланный имъ, вмѣстѣ съ Михаломъ Петровичемъ Вишневскимъ, извѣстнымъ и во Владимірской губерніи (онъ былъ старшимъ врачемъ губернской земской больницы), переводъ съ нѣмецкаго языка очень извѣстнаго въ свое время сочиненія Лингардта—„Руководство къ оперативной хирургіи" (Москва, 1876—1877 г., 8^0. 4 выпуска. II+1030 стр.—2-е изд. вышло въ Москвѣ. 1880 г. 8^0. 420+234+258 стр., съ 518 рисунками) Это руководство въ свое время, за недостаткомъ пособій на русскомъ языкѣ, имѣло очень большое распространеніе.

Въ 1884 году наши университеты были преобразованы, и съ тѣхъ поръ М. А. Бѣлинъ въ теченіе многихъ лѣтъ, по порученію медицинскаго факультета, преподавалъ исторію и энциклопедію медицины, предметъ—до него по росписанію хотя и обязательный, но обыкновенно никѣмъ не читавшійся.

Въ началѣ 1893 г. Михаилъ Андреевичъ, оставаясь прозекторомъ Университета, занялъ важный, особенно для гор. Москвы, постъ: онъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ Московской полиціи. Несомнѣнно, санитарное состояніе данной мѣстности оказываетъ вліяніе на здоровье населенія; особенно это замѣтно въ

50

городахъ, и тѣмъ болѣе—въ Москвѣ. Область вѣдѣнія санитарной полиціи весьма обширна, разнообразна и требуетъ бдительнаго надзора. Городское управленіе, правда, до нѣкоторой степени облегчаетъ исполненіе этой задачи организаціею собственнаго санитарнаго надзора, но все же и на долю медицинской полиціи остается масса дѣла, иногда спеціальнаго. Правильная и совершенная организація этого надзора представляетъ трудную задачу для разрѣшенія, такъ какъ, съ одной стороны, населеніе вообще туго сживается съ вновь предъявляемыми требованіями, а съ другой—и для самихъ исполнителей является много поводовъ дѣлать отступленія. Въ прежнія времена было болѣе возможности кончать все на ночьѣ обшаго удовлетворенія, и потому Москва не могла похвалиться санитарнымъ благоустройствомъ. Занявъ мѣсто старшаго врача московской полиціи, Михаилъ Андреевичъ, по честности своей натуры, руководимый твердымъ убѣжденіемъ, что общее санитарное благоустройство, не являясь особенной тягостью для кореннаго населенія, можетъ поднять степень народнаго здравія, рѣшился постепенно ввести возможныя улучшенія, самъ принималъ дѣятельное участіе въ различныхъ медико-полицейскихъ изслѣдованіяхъ и мѣропріятіяхъ, но преждевременная смерть не дала ему совершить многаго изъ того, что онъ задумывалъ и считалъ крайне необходимымъ. Кто не знаетъ, что въ послѣдніе годы Москва очистилась, улучшилась въ санитарномъ отношеніи?—и это сдѣлано въ большей части по иниціативѣ Михаила Андреевича Бѣлина.

Не смотря на спеціальныя занятія въ Университетѣ, М. А. Бѣлинъ находилъ возможность заниматься и медицинской практикой; какъ мы уже сказали выше, онъ много работалъ въ Обществѣ русскихъ врачей, въ его лечебницѣ; онъ никому не отказывалъ въ помощи изъ приходящихъ больныхъ... Помимо многочисленныхъ занятій оффиціальныхъ и полу-оффиціальныхъ, Михаилъ Андреевичъ находилъ время работать и въ различныхъ Обществахъ: онъ былъ членомъ Общества Охраненія Народнаго Здравія, Московскаго Юридическаго Общества и др., и въ качествѣ секретаря принималъ участіе въ трудахъ секціи судебной медицины на съѣздахъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, бывшихъ въ Москвѣ въ 1887 и 1891 годахъ.

Полный силъ и здоровья М. А. Бѣлинъ неожиданно заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, къ которому присоединилось воспаленіе легкихъ, и въ 4 часа утра 10 марта 1896 года скончался, оплакиваемый осиротѣвшею семьею и многочисленными знакомыми. Тѣло его погребено 12 марта на Міусскомъ кладбищѣ.

О Бѣлинѣ см. „Словарь врачей, получившихъ степень доктора медицины въ Император. Моск. Университетѣ", Л. Ѳ. Змѣева. Спб., 1885. 8°, стр. 5.— „Русскіе врачи—писатели", Л. Ѳ. Змѣева. Тетр. 4-я. Спб., 1888. 8°, стр. 24-я.— „Моск. Вѣд." 1896 г., №№ 71 (И. Нейдингъ) и 73.— „Новое Время" 1896 г., № 7199 — „Рус. Вѣдом.", 1896 г., №№ 70 и 72 — „Новости дня", 1896 г. 11 марта. — „Врачъ" 1896 г., № 11 "Всемір. Иллюстр." т. 55, № 1418 (1896 г., № 14).

IX.

Т. И. Перелоговъ.

Тимофей Ивановичъ Перелоговъ, бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета, коллежскій совѣтникъ, родился 18 февраля 1765 года въ селѣ Перелогахъ Суздальскаго уѣзда, Владимірской губерніи, гдѣ въ то время отецъ его, Иванъ Ивановичъ, былъ священникомъ (умеръ онъ въ Москвѣ, въ санѣ іеромонаха Новоспасскаго монастыря, подъ именемъ Іоакима).

Образованіе свое Т. И. получилъ въ семинаріи, гдѣ ему дана была и фамилія. Въ то время семинарія находилась въ Суздалѣ; во время обученія въ ней Перелогова была учреждена семинарія и во Владимірѣ, къ которой присоединили тогда и Суздальскую, и потому Тимофей Ивановичъ оканчивалъ среднее образованіе уже во Владимірской семинаріи.

Въ тѣ времена (и даже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія) духовныя семинаріи являлись щедрыми поставщиками слушателей, какъ въ единственный въ прошломъ столѣтіи Московскій Университетъ, такъ и въ другія высшія или спеціальныя учебныя заведенія. Обыкновенно начальство этихъ учебныхъ заведеній само предлагало — не желаетъ ли кто поступить къ нимъ въ число слушателей изъ воспитанниковъ семинарій. Такъ было и въ 1782 году, когда Т. И. Перелоговъ по вызову начальства изъявилъ

желаніе изъ Владимірской семинаріи перейти въ Московскій Университетъ, куда и былъ принятъ. Въ продолженіе курса своего, Т. И. отправлялъ должность камернаго студента, надзирая надъ воспитанниками гимназіи, существовавшей при Университетѣ.

Съ 1784 года Перелоговъ началъ преподавать математику въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ; послѣ, когда онъ кончилъ курсъ въ Университетѣ, ему поручено было преподавать въ томъ же Пансіонѣ, а также и въ самомъ Университетѣ, французскій и англійскій языки. Изученіе современныхъ языковъ было однимъ изъ любимыхъ занятій Тимофея Ивановича; съ французскимъ языкомъ онъ основательно познакомился сначала еще будучи студентомъ Университета, такъ какъ посѣщалъ уроки гимназическаго преподавателя, Бодуэна, который знакомилъ своихъ слушателей съ преподаваемымъ предметомъ посредствомъ чтенія въ классѣ французскихъ газетъ, послѣ переводимыхъ слушателями на русскій языкъ; потомъ Перелоговъ уже собственнымъ трудомъ изучалъ книжный французскій языкъ, а для усовершенствованія въ разговорномъ—поселился нахлѣбникомъ у другаго, послѣдующаго, преподавателя французскаго языка въ академической (послѣ — въ губернской московской) гимназіи, Дешана; въ результатѣ такого настойчиваго изученія получилось то, что Тимофей Ивановичъ, по отзыву современниковъ, считался необыкновеннымъ между русскими, и вообще между не-французами, знатокомъ французскаго языка.—Англійскій языкъ Т. И. Перелоговъ изучилъ также въ совершенствѣ.

Въ Университетѣ Т. И. кончилъ курсъ въ 1786 г. и тогда же былъ награжденъ первымъ чиномъ „провинціальнаго секретаря". По выходѣ изъ Университета, какъ мы уже говорили, онъ продолжалъ преподавать въ Благородномъ Пансіонѣ сначала математику, а потомъ и живые языки, французскій и англійскій. Бывшіе тогда въ употребленіи, въ качествѣ учебниковъ, „Азбука или начальныя основанія французскаго языка для россійскаго юношества, и особливо для нижнихъ классовъ вольнаго благороднаго пансіона при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ" и „Краткія правила французской грамматики, изданныя для употребленія въ благородномъ пансіонѣ" (обѣ изданы въ Москвѣ, въ 1794 г. 8°), были и по тогдашнему времени весьма неудовлетворительны, но Перелоговъ до поры до времени мирился съ ними, такъ какъ это были изданія казенныя; но вотъ въ 1800 году его опредѣляютъ преподавателемъ французскаго и англійскаго языковъ въ самый Университетъ, и Перелоговъ въ 1801 году издаетъ „Французскую грамматику, содержащую въ себѣ легкій и основательный способъ учиться сему языку" (Москва, въ Университетской типографіи. 1801. 8°), которая сразу заслужила общее вниманіе, послѣ выдержала нѣсколько изданій (2-е въ 1808 году, 3-е въ 1814, 4-е въ 1822, 6-е—въ 1831. 7-е—въ 1832; всѣ въ Москвѣ, въ тип. Московскаго Университета, 8°) и почти до половины настоящаго столѣтія была учебникомъ, особенно въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. До поступленія въ Университетъ въ качествѣ препо-

давателя. Тимофей Ивановичъ издалъ „Этимологію, или подробныя наставленія о измѣненіи словъ французской рѣчи“ (М., Университ. тип.. 1797 8°.—Тоже, по Соникову, издано и въ 1804 г.). Въ 1804 г. Т. И. Перелоговъ имѣлъ возможность удовлетворить давнишнее желаніе,—издалъ учебникъ французскаго языка и для начальнаго обученія—„Краткія правила французской грамматики“ (М., въ Универ. тип., 1804. 8°.—Тоже и въ 1808 г.). Не меньшій успѣхъ имѣла составленная имъ „Христоматія для учащихся, или собраніе въ прозѣ и стихахъ разныхъ поучительныхъ и занимательныхъ статей для употребленія молодыхъ людей, которые начинаютъ учиться французскому языку“, выдержавшая также нѣсколько изданій (М., въ Универ. тип.)—такъ, 2-е было въ 1826 г. (8°),—и выходившая подъ разными заглавіями („Самоучитель для учениковъ, или собраніе лучшихъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ въ пользу молодыхъ людей...“, въ 1831 году подъ заглавіемъ—„Manuel de l'écolier“ —Чтеніе англійскаго языка вынудило Тимофея Ивановича издать руководства и по этому предмету,—именно грамматику и „Англинскую христоматію“ (М., 1807. 8°).

Выступивши въ роли лектора новихъ языковъ, Перелоговъ хорошо сознавалъ, что ему, какъ не природному французу или англичанину, трудно конкурировать въ преподаваніи съ иностранцами, а, кромѣ того, эта должность не могла упрочить и ученаго его поприща. Въ виду этого, онъ занятія свои считалъ временными и еще въ 1790-хъ годахъ началъ гото-

53

виться по любимому предмету, по математикѣ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи занять университетскую каѳедру по этому предмету. Исполненіе этого рѣшенія стоило Перелогову большаго труда и чуть не жизни. Дѣло въ томъ, что Т. И. за время студенчества вынесъ сравнительно мало знаній по математикѣ и во всякомъ случаѣ недостаточно для профессорской каѳедры, такъ какъ бывшій его наставникомъ профессоръ И. Ю. Ростъ самъ случайно попалъ на эту каѳедру и едва-ли зналъ математику, такъ какъ читалъ ее, правда оживленно, даже съ шутками, по курсу Вейдлера, изложенному слишкомъ поверхностно, а для преподаванія алгебры никогда не хватало времени; кромѣ того, и высшая математика, какъ наука, къ тому времени далеко ушла впередъ (курсъ Вейдлера изданъ въ 1759 г.). Вообще, Тимофею Ивановичу пришлось учиться чуть не снова и вмѣстѣ съ тѣмъ—торопиться, такъ какъ для Университета тогда нуженъ былъ преподаватель математики. Перелоговъ и засѣлъ за совершенное изученіе избраннаго предмета; къ несчастію, пришлось заниматься только по ночамъ и—организмъ труженика не выдержалъ: по собственнымъ словамъ Перелогова, „ночеденствіе“ было причиною тяжкой душевной болѣзни, глубокой меланхоліи. Вмѣсто занятій пришлось тратить время на леченіе; болѣзнь прошла, но оставила на всегда рѣзкіе слѣды задумчивости. По выздоровленіи Т. И. докончилъ свою подготовку, но въ это время свободное мѣсто было замѣщено уже другимъ лицомъ.

Въ 1805 году Т. И. Перелоговъ былъ произведенъ

въ адъюнкты по каѳедрѣ новыхъ языковъ; съ 1807 г., кромѣ того, на него была возложена должность помощника инспектора въ надзорѣ за ученіемъ и поведеніемъ казенныхъ воспитанниковъ академической гимназіи при Университетѣ; въ 1810 году Т. И. произведенъ былъ въ надворные совѣтники.

Наступилъ тяжелый и для Московскаго Университета 1812 годъ. Въ виду приближенія непріятеля вышло распоряженіе перевезти дѣла Университета и часть библіотеки въ Нижній-Новгородъ, куда отправились и нѣкоторые изъ профессоровъ, въ томъ числѣ и Перелоговъ съ своимъ семействомъ. Выѣхалъ онъ 1 сентября, а 2-го, какъ извѣстно, вступилъ въ столицу непріятель. Жизнь въ Нижнемъ на первыхъ порахъ была самая несчастная для Перелогова: безъ копѣйки въ карманѣ (переѣздъ въ Нижній поглотилъ всѣ деньги), съ огромной семьей на рукахъ (жена и 5 дѣтей), почти безъ куска хлѣба, Тимофей Ивановичъ вмѣстѣ съ товарищемъ, профессоромъ исторіи Н. Е. Черепановымъ, должны были сами даже воду носить; все это дурно вліяло на душевное состояніе Перелогова, и вѣроятнѣе всего—повторилась бы съ нимъ прежняя болѣзнь, если бы обстоятельства не измѣнились къ лучшему: прежде всего начальство отыскало ихъ, помѣстило болѣе удобно и снабдило всѣмъ необходимымъ; потомъ, лично для Перелогова счастье улыбнулось и въ другомъ отношеніи: жители Нижняго узнавъ, что въ ихъ городѣ находится безукоризненный знатокъ французскаго и англійскаго языковъ, болѣе зажиточные изъ нихъ начали при-

глашать Перелогова давать уроки своимъ дѣтямъ, особенно по англійскому языку. Это доставило Т. И. такое изобиліе средствъ, какимъ и въ Москвѣ онъ не пользовался. Въ Нижнемъ Перелоговъ пережилъ сначала такъ много горя, что въ одну ночь голова его посѣдѣла; послѣ, когда обстоятельства измѣнились къ лучшему, сѣдые волосы опять стали обыкновенными, темно-русыми.

Въ 1813 году явилась возможность возвратиться въ Москву; Перелоговъ оставилъ должность помощника инспектора, такъ какъ его назначили адъюнктомъ чистой математики и, кромѣ того, онъ приглашенъ былъ преподавать французскій языкъ и математику въ Императорскомъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.

При чтеніи математики въ Университетѣ Тимофей Ивановичъ сначала руководился „Курсомъ математики Безу, переведеннымъ Василіемъ Загорскимъ“, а потомъ, когда въ помощь ему были опредѣлены адъюнкты Щепкинъ и Д. Перевощиковъ, онъ избралъ болѣе новое и болѣе обширное сочиненіе „О дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіяхъ“ Бушарла. Университетскій біографъ Перелогова, Зерновъ говоритъ, что „преподаваніе его носило на себѣ печать задумчивости, которую оставилъ недугъ; въ немъ строгіе цѣнители не находили, можетъ быть, той живости, которая составляетъ, такъ сказать, приправу въ урокѣ точной науки, чуждомъ всякаго краснорѣчія. Но люди, лучше понимавшіе цѣну истины, изложенной ясно и со всею строгостію, видѣли, что

его лекціи совершенно открывали путь къ чтенію оригинальныхъ писателей, а потому отдавали имъ полную справедливость".

Въ 1814 г. Т. И. Перелоговъ произведенъ былъ въ экстраординарные профессоры чистой математики, а въ 1820 году—въ ординарные; кромѣ того, въ 1817 г. онъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника, а въ 1824 г.—орденомъ Владиміра 4-й степени.

Тимофей Ивановичъ всегда отличался точнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей,—за все время преподаванія помнятъ только двѣ пропущенныя имъ лекціи по случаю смерти старшей дочери и жены. На лекціи онъ являлся подготовленнымъ, за наукою продолжалъ слѣдить до конца службы.

Въ 1825 году кончился срокъ 25 лѣтней службы въ Университетѣ Перелогова, и ему, по ходатайству начальства, назначена была пенсія, равная полному окладу жалованья, т. е. 2 тысячи руб. ассиг., независимо отъ получаемаго жалованья за преподаваніе въ Воспитательномъ Домѣ (860 р. ассиг.), гдѣ онъ продолжалъ службу до 1839 года. Въ 1828 г. Перелоговъ былъ награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за 40 лѣтъ, а въ 1837 году—за 50. По окончаніи службы въ Воспитательномъ Домѣ, въ 1839 г., ему и здѣсь положена была пенсія.

Но не долго пришлось Тимофею Ивановичу пользоваться двойною пенсіею: издавна Т. И. совершалъ ежедневныя прогулки, которыя въ послѣднее время стали необходимыми, такъ какъ онъ началъ значительно тучнѣть; въ 1840 г. чтобы предотвратить слѣ-

поту найдено было необходимымъ поставить на ногѣ фонтанель, которая при ходьбѣ во время прогулокъ раздражилась и перешла въ гангрену, отъ которой Т. И. Перелоговъ и умеръ 29 марта 1841 года, незадолго до заутрени на Свѣтлое Христово Воскресенье. Тѣло его похоронено на Лазаревскомъ кладбищѣ; въ погребеніи участвовали многіе студенты университета, несшіе гробъ его на рукахъ изъ квартиры до церкви.

По словамъ Н. Е. Зернова, Т. И. Перелоговъ въ молодости былъ весьма красивымъ мущиною.

О Перелоговѣ см. „Сѣвер. Пчела“ 1842 г.— „Біографич. словарь профессоровъ и преподав. Император. Москов. Университета...“ М., 1855 года. 8°. Часть II, стр. 216—225 (Н. Е. Зерновъ).

X.

П. П. Сумароковъ.

Панкратій Платоновичъ Сумароковъ, близкій родственникъ извѣстнаго въ прошломъ столѣтіи писателя Александра Петровича Сумарокова (1717—1777), русскій поэтъ, родился 14 октября 1765 года въ г. Владимірѣ. Одинъ изъ предковъ его находился на службѣ при молодомъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и доказалъ ему преданность, хотя это и стоило ему мученической смерти.

П. П. Сумароковъ дѣтство свое провелъ въ деревнѣ, гдѣ не видалъ никакихъ книгъ, кромѣ „Часослова“ и „Псалтыря“. 12-лѣтняго мальчика взялъ

себѣ на воспитаніе дальній родственникъ Сумарокова, Юшковъ, жившій въ Москвѣ. Даровитый юноша былъ порученъ надзору француза Перло, человѣка честнаго, умнаго и образованнаго. Честный французъ приложилъ всѣ силы своего умѣнья, чтобы дать своему ученику классическое образованіе. Французскому языку Сумароковъ былъ выученъ въ совершенствѣ; кромѣ того, къ мальчику ѣздили учителя и по другимъ предметамъ, такъ что молодой Сумароковъ, пробывъ у Юшкова шесть лѣтъ, получилъ отличное свѣтское воспитаніе: кромѣ французскаго языка, на которомъ онъ говорилъ какъ природный французъ, Сумароковъ хорошо зналъ еще нѣмецкій, прекрасно рисовалъ и мастерски игралъ на фортепіано.

Когда Сумарокову исполнилось 18 лѣтъ, родственникъ отправилъ его въ Петербургъ и опредѣлилъ тамъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ; здѣсь П. П. прослужилъ годъ и въ 1785 году былъ произведенъ въ корнеты. Казалось, судьба начала улыбаться молодому корнету, въ раннемъ дѣтствѣ перенесшему много невзгодъ и лишеній. Но вышло иначе.

Живя на свободѣ въ Петербургѣ, Сумароковъ, памятуя несчастную жизнь въ семьѣ и добрые уроки, полученные у родственника, не отдался ни одному изъ увлеченій, свойственныхъ зеленой молодости, но, къ несчастію, сошелся коротко съ однимъ изъ юнкеровъ, Куницкимъ, человѣкомъ крайне невѣжественнымъ, легкомысленнымъ и весьма неразборчивымъ во взглядѣ на средства къ жизни. Это знакомство совершенно и погубило Сумарокова. Однажды, по стра-

сти къ рисованію. онъ сидя дома копировалъ какую-то гравюру; въ это время пришелъ къ нему Куницкій и долго любовался тонкостью и нѣжностью штриховъ, не уступавшихъ штрихамъ гравюры. Въ этоже время пришелъ слуга спросить денегъ на какую-то покупку. Въ раскрытомъ кошелькѣ хозяина гость увидалъ сторублевую ассигнацію, взялъ ее въ руки, пристально поглядѣлъ на нее и, положивъ передъ Сумароковымъ, сказалъ: „Вотъ, срисуй. Отличная практика пера.“ Сумароковъ, ничего не сказавъ, только улыбнулся, такъ какъ въ предложеніи Куницкаго видѣлъ одно невѣжество, потому-что ассигнаціи того времени имѣли очень простой рисунокъ, который могъ легко снять всякій мало-мальски порядочный рисовальщикъ. Куницкій ушелъ, а Сумароковъ опять принялся за работу, и по внушенной юнкеромъ мысли, почти безсознательно началъ на листѣ почтовой бумаги срисовывать сторублевую ассигнацію. Когда уже смерклось, Куницкій пришелъ опять; Сумароковъ показалъ ему сдѣланный рисунокъ, юнкеръ долго разсматривалъ работу при полусвѣтѣ окна и сказалъ, что пользуясь сумерками можно эту бумажку спустить за настоящую. Сумароковъ разсердился, сказалъ, что Куницкій говоритъ вздоръ, и, взявъ бумажку, положилъ ее вмѣстѣ съ другими рисунками въ папку. Послѣ этого знакомые проболтали весь вечеръ, и Куницкій ушелъ домой, не поминая уже о бумажкѣ. На другой день Сумароковъ, разбирая рисунки, увидалъ, что между ними нѣтъ рисунка ассигнаціи; только теперь онъ догадался, что поступилъ опрометчиво. Ясно было, что

рисунокъ унесенъ Куницкимъ; Сумароковъ бросился къ нему на квартиру, но не засталъ дома. Тогда онъ сообщилъ о случившемся искреннему своему пріятелю и товарищу, Ромбергу; тотъ также не засталъ дома Куницкаго. Какъ оказалось послѣ, Куницкій воспользовался выходомъ Сумарокова изъ комнаты для отысканія лакея, чтобы тотъ подалъ закуску, спряталъ бумажку въ карманъ, съ цѣлью употребить ее въ дѣло. Обрѣзавъ листокъ въ форматѣ настоящей ассигнаціи, онъ, воспользовавшись мрачнымъ петербургскимъ днемъ, сбылъ его въ мѣховой лавкѣ гостинаго двора, въ обмѣнъ на лисій мѣхъ. Покупатель былъ въ партикулярномъ платьѣ и потому надѣялся, что продѣлка его никогда не обнаружится. Но вышло иначе. Дня три спустя, продавецъ и покупатель встрѣтились на улицѣ. Купецъ сталъ въ него всматриваться: тотъ струсилъ и бросился бѣжать. На крикъ купца сбѣжался народъ—и Куницкій, бывшій въ партикулярномъ платьѣ, былъ схваченъ и отведенъ въ полицію, гдѣ волей-неволей долженъ былъ объявить свое званіе. Началось слѣдствіе и всѣ трое—Куницкій, Сумароковъ и Ромбергъ были отданы подъ судъ. Разумѣется, слѣдственная коммиссія не могла принять въ оправданіе увѣреній виновнаго, что его поступокъ есть не что иное, какъ шутка надъ старымъ мѣхоторговцемъ. Она не только не оправдала главнаго виновника преступленія, но обвинила и двухъ его товарищей, какъ соучастниковъ, хотя они и показывали, что имъ вовсе не было извѣстно, какое употребленіе сдѣлалъ виновный изъ бумажки. Судъ при-

говорилъ всѣхъ троихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на жительство въ сибирскіе города: Куницкаго — какъ сбытчика фальшивой ассигнаціи, Сумарокова — какъ ея рисовальщика, и Ромберга — какъ укрывателя преступленія. Исторія эта надѣлала много шума въ Петербургѣ. Противъ главнаго виновника было и общественное мнѣніе; но о Сумароковѣ и Ромбергѣ всѣ искренно сожалѣли: всѣ были убѣждены, что хотя юридически они и не оправданы, но въ сущности нисколько не виноваты, или, по крайней мѣрѣ, не на столько, чтобы поплатиться такъ дорого.

Подробное изложеніе причинъ ссылки взято нами у Н. В. Гербеля, сообщившаго объ этомъ на основаніи статьи сына Сумарокова, напечатанной въ 1832 г. въ книжкѣ „Стихотворенія П. П. Сумарокова“.

Мѣстомъ ссылки П. П. Сумарокова былъ назначенъ Тобольскъ. Необходимо отмѣтить, что еще до несчастной исторіи Панкратій Платоновичъ началъ писать стихи, преимущественно сатирическіе, на которые тогда была большая мода,— такъ, еще въ Петербургѣ онъ написалъ сатирическіе стихи на одно изъ начальствовавшихъ лицъ конно-гвардейскаго полка. Въ 1786 году была напечатана въ еженедѣльномъ Петербургскомъ изданіи „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ епиграмма П ....тія Сумарокова — „Клеонъ Дамону говорилъ“... (ч. 1, 1786, № 16, октябрь, стр. 180).

Въ Тобольскѣ въ то время губернаторомъ былъ Алябьевъ, человѣкъ оставившій по себѣ добрую память. Онъ принялъ Сумарокова не какъ ссыльнаго, а

также, какъ позднѣе во Владимірѣ И. Э. Курута принялъ А. И. Герцена,—какъ несчастнаго, заброшеннаго судьбой на чужбину, странника: Панкратій Платоновичъ пользовался въ Тобольскѣ полною свободою и безпрепятственно могъ заниматься науками и литературою; не мало времени посвящалъ онъ здѣсь и педагогическимъ занятіямъ.

Въ ссылкѣ П. П. Сумароковъ провелъ пятнадцать лѣтъ (1786—1801). Въ 1789 году, 11 марта, было открыто Тобольское Главное народное училище; это обстоятельство оживило монотонную жизнь города; Сумароковъ, оторванный отъ родины, поспѣшилъ ближе познакомиться съ вновь прибывшими туда учителями, особенно съ Тимофеемъ Воскресенскимъ и Иваномъ Лафиновымъ; къ ихъ кружку примкнулъ бывшій тобольскимъ прокуроромъ, Ив. Ив. Бахтинъ (1756—1818), тогда еще совершенно молодой человѣкъ, послѣ бывшій харьковскимъ губернаторомъ, авторъ стихотвореній и драмъ, изданныхъ и отдѣльно. Этому кружку, принявшему послѣ въ свою среду учителя Василія Прутковскаго, пришла мысль—основать періодическое изданіе, и вотъ съ сентября мѣсяца 1789 года начало выходить въ Тобольскѣ (въ тип. Тобольск. купца Василья Корнильева) ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое отъ Тобольскаго Главнаго народнаго училища — „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену“ (книжки выходили въ форматѣ in 8^0, около 4 печатныхъ листовъ каждая; всего вышло въ 1789 г. 4 книжки, въ 1790 г.—12 книжекъ и въ 1791 г.—тоже 12). Журналъ „Иртышъ“ состоялъ

58

все время подъ редакціей Сумарокова. который въ предисловіи къ первой книжкѣ 1789 г. такъ объяснилъ побужденія къ началу изданія журнала: „Не простительно было бы. еслибъ имѣющіе участіе въ семъ, на неизрѣченномъ добрѣ основанномъ заведеніи, не приложили всевозможнаго раченія къ скорѣйшему созрѣнію онаго, котораго плодъ послѣдующія роды собравъ, сооружатъ изъ оныхъ Великой Екатеринѣ, виновницѣ толикихъ благъ, безсмертной памятникъ. По поводу чего, и находя весьма нужнымъ доставить учителямъ свойственное званію ихъ упражненіе, посредствомъ коего и среди исполненія возложенной на нихъ почтенной должности, достиглибъ и они дальнѣйшихъ способностей, къ вящему усовершенствованію толь изящнаго заведенія, Тобольское Главное народное училище предпріяло издавать ежемѣсячникъ, наполняя оной всякаго рода какъ сочиненіями, такъ и переводами въ стихахъ и прозѣ“. Полные экземпляры этого журнала въ настоящее время составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость,—въ цѣломъ составѣ нѣтъ его ни въ Императорской Публичной Библіотекѣ, ни въ Академіи Наукъ и Румянцевскомъ музеѣ; едвали есть онъ и въ частныхъ собраніяхъ. Въ журналѣ сотрудничали многія лица,—въ числѣ ихъ и жена П. П. Сумарокова. Наталья Сумарокова. Самому Панкратію Платоновичу принадлежатъ слѣдующія произведенія: „Предисловіе“ (1789 г., сентябрь, стр. 3—6 ненум.), „Быль: Приказывалъ женѣ...“ (тамъ же, стр. 26), „Сказка: Искусный лѣкарь“ (стр. 27—33), „Какимъ образомъ познаемъ

мы разстоянія, величины, виды и положенія предметовъ. Изъ Основ. Ньютон. философіи" (стр. 34—48); „Притча: Отстрѣленная нога" (октябрь, стр. 54—58); „Карибская любовь". Переводъ съ французск. (ноябрь, стр. 32—42); „Перечень письма изъ Вѣны отъ 12 октября 1789 года" (декабрь, стр. 23—28), „Ода на Гордость" (стр. 41—52); „Ночь", переводъ (1790 г., январь, стр. 1—10), „Кедръ". Восточная повѣсть, подражаніе французскому (стихотв.) (стр. 54—56); „Епиграммы: I. Жена Глупона... II. Ты, жалуешься Клитъ.." (стр. 61); „Тронъ. Восточный анекдотъ" (февраль, стр. 38), „Притча: Соловей, Попугай, Кошка и Медвѣдь" (стр. 42—44); „Сонетъ на случай кончины Императора Іосифа II (мартъ, стр 53—54), „Повѣсть о Султанѣ Тогрул-Бекъ-Арсламѣ", изъ Енциклопедич. журн. (стр. 60—64); „Краткое изложеніе новѣйшихъ Астрономическихъ открытій" (апрѣль, стр. 22—42), „Епиграмма: Не стыдно тебѣ Дамонъ" (стр. 58); „Епиграммы: 1. Клитандръ въ богатствѣ... 2. За что почти весь вѣкъ... 3. Съ утра до вечера.. 4. Клитъ здѣлавшись больнымъ..." (май, стр. 55—57); „Епиграмма: Ты хочешь знать..." (августъ, стр. 49); „Поема: Лишенный зрѣнія Купидонъ" (1791, январь, стр. 33—44; это одно изъ лучшихъ произведеній Сумарокова); „Баснь, Тыква и Жолудь" (февраль, стр. 27—30); „Любовный Силогисмъ посылка первая" (мартъ, стр. 22—23), „Епиграммы: I. Безъ мѣста чемъ мнѣ жить... II. Искусенъ въ правилахъ... III. Скотомъ рогатымъ Клитъ..." (стр. 32), „Епитафіи: I. Худова больше...

9

II. Чтобъ жить не для другихъ..." (стр. 39); „Епитимія. Подраж. франц-му" (май, стр. 48), „Мадригалъ Прелестѣ" (стр. 67—68); „Простота хуже воровства", подраж. франц. стихотв. (іюнь, стр. 23). „Новизна", стих (стр. 36), „Епитафіи: I. Лежащій во гробѣ семъ.. II. Клитъ ближнему услугъ... (стр. 44); „Сонетъ Великой Государынѣ Екатеринѣ II, на всерадостный день вступленія Е. И. В. на Всерос. Престолъ" (іюль, стр. 29); „Епиграммы: I. Недавно Скрягинъ.. II. Скажите—отъ чего... III. Мы зла единаго на вѣкъ..." (августъ стр. 40), „Епиграммы: I. Дѣвица, кою сбыть скорѣе... II. Вѣсы Фемидины у Клита... III. По утру съ фонаремъ... IV. За что не терпимъ... V. Что Клавъ меня лѣчилъ... VI. Про Фирса Титъ... VII. Іовъ, сей праведный..." (стр. 54—56); „Способъ воскрешать мертвыхъ", сказка (сентябрь, стр. 25—44); „Баснь: Дровосѣкъ и Смерть" (ноябрь, стр. 50).

Послѣдняя книжка „Иртыша" вышла въ декабрѣ 1791 года, а въ слѣдующемъ П. П. Сумароковъ надумалъ издавать съ 1793 года уже другой журналъ,—такъ, въ № 69 „Санктпетерб. Вѣдомостей" за 1792 г. онъ объявилъ, что „въ Тобольскѣ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія принимается подписка на книгу подъ заглавіемъ—„Библіотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная въ пользу и удовольствіе Всякаго званія Читателей". Сія книга будетъ состоять изъ 12 частей." Изъ объявленія видно, что онъ хотѣлъ издавать каждый мѣсяцъ по одной книгѣ и кончить все

въ одинъ годъ; подписчиковъ оказалось только 111, „Библіотека“ издавалась въ 2 мѣсяца разъ и окончилась, вмѣсто одного, въ 2 года (1793—1794). Печаталась она съ указнаго дозволенія въ Тобольскѣ, въ типогр. у В. Корнильева; въ каждой части (8°) было отъ 200 до 300 стр., съ рисунками. Всего вышло 12 частей. Имена сотрудниковъ въ этомъ изданіи не обозначались, и надо думать, что большая часть статей писана и переведена самимъ Сумароковымъ, такъ какъ, какъ увидимъ далѣе, эта „Библіотека“ послужила источникомъ для составленія Сумароковымъ книги—„Истинный способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ ..“ и т. д. Только двѣ статьи въ „Библіотекѣ“ имѣютъ подпись самого издателя: „Объявленіе“ въ началѣ нѣкоторыхъ частей и „Статья Увеселительная: Первый мореплаватель, поэма“. Соч. Геснера, пер. съ нѣмец. (1794 г., ч. IX, стр. 163—195).

Малый ли успѣхъ изданія весьма полезнаго сборника всякаго рода свѣдѣній въ 12 объемистыхъ томахъ, подъ названіемъ „Библіотека ученая. .“, или измѣнившіяся обстоятельства отчасти и для печатанія книгъ въ концѣ прошлаго столѣтія, но несомнѣнно—что-то охладило рвеніе Сумарокова, и онъ съ 1795 г. находитъ болѣе удобнымъ печатать свои произведенія въ столичныхъ періодическихъ изданіяхъ, такъ, въ 1795 г. два свои стихотворенія—„Плачъ и смѣхъ“ и „Мадригалъ Д. И. Б—й“ онъ помѣстилъ въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“, издававшемся въ Москвѣ и редактированномъ В. С. Подшиваловымъ (1795 г., ч. VII, стр. 29—30 и 32).

60

Въ 1796—99 годахъ Н. М. Карамзинъ издалъ „Аониды, или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній"; въ 3-й части этого сборника (1798—99 гг.) частію перепечатаны (изъ „Иртыша..": Купидонъ лишенной зрѣнія, Любовный силогизмъ и нѣкоторыя эпиграммы), частію вновь напечатаны нѣкоторыя произведенія П. П. Сумарокова; въ первый разъ помѣщены епиграммы: „Злонрава мнѣ кричитъ..., На Клита вѣрно..., Скончался чужехватъ..., Какое сходство .., Однажды Скрягинъ..., Силенъ, напившись пьянъ... и Что не видалъ Ословъ..., а также басня: Новизна.—Въ слѣдующемъ году черезъ своихъ знакомыхъ Сумароковъ напечаталъ въ Москвѣ „Собраніе нѣкоторыхъ сочиненій, подражаній и переводовъ" (М., въ Универ. тип., 12°, 1800 г.—Часть I). куда вошла сказка „Альнаскаръ", изображающая жи картину сибирской зимы.—Вторая часть стихотворе ній Панкратія Платоновича вышла по возвращени его въ Россію.

Въ Сибири Сумароковъ женился, въ 1789 году, на иностранкѣ, прибывшей въ Тобольскъ въ качеств гувернантки съ семействомъ одного ссыльнаго. По вступленіи Александра I явилась надежда на возвращеніе въ Россію; Сумароковъ написалъ просительное письмо на Высочайшее имя—и въ концѣ іюня 1801 года изгнанникъ былъ прощенъ, а въ началѣ марта 1802 г. ему было возвращено и дворянское достоинство. По возвращеніи въ Россію, П. П. на первыхъ порахъ поселился было съ семействомъ въ родовомъ имѣніи, въ Тульской губерніи, но скоро пришлось

перебраться въ Москву, куда тянули его литературныя занятія. Въ то время В. С. Кряжевъ, вмѣстѣ съ Готье и Меемъ, только что завелъ разрѣшенную Высочайшимъ указомъ собственную типографію и, по обычаю того времени, задумалъ при ней издавать періодическое изданіе. Въ редакторы Кряжевъ пригласилъ только-что возвратившагося изъ Тобольска П. П. Сумарокова, какъ уже опытнаго въ этомъ дѣлѣ человѣка. Сумароковъ охотно согласился и съ сентября 1802 года подъ его редакціей началъ выходить „Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія". Журналъ выходилъ каждый мѣсяцъ по одной книжкѣ; подъ редакціей Сумарокова вышли 3 части (по 3 книжки въ каждой), а 4-я редактирована (въ 1804 г.) другимъ лицомъ, такъ какъ П. П. окончательно разошелся съ Кряжевымъ. Въ 1804 г. Панкратій Платоновичъ принялся было за изданіе „Вѣстника Европы", начатаго въ 1802 г. Н. М. Карамзинымъ, но скоро отказался отъ этой мысли и передалъ журналъ М. Т. Каченовскому.

Въ 1807 г. вышла вторая часть книги — „Сочиненія и переводы Панкратія Сумарокова" (М., 1807 г., 8°), въ которую вошла поема „Амуръ, лишенный зрѣнія" (прежде — „Купидонъ..."). Послѣ этого — П. П. издалъ, пользуясь „Библіотекой ученой, экономической...", два сборника — „Источникъ здравія, или словарь всѣхъ употребительныхъ снѣдей, приправъ и напитковъ, изъ трехъ царствъ природы извлекаемыхъ, съ подробнымъ описаніемъ ихъ лекарственныхъ силъ и полезныхъ и вредныхъ дѣйствій въ тѣлѣ человѣ-

ческомъ" (М., тип. Пономарева, 1808, 8°.—По Сопикову, № 4944, М., 1800 г.), 2-е изданіе котораго вышло въ 1833 г. (М., тип. Пономарева. 8°.—По Сопикову—2-е изд. въ 1808 г.) и—„Истинной способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ и богатымъ, или открытіе особливыхъ, рѣдкихъ, удобоисполнительныхъ, испытанныхъ и весьма дешевыхъ секретовъ, посредствомъ которыхъ всякой можетъ доставить себѣ прочное здоровье и обогатиться честнымъ образомъ въ кратчайшее время." Собралъ и издалъ П. С. 3 части (М., Университ. тип., 1809—1810. 8°). Эти два сборника, изданные въ такое время, когда, съ одной стороны, была мода на всякія книги, полезныя для домашняго хозяйства и когда интеллигентный народъ, благодаря прикрѣпленію къ землѣ и постоянному житью въ деревняхъ, досуги свои посвящалъ на пропаганду свойскихъ соленій, вареній, наливокъ, съ чѣмъ и дѣлился путемъ печати съ менѣе опытными хозяевами, а съ другой—когда научное вмѣшательство въ домашнія приготовленія „употребительныхъ снѣдей, приправъ и напитковъ" могло почитаться введеніемъ „вольнаго духа" въ приготовленія,—въ это время два сборника Сумарокова, имѣвшіе успѣхъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о своемъ достоинствѣ.

О поэтическихъ произведеніяхъ Сумарокова за время послѣ возвращенія изъ Сибири до смерти мы свѣдѣній не имѣемъ, такъ какъ во всѣхъ просмотрѣнныхъ нами журналахъ за первые 15 лѣтъ настоящаго столѣтія мы его подписи не встрѣтили, не видали ни разу и подходящихъ и сокращенныхъ подписей, какъ обык-

новенно, по обычаю тогдашняго времени, онъ подписывался. Послѣднее изданіе его стихотвореній было сдѣлано въ 1832 году—„Стихотворенія Панкратія Сумарокова“ (Спб., тип. Плюшара. 1832. 8°. XXXII+160 стр.), но это было ужъ 18 лѣтъ спустя послѣ его смерти: Панкратій Платоновичъ Сумароковъ умеръ 1 марта 1814 года. Изданіе это сдѣлано сыномъ покойнаго, сообщившимъ здѣсь же впервые и біографическія свѣдѣнія объ отцѣ.

О Сумароковѣ см. „Стихотворенія Панкр. Сумарокова“. Спб., 1832. 8°, стр. I—XXXII.—„Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“, Н. В. Гербеля. Изд. 3-е. Спб., 1888, 8°, стр. 80—82 (1-е изд. въ 1873 г., 2-е въ 1880 г.).—„Словарь русскихъ писателей средняго періода рус. литературы“. А. В. Арсеньева. Спб., 1887. 16°, стр. 143—144.—„Историч. розысканіе о рус. повремен. изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“, А. Н. Неустроева. Спб., 1874. 8°, стр. 549—550, 746—749 и 867—869.

XI.

В. П. Безобразовъ.

Владиміръ Павловичъ Безобразовъ, академикъ и сенаторъ, извѣстный своими многочисленными солидными учеными трудами, принадлежитъ Владимірской губерніи не только по мѣсту рожденія, но и потому,

что во многихъ его произведеніяхъ изображена жизнь промышленной части губерніи.

Въ метрической книгѣ Воскресенской церкви города Владиміра за 1828 годъ записано: 3 января у управляющаго владимірскою удѣльною конторою подполковника Павла Николаевича Безобразова отъ жены его Елизаветы Павловны (урожденной—Полторацкой) родился сынъ Владиміръ, крещенный въ церкви 14-го числа, причемъ воспріемниками были: губернскій прокуроръ, надворный совѣтникъ и кавалеръ, Александръ Егоровичъ Аверкіевъ и сестра Безобразова, дѣвица Любовь Николаевна.

Родъ Безобразовыхъ—одинъ изъ древнихъ: въ началѣ 15-го вѣка выѣхалъ изъ прусской земли въ Москву Христофоръ, прозваніемъ Безобразъ; онъ, принявшій православную вѣру съ именемъ Михаила, и сталъ родоначальникомъ Безобразовыхъ, бывшихъ боярами въ дмитровскомъ и вяземскомъ уѣздахъ. Отецъ В. П. Безобразова былъ дворянинъ тверской губерніи, гдѣ жили многіе родственники и по матери—Полторацкіе, Бакунины и др.

Первоначальное образованіе Владиміръ Павловичъ получилъ дома, а потомъ отецъ, перешедшій на ту же должность въ Москву, отдалъ его въ Дворянскій институтъ въ Москвѣ; здѣсь Безобразовъ занимался такъ успѣшно, что за отличіе былъ переведенъ въ Александровскій (бывшій Царскосельскій) лицей, въ составъ XV курса, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1842 г. шестымъ, съ чиномъ IX класса и съ 3-ю серебряною медалью—„за благонравіе и успѣхи въ наукахъ“.

Тотчасъ по окончаніи образованія, 17 іюня 1847 г. В. П. Безобразовъ былъ Высочайшимъ приказомъ опредѣленъ на службу въ государственную канцелярію. Отсюда начинается безпрерывная служба Владиміра Павловича въ различныхъ министерствахъ, преимущественно—финансовъ, продолжавшаяся въ теченіи 42 лѣтъ, до самой смерти.

Въ 1849 году Безобразовъ въ первый разъ вступилъ въ министерство финансовъ: 8 ноября онъ былъ переведенъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ этого министерства (нынѣ окладныхъ сборовъ) на должность старшаго помощника столоначальника; черезъ годъ, 23 ноября 1850 года, онъ былъ назначенъ секретаремъ при директорѣ департамента, тоже лицеистѣ 1-го курса, Д. Н. Масловѣ, и въ то же время занимался по дѣлу о введеніи въ 16 привилегированныхъ губерніяхъ вновь установленнаго акцизнаго съ хлѣбнаго вина сбора; въ 1851 г. (29 іюня) В. П. былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры и въ томъ же году былъ дѣлопроизводителемъ совѣщательнаго присутствія изъ четырехъ министровъ по земскимъ повинностямъ и началъ участвовать (1851—1855) въ коммиссіи по питейному откупу.

5 сентября 1852 г. В. П. Безобразовъ женился на дочери директора, Елизаветѣ Дмитріевнѣ Масловой (1834+1881), извѣстной послѣ писательницѣ, работавшей преимущественно въ заграничныхъ изданіяхъ подъ псевдонимами. Вскорѣ послѣ женитьбы В. П. былъ назначенъ и. д. начальника отдѣленія (15 но-

53

ября), а черезъ годъ (21 октября 1852 года) произведенъ въ надворные совѣтники.

Въ 1854 г. Безобразовъ оставилъ службу въ министерствѣ финансовъ (25 апрѣля) и перешелъ (16 мая) въ министерство государственныхъ имуществъ, гдѣ черезъ годъ (15 мая 1855 г.) былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника отдѣленія канцеляріи этого министерства. Къ этому времени относятся и первые литературные труды Владиміра Павловича: то были на первыхъ порахъ мелкія статистическія статейки въ „Журналѣ Министерства Внутр. Дѣлъ“ (за 1854 г.) и рецензіи и замѣтки — въ томъ же журналѣ (1855 г.) и въ „Журн. Министерства Госуд. Имуществъ“ (см., напр., 1855 г., ч. 57-ю); въ слѣдующемъ, 1856 году, начали появляться въ печати болѣе солидныя работы Безобразова, — такъ, въ „Журн. Министерства Государств. Имущ.“ (1856 г.) онъ помѣстилъ — „Движимый кредитъ“ (№ 4, отд. II, стр. 85—100), „Отчетъ Общества движимаго кредита во Франціи за 1855 г.“ (№ 6, отд. II, стр. 323—332), „Поземельный кредитъ“. Разборъ соч. А. Чайковскаго (№№ 7 и 9), „Земледѣльческая часть всемірной выставки въ Парижѣ въ 1855 г.“ (№ 2), „Обозрѣніе хозяйственныхъ событій за границей (тамъ же) и нѣсколько рецензій; въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1856 г. имъ напечатаны: „Замѣтки по поводу статьи Гр. Бланка — „Русскій помѣщичій крестьянинъ“ (августъ, кн. 2 (№ 16), соврем. лѣтоп., стр. 246—259) и „Биржевыя операціи“ (№№ 17 и 18, сентябрь кн. 1 и 2, стр. 39—76 и 179—208. Издано было и отдѣл:

М., тип. Волкова и Комп., 1856. 8°. 80+1 нен. стр.) и „О промышленныхъ предпріятіяхъ“ (№ 6, мартъ, кн. 2), а также въ „Библіотекѣ для чтенія“ (№ 5, отд. 3, стр. 1—32) „О государственномъ налогѣ, его основаніяхъ, главныхъ видахъ и экономическихъ послѣдствіяхъ“. Съ 1857 г. подъ редакціей Безобразова началъ выходить „Вѣстникъ Императорскаго Рус. Геогр. Общества“ (части 19—21), гдѣ онъ помѣстилъ свое „Обозрѣніе украинскихъ ярмарокъ (по изслѣдованіямъ И.С. Аксакова)“ (ч. 19, кн 2, отд. 2, стр. 227—242), и въ то же время продолжалъ сотрудничать въ „Рус. Вѣстникѣ“: „Благотворительность и общественная экономія“ (№ 2, январь, кн. 2, стр. 397—434); „Физіологія общества“ (№ 11, іюнь, кн. 1, стр. 281—316); „Матеріалы для физіологіи общества“ (№ 20, октябрь, кн. 2, стр. 657—720, и № 23. декабрь, кн. 1, стр. 493—538). Окончаніемъ этихъ статей объ обществѣ была помѣщенная уже въ 1858 году въ томъ же журналѣ статья—„Матеріалы для науки объ обществѣ въ Германіи“ (№ 6, мартъ, кн. 3, стр. 218—271); тогда же все это было издано и отд.: „Матеріалы для физіологіи общества въ Германіи“. М., тип. Каткова, 1858. 8°. 2 нен.+162 стр.—Къ 1857 г. относятся и двѣ статьи Безобразова, помѣщенныя въ „Экономич. Указателѣ“ по поводу книги Гав. Каменскаго—„Новый опытъ о богатствѣ народномъ“.

27 іюня 1856 года Владиміръ Павловичъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники; въ началѣ 1857 г. (6 января) онъ уволился отъ должности на-

64

чальника отдѣленія и былъ причисленъ къ министерству государственныхъ имуществъ; въ слѣдующемъ, 1858, году Безобразову поручена была редакція журнала этого министерства, а также и редакція „Сборника статистич. свѣдѣній о Россіи, изд. Статистич. Отд. Импер. Географ. Общества“ (именно кн. 3-я); подъ его же редакціей выходилъ въ 1858 г. и „Вѣстникъ И. Р. Геогр. Общ.“ (ч. 22—24). Кромѣ уже указанныхъ нами трудовъ, въ 1858 г. В. П. Безобразовъ еще напечаталъ: „Отчетъ Импер. Рус. Географ. Общества за 1857 г.“, имъ же составленный („Вѣсти Геогр. Общест.“, № 1, отд. 1, стр. 1—121); „Благотворительность и общественная экономія въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ. Отвѣтъ Порошину“. („Рус. Вѣсти.“ № 2, январь, кн. 2, стр. 89—106); „Поземельный кредитъ въ Польшѣ и во Франціи“ („Сельск. Благоустройство“, кн. 1, № 3, въ приложеніи, стр. 32—54); „Матеріалы для физіологіи общества. Г. магистръ законовѣдѣнія Николай Безобразовъ защищавшій сочиненіе свое: „Объ усовершеніи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства“ („Рус. Вѣст.“, № 13, іюль, кн. 1, совр. лѣтоп., стр. 27—34); „Письмо къ С. Т. Аксакову по поводу крестьянскаго вопроса“ (тамъ же, № 16, августъ кн. 2-я, соврем. лѣтоп., стр. 305—324) и „О сословныхъ интересахъ. Мысли и замѣтки по поводу крестьянскаго вопроса“ (тамъ же, № 17, сентябрь, кн. 1, стр. 76—102).

Зарекомендовавъ себя солидными учеными работами, которыя могли бы занять почетное мѣсто въ любой

литературѣ. Владиміръ Павловичъ Безобразовъ, продолжая редактировать „Жури. Мин. Госуд. Имущ.“, въ 1859 г. назначенъ былъ въ Высочайше учрежденную при министерствѣ финансовъ коммиссію по вопросу о земскихъ банкахъ и объ улучшеніи системъ податей и сборовъ. И, какъ всегда предпринимавшій ученые труды съ практическою цѣлью, онъ тогда же приступилъ къ работѣ, имѣющей тѣсную связь съ устройствомъ земскихъ банковъ—„Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ“—напечатанной въ „Современникѣ“ 1859 г., въ I отдѣлѣ (№ 2, стр. 377—439; № 6, стр. 249—274; № 8, стр. 281—314; № 10, стр. 401—472, и № 12, стр. 515—532), которая въ 1860 г. вышла и отдѣльной книгой („съ приложеніемъ уставовъ ипотечныхъ кредитныхъ учрежденій въ Германіи, Царствѣ Польскомъ и Остзейскомъ краѣ“. Спб., тип. В. Безобразова, 1860. 8°. 5 нен., 212, 29, 13, 60, 3 нен., 94, 2 нен., 2 нен., 22, 11 стр., 1 листъ приложеній, 19, 82, 4, 45, 27, 22 стр. и 1 листъ приложеній); въ 1861 году изданіе было повторено (Спб., 8°. 4 нен. и 212 стр.). Въ томъ же 1859 г. В. П. напечаталъ и другое обширное сочиненіе—„Аристократія и интересы дворянства. Мысли и замѣтки по поводу крестьянскаго вопроса“ („Рус. Вѣст.“ 1859, № 1, янв. кн. 1, стр. 68—117; № 11, іюнь, кн. 1, стр. 357—405; № 17, сент. кн. 1, стр. 5—51, и № 21, нояб. кн. 1, стр. 7—34), которое послѣ вошло въ сборникъ „Государство и Общество“. Спб., 1882 г.

65

Съ 1860 г. начинается иная жизнь для Владиміра Павловича 3 апрѣля переведенный въ число чиновниковъ для усиленія петербургской провіантской дистанціи. а 22 апрѣля назначенный чиновникомъ особыхъ порученій министерства финансовъ, съ оставленіемъ въ провіантскомъ вѣдомствѣ военнаго министерства, Безобразовъ 24 мая того же 1860 года былъ въ первый разъ командированъ въ разныя губерніи для собиранія свѣдѣній о видахъ и намѣреніяхъ землевладѣльцевъ относительно учрежденія земскихъ банковъ и о состояніи финансовыхъ оборотовъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Послѣ этой командировки, давшей Владиміру Павловичу возможность внимательно изучать русскій бытъ и особенности нашего экономическаго строя, эти командировки въ Россію и за-границу по предметамъ финансоваго управленія продолжались до самой смерти Безобразова. Такъ, 3 іюня 1861 г. онъ командированъ былъ въ разныя губерніи для изученія вопроса объ учрежденіи на новыхъ основаніяхъ должностей губернскихъ механиковъ; 15 мая 1862 г.—для собиранія статистическихъ свѣдѣній о промышленности и торговлѣ; 14 апрѣля 1864 г. на нижегородскую ярмарку и сельскохозяйственную выставку въ Москвѣ для собиранія статистическихъ и экономическихъ свѣдѣній о промышленности и торговлѣ; 22 мая 1865 г.—на четыре мѣсяца за-границу для ближайшаго изученія образа дѣйствія акціонерныхъ поземельныхъ банковъ; 30 мая 1867 г.—для хозяйственнаго обозрѣнія уральскаго казеннаго горнаго промысла; 7 іюня 1868 г.—

за-границу для ближайшаго изслѣдованія на мѣстахъ вопросовъ, касающихся изготовленія предметовъ для государственной обороны; 1 іюня 1869 г. въ центральныя губерніи для посѣщенія русскихъ центровъ мануфактурной промышленности; 10 іюня 1879 г.— на нижегородскую ярмарку и въ центральныя губерніи для собранія свѣдѣній о положеніи фабричнаго и заводскаго производства и торговли; 14 іюня 1880—въ тѣ же губерніи для окончанія собранія означенныхъ свѣдѣній; 15 мая 1881 г.—въ разныя губерніи для собранія вышеозначенныхъ свѣдѣній; наконецъ, 7 іюня 1882 г.—въ Москву на Всероссійско-промышленно-художественную выставку для составленія корреспонденцій о выставкѣ и для собранія свѣдѣній, необходимыхъ при изготовленіи отчета. Таковъ оффиціальный перечень командировокъ, которыя имѣютъ перерывъ на 10 лѣтъ въ 70-хъ годахъ, когда В. П. Безобразовъ состоялъ профессоромъ Императорскаго Александровскаго лицея; но и въ этотъ промежутокъ онъ имѣлъ одну командировку, съ 4 іюня 1875 г., за-границу, на четыре мѣсяца—съ цѣлью ознакомленія съ состояніемъ главнѣйшихъ иностранныхъ университетовъ.

Во время своихъ многочисленныхъ поѣздокъ въ московскую, ярославскую, владимірскую, костромскую, тульскую, рязанскую (въ 1861 г.), курскую, харьковскую, полтавскую и нижегородскую (въ 1862 г.) губерніи, а также на Коренную, Ильинскую и Макарьевскую ярмарки (въ 1862 г.), на Уралъ и по рр. Камѣ и Уралу (въ послѣдній разъ Безобразовъ

объѣзжалъ Владимірскую губернію въ 1886 г.,—нѣкоторыя письма его изъ этой поѣздки перепечатаны были во „Владимір. Губерн. Вѣдомостяхъ“ изъ „Рус. Вѣдом.“,—см., напр.. №№ 40 и 41—„Гусь“),—Владиміръ Павловичъ. исполняя оффиціальныя порученія, въ тоже время, благодаря своей общительности, простотѣ, веселости и симпатичному обращенію, имѣлъ возможность· узнавать всю „подноготную“ мѣстнаго житья—бытья, и потому всѣ его корреспонденціи, письма, отчеты и т. п. объ этихъ поѣздкахъ должны представлять богатый матеріалъ для всесторонней обрисовки большей половины обширной Россіи.

Частыя поѣздки не отвлекали В. П. Безобразова отъ литературныхъ занятій, а—напротивъ—давали ему нужный матеріалъ. Такъ, въ 1860 г. онъ въ газетѣ „Наше время“ напечаталъ „Письма съ дороги“ (№№ 28—32), въ которыхъ находятся замѣтки о городахъ Муромѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ, Рязани, Тулѣ и Калугѣ, и въ томъ же году было помѣщено въ „Рус Вѣсти.“ „Извлеченіе изъ отчета В. П. Безобразова министру финансовъ“ (№ 22. ноябрь, кн. 2-ая. соврем. лѣтоп., стр. 131—147, о земскихъ банкахъ). Самый „Отчетъ о дѣйствіяхъ коммиссіи, Высочайше утвержденной 10 іюля 1859 г. для устройства земскихъ банковъ, представленный г. министру финансовъ 28 ноября 1861 г. членомъ—управляющимъ дѣлами коммиссіи В. П. Безобразовымъ“ вышелъ въ 1861 г. (Спб., 1861, 8°. 195 и 2 нен. стр.). когда было выпущено и другое изданіе: „Изданіе Коммиссіи для земскихъ банковъ. Отчетъ о дѣй-

ствіяхъ Коммиссіи. Высочайше утвержденной для устройства земскихъ банковъ" В. П. Безобразова. (Спб., тип. В. Безобразова, 1861. 8°. 198 стр.). Въ связи съ этими изданіями находятся и слѣдующія статьи Владиміра Павловича: „Объ устройствѣ земскихъ банковъ въ Россіи" („Соврем. Лѣтоп. Рус. Вѣстника", 1861, №№ 24 и 25), „Отвѣтъ на замѣтку г. Бабкина о земскихъ банкахъ" (тамъ же, №№ 42 и 43) и „Объ устройствѣ поземельнаго кредита въ Имперіи" („Экономич. Указат." 1861, № 262, вып. 54). Статья объ устройствѣ банковъ была перепечатана въ „Вѣкѣ" (№№ 32 и 33) и „Воронеж. Губ. Вѣд." (№№ 37 и 38); статья въ „Экон. Указ." представляетъ выдержку изъ записки Безобразова, отпечатанной тогда же въ небольшомъ числѣ экземпляровъ (8°). О земскихъ банкахъ В. П. Безобразовъ и раньше представлялъ отчеты министру,—такъ извѣстенъ „Отчетъ..... представленный... 13 сентября 1860 г. Изданіе коммиссіи" (безъ года, 8°); были изданія и послѣ,—напр. въ 1871 г. (Спб., 8°). Вообще, этотъ вопросъ сильно интересовалъ Владиміра Павловича, по поводу его онъ представилъ въ разное время много проектовъ, а въ 1862 году даже вышелъ переводъ книги Курсель—Сенеля—„Банки, ихъ устройство, операціи и управленіе". Переводъ съ 3-го изданія подъ редакціею, съ предисловіемъ и дополненіями, относящимися къ Россіи, В. П. Безобразова. (Спб., изд. тип. Безобразова, 1862. 8°. 2 нен., XXXIII, IV, 721 и VI стр.). Въ 1861 г. Безобразовъ много сотрудничалъ въ журналѣ „Вѣкъ", гдѣ помѣстилъ:

„Некрологъ Ганки“ (№ 2), „Дорожныя воспоминанія“ (№№ 10 и 12). „Манифестъ 19 февраля“. (№ 11), „О выкупѣ крестьянскихъ земель“ (№ 33), „О значеніи и важности общественно-физіологическихъ изслѣдованій въ Россіи“; въ этомъ же журналѣ были напечатаны „Изъ деревни. Письма въ редакцію журнала „Вѣкъ“, вышедшія тогда же и отдѣльно: — Спб., 1861., тип. Безобразова и Комп., 8°. 67 стр. (Экономическія разсужденія о крестьянскомъ вопросѣ). Въ „Рус. Вѣстн. было напечатано „Изъ путевыхъ записокъ“ (1861 г. № 7, стр. 265 – 308). Подъ редакціею Безобразова въ томъ же году вышелъ переводъ книги Бруно Гильдебрандта — „Историческое обозрѣніе политико-экономическихъ системъ“ (Спб., 1861. 12°. 2 нен., IV и 209 стр.)

Необходимо отмѣтить, что статья Безобразова въ „Рус. Вѣстн.“ („Изъ путевыхъ записокъ“) касается быта промышленной части Владимірской губерніи и сообщаетъ много любопытнаго о состояніи трехъ главнѣйшихъ въ этомъ краю вѣтвей промышленности: ткацкой, иконописной и болѣе всего разносчьей (офени), отличающихся самобытностію и совершенно исключительными особенностями.

Въ 1862 г. появились въ печати слѣдующія статьи Безобразова: „Мировыя учрежденія“ („Рус. Вѣстн.“, № 4, стр. 549–580), „Проектъ общаго земельнаго банка“ („Совр. Лѣтопись“, № 6), „Письма изъ разныхъ городовъ: Полтавы, Курска, Дмитровскаго уѣзда“ (тамъ же, №№: 24, 26, 33 и 36) и „Къ вопросу о кредитѣ“ („Наше Время“, № 233). Съ 1863 г. Вла-

димiръ Павловичъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ газетѣ „Голосъ“, гдѣ помѣстилъ много передовыхъ статей по финансовымъ и другимъ вопросамъ (см., напр., 1863 г. №№ 14, 81, 93, 94, 99, 109, 120, 293, 298, 300, 303, 311, 316, 330, 339; 1864 г. №№ 2, 23, 31 и др.), а также статьи, подписанныя буквой Θ, подъ заглавіемъ „Экономическіе вопросы“ (1863 г., №№ 67, 83, 88, 98, 111, 113, 119, 128, 158, 177, 198, 211, 213, 214, 276); кромѣ того, тамъ же имъ напечатаны: „Нѣсколько словъ въ воспоминаніе объ А. В. Дружининѣ“ (1864, № 33), „Проекты улучшенія нашего денежнаго обращенія“ (1864, №№ 86, 87, 120, 121, 134, 135) и „Объ отвѣтѣ г. Бунге“ (1864, № 209). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Безобразовъ продолжалъ сотрудничать и въ другихъ изданіяхъ, – такъ, въ „Современ. Лѣтописи“ имъ были напечатаны: „Губернскіе проекты земскихъ банковъ“ (1863, №№ 5 и 6), „Къ вопросу о земскихъ банкахъ“ (№ 8), „Изъ деревни. Письма“ (№№ 22, 26, 28, 31, 35 и 38), рецензія на книгу Ѳ. Тернера — „Краткое руковод. къ изуч. политич. экономіи“, за подписью В. Б. (№ 27), „Фактъ изъ нынѣшней дѣятельности мировыхъ учрежденій“ и „О волжско-донской желѣзной дорогѣ“ (1864, № 28), „Будущность села Иванова“ (1865, № 17), „Письма изъ-за границы“ (1865, №№ 24, 25, 28, 31), „Бернскій международный конгрессъ“ (№ 34), „Курьезы современной русской литературы“ (№ 45), „Финансовыя письма“ (1866, № 40), „Курьезы нашей экономической литературы“ (1867, № 16), „Шуйско-Ивановская же-

6 8

лѣзная дорога" (№ 17 и „Моск. Вѣд." 1867 г. № 66), „Съ дороги" („Совр. Лѣт." 1867, №№ 26, 28, 37, 38. 41, 43 и 48), „Изъ Гейдельберга" (1868, № 28). Въ „Днѣ" 1863 г. онъ напечаталъ статью „О русской эмиграціи" (№№ 29 и др.); въ томъ же 1863 г. вышелъ „Отчетъ о дѣйствіяхъ Имп. Рус. Географич. Общества за 1862 годъ", составленный В. П. Безобразовымъ (Спб., тип. его-же, 1863. 8°. 79, 33. 50 и 54 стр.), гдѣ онъ помѣстилъ и некрологъ Я. В. Ханыкова. Подобные отчеты составлялись Владиміромъ Павловичемъ и печатались также за 1863 г. (Спб., 1864. 8°. II. 211 и 146 стр.) и за 1864 г. (Спб., 1865 г. 8°. 133, 2 неп., 110 стр.). Наконецъ, въ томъ же 1863 г. В. П. помѣстилъ въ „Рус. Вѣстн." (№ 1, стр. 155—203; № 5, стр. 362—384; № 6, стр. 637—681; № 11, стр. 376—416, и № 12, стр. 748—794) большое сочиненіе—„О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи въ связи съ промышленностью, торговлею и кредитомъ", которое тогда же было издано и отдѣльно (М. Унив. тип., 1863. 8°. 91 стр.), и въ „Трудахъ коммиссіи для пересмотра системы податей" (т. XI. Спб. 1863 г.)—„Соображенія по вопросу о шоссейномъ сборѣ" (149 стр.), гдѣ почтенный финансистъ вооружается теоріей и указываетъ, что сборъ шоссейный относится къ спеціальнымъ сборамъ за услуги государства, и приходитъ къ выводу объ улучшеніи этого сбора.

Въ 1864 г. В. П. Безобразовъ напечаталъ „Изъ путевыхъ записокъ", отъ Москвы до Курска („Рус.

Вѣсти.", № 6. стр. 606—666). „Село Иваново" Шуйскаго уѣзда). Общественно-физіологическій очеркъ. Посвящается Н. Я. Данилевскому) („Отеч. Зап." 1864, № 1. отд. 1, стр. 266—304) и „Предварительный краткій отчетъ о путешествіи секретаря рус. географич. Общества, В. П. Безобразова" („Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ." 1864, № 4 и „Бирж. Вѣдом." 1864, №№ 325, 328 и 332). Къ 1865 г. относятся слѣдующіе труды: „Очерки Нижегородской ярмарки" („Рус. Вѣсти." 1865. № 4, стр. 714—745; № 5. стр. 109—171, и № 7. стр. 172—204, тогда же издан. и отдѣльно: М., Унив. тип. 8°. 1865 г. 98 стр.), „Швейцарія" (тамъ же, № 10, стр. 495—518) и „Некрологъ А. Ф. Штакельберга" („Изв. Геогр. Общ.", т. 1, № 5, стр. 77—81: перепечатано въ „Моск. Вѣдом." 1865, № 66 и „Сѣвер. Почта" 1865 г., № 100). Въ 1866—68 гг. В. П. Безобразовъ принималъ дѣятельное участіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", гдѣ помѣстилъ много передовыхъ статей по экономическимъ и др. вопросамъ (см., напр., за 1866 г. 25 янв., 12 марта, за 1868 г.—4 янв., 29 февр., 11 апр., 8 и 12 іюня, 6 и 31 іюля, 4 и 22 окт., № 235, 24 ноября), а также—„Экономическіе курьезы" (1866 г., 7 мая), „Предположенія относительно устройства банковыхъ операцій для покупки земель въ западномъ краѣ" (1866, № 108) и др. За тоже время онъ еще напечаталъ: „Мысли по поводу мировой судебной власти" („Рус. Вѣсти." 1866, № 10, стр. 369—430; вышло тогда же и отд.: М., Унив. тип., 1866, 8°. 66 стр.), „Матеріалы по актовымъ налогамъ".

Спб., тип. Безобразова, 1866. 8°. XI и 141 стр. (это ч. 3-я VI тома „Трудовъ Коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ"), „О вліяніи экономической науки на государственную жизнь въ современной Европѣ". Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря 1866 г. (см. „Торж. Собр. Ак. Наукъ", 29 дек. 1866 г. Спб. 1867. 4°., стр. 59—131: издано и отд.: Спб., тип. Акад. Наукъ, 1867. 4°. 71 стр. Напечатано было и по-французски): „Государственные доходы Актовые налоги" („Рус. Вѣсти.", 1868. № 7, стр. 5—23): эта статья, составляющая начало труда, вошла въ 1-й выпускъ изслѣдованія, вышедшаго въ томъ же году отдѣльной книгой: „Государственные доходы. Теоретическія и практическія изслѣдованія. I. Актовые налоги". Спб., 1868. 8° (прежде было напечатано по-французски въ „Мемуарахъ Академіи Наукъ". Спб., 1867 г.): II вып. составляетъ: „Государственные доходы Россіи, ихъ классификація, нынѣшнее состояніе и движеніе, 1866—72 гг." (Спб., тип. Безобразова. 1872. 8°. 214 и II стр. (помѣщено также въ трудахъ податной коммиссіи, переведено на франц. языкъ и составляетъ 7-й вып. серіи II „Статистич. Временника Росс. Имперіи"); этотъ выпускъ вызвалъ рецензію Колюпанова, на которую Безобразовъ отвѣчалъ въ „Русс. Вѣстникѣ" 1872, № 8, стр. 890—899, и 1873 г. № 1, стр. 471—489. Отмѣтимъ здѣсь же и слѣдующія двѣ работы Владиміра Павловича: „Финансовыя таблицы" (Мѣсяц. Акад. Наукъ на 1868 г., стр. 154—

164, и на 1869 г., стр. 191—215) и „Уральское горное хозяйство и вопросъ о продажѣ казенныхъ заводовъ“ („Рус. Вѣстн.“ 1868 г., № 8. стр. 301—324). Это—частица обширнаго труда, вышедшаго въ 1869 г. (Спб., 8°. 2 части. тип. Безобразова. VIII, 373 и 253 стр., 1 карта и 6 табл.) отдѣльно. Для уясненія вопроса о передачѣ казенныхъ горныхъ заводовъ въ частныя руки, податная коммиссія поручила В. П. Безобразову изслѣдовать на мѣстѣ положеніе уральскихъ заводовъ. В. П. во второй половинѣ 1867 г. и произвелъ всестороннее экономическое изслѣдованіе Урала и наблюденія свои изложилъ въ обширномъ трудѣ. представляющемъ одну изъ лучшихъ работъ русскаго экономиста. Въ заключительной запискѣ Безобразовъ высказывается за постепенную продажу казенныхъ заводовъ, за ихъ ликвидацію на коммерческихъ основаніяхъ. Разсматриваемое изслѣдованіе составляетъ 5-ю часть XIII тома „Трудовъ коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ“; къ нему В. П. приложилъ „Статистическія таблицы о количествѣ производства, о цѣнахъ на заводскіе матеріалы, работу и провіантъ, и о стоимости издѣлій уральскихъ горныхъ заводовъ“. Къ этому же вопросу В. П. Безобразовъ возвратился въ 1870 г., когда напечаталъ въ „Рус. Вѣстн.“ (1870, № 9, стр. 62—90)—„Финансовые результаты государственнаго горнаго хозяйства“, гдѣ продолжалъ доказывать убыточность для казны отъ заводовъ. Поднятый Безобразовымъ вопросъ вызвалъ въ печати много возраженій, на одно изъ которыхъ В. П. и отвѣчалъ въ „Моск. Вѣдом.“ (1869, № 67).

Служебная карьера Владиміра Павловича въ 60-хъ годахъ значительно подвинулась впередъ: 27 іюня 1860 г. онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники; 22 сентября того же года былъ назначенъ помощникомъ оберъ-провіантмейстера с.-петербургской и псковской губерній; 25 мая 1862 г. его уволили отъ службы по военному министерству и 17 апрѣля 1863 г. произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 6 марта 1864 г. В. П. Безобразовъ былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ, съ оставленіемъ въ должности чиновника для особыхъ порученій. Въ декабрѣ 1864 года Академія Наукъ, по предложенію Ѳ. П. Литке, избрала Безобразова своимъ адъюнктомъ, а чрезъ два года—экстраординарнымъ членомъ академіи, по политической экономіи и статистикѣ: 26 марта 1865 г. за труды по Импер. Рус. Географич. Обществу онъ былъ пожалованъ кавалеромъ Владиміра 3 ст. и въ томъ же году избранъ въ гласные по дмитровскому уѣзду московской губерніи: 10 ноября 1866 года ему былъ пожалованъ орденъ Станислава 1 ст. Въ 1867 г. В. П. Безобразовъ былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ Вознесенскаго посада (нынѣ городъ Иваново-Вознесенскъ); 23 ноября 1868 г. онъ былъ избранъ въ губернскіе гласные московскаго земскаго собранія.

Съ 1869 г. начинается педагогическая дѣятельность Владиміра Павловича: 3 декабря 1868 года онъ приглашенъ былъ для преподаванія въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ финансоваго права и политической экономіи (по 4 лекціи въ недѣлю),

Вступительную лекцію В. П. прочелъ 7 января 1869 г., которая тогда же и была напечатана въ „Современ. Лѣтоп." (1869 г. № 5). Въ слѣдующемъ году, 10 декабря 1870 г. В. П. былъ избранъ преподавателемъ политической экономіи и государственныхъ финансовъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Алексѣю Александровичу и Николаю Константиновичу; въ 1876 г. (18 ноября) приглашенъ онъ былъ преподавать эти же предметы Великому Князю Сергію Александровичу, вмѣстѣ съ которымъ слушалъ лекціи и Великій Князь Константинъ Константиновичъ.

1 января 1871 г. В. П. Безобразову былъ пожалованъ орденъ св. Анны 1 ст.; въ 1873 г. (11 мая) онъ былъ отчисленъ изъ числа чиновниковъ для особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ, съ оставленіемъ членомъ совѣта, а 1 декабря 1874 года произведенъ въ тайные совѣтники. Въ апрѣлѣ 1877 г. В. П. получилъ отъ в. к. Сергія Александровича брилліантовый перстень, а съ декабря 1878 г. онъ оставилъ преподаваніе въ лицеѣ, прослужа, такимъ образомъ, ординарнымъ профессоромъ въ этомъ заведеніи 10 лѣтъ. По отзывамъ принца П. Г. Ольденбургскаго, В. П. Безобразовъ излагалъ съ каѳедры ту строго-научную систему, которая, обнимая всѣ разнообразныя явленія экономической жизни и науки, сама по себѣ составляетъ лучшее противодѣйствіе крайнимъ увлеченіямъ, и вообще Безобразовъ, какъ профессоръ лицея, много содѣйствовалъ къ укорененію между воспитанниками здравыхъ политическихъ идей

вообще, а экономическихъ и финансовыхъ—въ особенности.

Въ бытность профессоромъ, В. П. принималъ участіе въ конференціи, собиравшейся въ Гентѣ, въ Бельгіи, въ августѣ 1873 г. На конференціи обсуждался вопросъ объ учрежденіи международной академіи или института международнаго права,—и здѣсь Безобразовъ занималъ одно изъ почетныхъ мѣстъ. Ученые Германіи, Франціи и Австріи сами пригласили В. П. къ участію въ конференціи и тѣмъ доказали—насколько Безобразовъ пользовался уваженіемъ и извѣстностью въ ученомъ мірѣ запада.

Обязанный службою въ лицеѣ, В. П. Безобразовъ въ этотъ періодъ уже не могъ удѣлять много времени литературнымъ работамъ, число коихъ за это десятилѣтіе поэтому не велико: кромѣ уже указанныхъ нами, онъ напечаталъ: „Наши охранители и наши прогрессисты“ („Рус. Вѣсти.“ 1869, № 10, стр. 389 486); „Хлѣбная торговля въ сѣверо-восточной Россіи“ (въ Камскомъ бассейнѣ и Пріуральскомъ краѣ). Спб., 1870. 8° (это—3-й вып. 2-го тома „Трудовъ экспедиціи, снаряженной Император. Вольн. Экономич. и Рус. Географ. Обществами для изслѣдованія хлѣбной торговли и производ. въ Россіи“); „Письмо къ профессору Вѣнскаго университета, доктору Лоренцу фонъ-Штейну“ („Соврем. Лѣтоп.“, 1870, № 41); „Русская экономическая литература“ (о книгѣ Заблоцкаго-Десятовскаго) („Рус. Вѣсти.“ 1871, № 7, стр. 344—375); „Журналъ „Дѣло“ о податной реформѣ“ („Современность“, 1871,

мартъ. № 39); „Война и революція. Очерки нашего времени“ („Рус. Вѣсти.“, 1872, № 9, стр. 157—202; 1873, № 2, стр. 504—581; № 4. стр. 429—481; № 5. стр. 123—169; № 9. стр. 298—351; 1874 г., № 2, стр. 431—480; № 10, стр. 447—502; № 11, стр. 29—76. и 1875 г., № 3, стр. 5—35; часть этихъ очерковъ въ 1873 году была издана отдѣльно: М. 1873. 8°): „Земскія учрежденія и самоуправленіе“ („Рус. Вѣсти., 1874, № 4, стр. 524—573; издано было тогда же и отд.: М., 1874 г. 8°; переведено на нѣмецкій языкъ въ 1879 г.); „Интернаціональный институтъ международнаго права въ Гентѣ“ „Журн. Мин. Народ. Просв.“ 1874 г., № 4. и отдѣльно: Спб., 1874. 8°): „На могилу гр. А. К. Толстого“ („Голосъ“. 1875, № 275); „Объ условіяхъ поступленія на государственную службу въ европейскихъ государствахъ“ (Журн. Министр. Нар. Просв.“ 1876, № 2): „L'institut de droit international de 1873—76“ („Bulletin“ Акад. Наукъ, т. 22. и отдѣльно) и рецензія представленной на соисканіе уваровской преміи книги проф. Брикнера о Посошковѣ (въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1877, № 12, стр. 81—83 (кратко) и полностію въ „Приложен. къ 33 тому Записокъ Акад. Наукъ“ 1878 г., стр. 755—763).

Кромѣ указаннаго необходимо еще отмѣтить слѣдующее: въ 70-хъ годахъ В. П. Безобразовъ писалъ нѣсколько лѣтъ, по 2 раза въ недѣлю, передовыя статьи по иностранной политикѣ въ „Голосѣ“, въ 1874 г.—помѣстилъ цѣлый рядъ передовыхъ статей по тому же предмету въ „Новомъ Времени“ изд.

Трубникова, съ 1874 же года сталъ издавать общеизвѣстный „Сборникъ государственныхъ знаній“ (издано 8 томовъ: 1—въ 1874 г., 2—въ 1875, 3 и 4—въ 1877, 5 и 6—въ 1878, 7—въ 1879 и 8—въ 1880 году.—всѣ въ Спб., въ каждомъ около 600 стр.), въ которомъ принимали участіе своими трудами лучшія силы университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній; самъ редакторъ писалъ въ каждомъ томѣ обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія, иногда еще рецензіи, а въ 7-мъ томѣ помѣстилъ статью—рѣчь „О значеніи науки для образованія должностныхъ лицъ въ государственномъ управленіи“, которая тогда же была издана и отдѣльно (Спб., 1879. 8°). Наконецъ, въ 1879 г. вышли литографированныя записки—„Курсъ Государственныхъ Финансовъ“, читан. въ Имп. Алекс. Лицеѣ 1877—78 гг. (Спб., 1879. 4°. 350 стр.).

Оставивъ профессуру, В. П. Безобразовъ опять обратился въ ученаго туриста. Мы уже перечислили всѣ командировки его, а теперь скажемъ о служебномъ его поприщѣ. 1 января 1879 г. онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 2 ст. и съ этого же времени ему дали прибавочное жалованье въ 3 тысячи руб.,—всего по министерству финансовъ онъ получалъ 6 тысячъ. Въ октябрѣ 1880 г. онъ былъ избранъ въ губернскіе московскіе гласные, 1 января 1882 г. ему пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла. 1 января 1885 г. В. П. назначенъ былъ сенаторомъ и присутствовалъ въ департаментѣ герольдіи и, наконецъ, 1 января 1889 г. онъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго. Этимъ

и закончилась служебная карьера Безобразова, такъ какъ въ томъ же 1889 г. онъ скончался

Литературная дѣятельность Владиміра Павловича за послѣдніе годы выразилась въ слѣдующемъ: въ 1881 г. онъ напечаталъ „Новый матеріалъ для біографіи Пушкина. Письмо къ Я. К. Гроту“ („Рус. Мысль“, № 2); въ 1882 г. тамъ же (№ 5) „Село Лысково и городъ Макарьевъ. Изъ путевыхъ воспоминаній“; въ томъ же 1882 г. онъ издалъ сборникъ прежнихъ своихъ статей, подъ заглавіемъ „Государство и Общество“ (Спб., 1882. 8°. 737 стр.), а также 1-ю часть изслѣдованія—„Народное хозяйство Россіи. Московская (центральная) промышленная область“ (Спб., 8°. 315 и 299 стр.); 2-я часть вышла въ 1885 г. (Спб., 8°. 384 и 459 стр.); французскій переводъ появился въ 1886 г.—Съ 1883 г. начало выходить многотомное изданіе—„Отчетъ о Всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 г. въ Москвѣ“ подъ редакціей Безобразова (Спб.. 1883—1884 гг.. 6 томовъ). при чемъ послѣдній томъ—общій обзоръ выставки—написанъ Владиміромъ Павловичемъ. Въ 1883 же году В. П. напечаталъ—„Семеновскій уѣздъ Нижегородской губерніи и раскольничій міръ. Изъ путевыхъ воспоминаній“ („Рус. Мысль“, 1883. № 11), въ 1884 г.—„Село Павлово и кустарная промышленность“ („Наблюдатель“, 1884, №№ 4 и 5). въ 1885 г.—„Край отхожихъ промысловъ. Изъ путевихъ воспоминаній“ („Новь“, 1885, 15 марта, т. III. № 10. стр. 265—275, и 1 апрѣля, № 11, стр. 375—383). Редак-

73

ція „Нови“ заявила, что съ № 12 (т. III. 1885 г.) вводится политическое обозрѣніе; веденіе политическаго отдѣла принялъ на себя академикъ В. П. Безобразовъ: имъ написаны въ т. III: № 12, стр. 636—644: въ т. IV: № 13, стр. 98—104; № 14. стр. 250—257: № 15, стр. 398... и т. д. Политическое обозрѣніе велось безпрерывно изъ мѣсяца въ мѣсяцъ до іюля 1886 г. Часть этихъ обзоровъ В. П. въ 1886 г. издалъ отдѣльно подъ заглавіемъ — „Очерки политической и общественной жизни за 1885 годъ“ (Спб., 1886. 8°. 142 стр.). Кромѣ того, въ „Нови“ онъ помѣстилъ еще одну маленькую статейку — „На могилу К. Д. Кавелина“ (1885, т. IV. № 14, стр. 248—249). Въ 1886 г. въ „Наблюдателѣ“ (№ 5, стр. 285—303) была напечатана статья Безобразова — „Василій Никитичъ Татищевъ. Очеркъ его дѣятельности по горной части“. Это, несомнѣнно, отрывокъ изъ приготовленной рѣчи, которую В. П. произнесъ въ академіи наукъ и которая была напечатана въ 55 т. „Записокъ“ Академіи (и оттуда отдѣльно: Спб., 1887. 8°) „Василій Никитичъ Татищевъ“. Отмѣтимъ, кстати, и другое академическое сочиненіе Безобразова: „Графъ Ѳедоръ Петровичъ Литке“. (Часть I. „Записки“ Академіи Наукъ. т. 57, и отд.: Спб., 1888. 8°). Съ 1888 г. Безобразовъ началъ вести въ „Наблюдателѣ“ отдѣлъ публицистики, подъ заглавіемъ — „Вопросы дня“ (1888 г., № 2, стр. 297—306; № 3. стр. 362—371; № 4, стр. 291—300; № 11. стр. 322—333; 1889 г., № 1, стр. 391—399; № 3. стр. 326—

342; № 4, стр. 317—331, и № 5, стр. 335—347); въ послѣдней статьѣ онъ говорилъ объ юбилеѣ французской революціи. Въ 80-хъ годахъ В. П. много сотрудничалъ въ „Рус. Вѣдом." (см. напр., „Дорожныя письма", 1886 г., №№ 210, 227, 240, 274, 291, 311, 345 и 347; „Ближайшіе земскіе выборы". 1889, № 163) и въ „Новостяхъ". (напр., „Два теченія" 1889, № 360; „Памяти М. Е. Салтыкова" 1889, № 134; „Съ пути" 1889, №№ 186 и 194); писалъ онъ и въ другихъ изданіяхъ,—такъ „Вопросъ о нормальныхъ столовыхъ" помѣщенъ въ „Листкѣ Норм. Стол." 1889, № 1. Вообще надо сказать, что газетная дѣятельность Безобразова трудно поддается регистраціи, такъ какъ онъ часто помѣщалъ статьи либо безъ подписи, либо только подъ иниціалами. Многіе труды В. П., какъ доклады и записки оффиціальнаго характера, хотя и были напечатаны, но не дѣлались достояніемъ публики; такъ, въ 1889 г. былъ изданъ интересный его отчетъ о фабричной инспекціи, къ которой, къ слову сказать, Безобразовъ относился неправильно, умаляя благотворное ея значеніе, засвидѣтельствованное опытомъ запада и нашимъ собственнымъ.

Владиміръ Павловичъ Безобразовъ скончался 29 августа 1889 г. въ своемъ имѣніи, въ дмитровскомъ уѣздѣ, московской губерніи. Въ половинѣ лѣта онъ уѣхалъ туда изъ Петербурга. Тамъ ему сдѣлали легкую операцію—вырѣзали мозоль на ногѣ. Но операція вышла не совсѣмъ удачная: скоро В. П. почувствовалъ боли въ ногѣ... Вскорѣ оказалось, что у него открылась ган-

грена; болѣзнь быстро прогрессировала, больнаго перевезли въ г. Дмитровъ. куда пригласили нѣсколько врачей, но всѣ усилія ихъ оказались тщетными...

Видный общественный дѣятель, политико-экономистъ и публицистъ, одинъ изъ весьма просвѣщенныхъ, остроумнѣйшихъ передовыхъ людей нашего времени, В. П. Безобразовъ пользовался въ Петербургѣ огромной популярностью. какъ ораторъ и душа такъ называемыхъ „экономическихъ обѣдовъ", инициатива и организація которыхъ всецѣло принадлежитъ Владиміру Павловичу. Разъ въ мѣсяцъ собирались въ одномъ изъ ресторановъ Петербурга экономисты, государственные дѣятели—не рѣдко министры и ихъ товарищи—и представители финансоваго міра. Какъ во время обѣда. такъ и послѣ него происходили оживленные дебаты на тему, заранѣе объявленную... и застольная бесѣда превращалась въ серьезное совѣщательное учрежденіе по вопросамъ русской финансовой политики.

Изъѣздивъ вдоль и поперекъ почти всю Россію, В. П. достаточно подробно изучилъ народный бытъ, разныя стороны народнаго хозяйства и отечественной промышленности и торговли. и считался большимъ знатокомъ экономической жизни Россіи. слылъ опытнымъ финансистомъ. Горячо сочувствуя государственнымъ реформамъ, будучи ихъ убѣжденнымъ сторонникомъ, онъ съ самаго конца 50-хъ годовъ. какъ только повѣяло духомъ обновленія въ нашей государственной и общественной жизни, сталъ на стражѣ интересовъ этой жизни и до конца дней не переставалъ имъ служить своимъ талантливымъ перомъ и

живымъ словомъ родной странѣ. Масса статей по политической экономіи, по разнымъ научнымъ и общественнымъ вопросамъ, весьма краснорѣчиво говоритъ о громадной начитанности, удивительномъ трудолюбіи и большой чуткости этого почтеннаго дѣятеля. По словамъ С. А. Венгерова, это былъ человѣкъ чрезвычайной рабочей способности и необыкновеннаго трудолюбія. Онъ всегда стоялъ за земское самоуправленіе, за независимый судъ, за свободу печати.

Что касается личныхъ качествъ Владиміра Павловича, то, говоритъ Венгеровъ, всѣ, когда-нибудь приходившіе въ соприкосновеніе съ покойнымъ, могутъ засвидѣтельствовать, что это былъ человѣкъ въ высшей степени милый и симпатичный. Въ немъ не было и тѣни какого-либо чванства или важничанія, хотя выдающееся общественное положеніе, которое онъ занималъ, и интимная близость съ самыми вліятельными государственными людьми, могли бы вскружить голову людямъ, менѣе простымъ и сердечнымъ. Онъ всегда отличался общительностью, простотою, веселостію, симпатичнымъ обращеніемъ, не чуждался свѣтскихъ увеселеній и увлеченій.

Научные и литературные труды Безобразова имѣютъ ту общую отличительную черту, что, при чисто-практическомъ характерѣ своихъ задачъ и цѣлей, они, по словамъ Л. З. Слонимскаго, проникнуты необычайнымъ и иногда даже слишкомъ преувеличеннымъ уваженіемъ къ авторитету „науки“, олицетворяемой извѣстною школою западно-европейскихъ ученыхъ. Это преклоненіе предъ наукою однако не было ило-

домъ тщеславія или самомнѣнія, а вытекало изъ весьма хорошаго источника и чаще всего объяснялось искреннимъ стрѣмленіемъ внушить читателямъ уваженіе къ трудамъ ученыхъ изслѣдователей и теоретиковъ, которыми привыкли пренебрегать у насъ.

Разсужденія и взгляды самого Безобразова всегда отличаются трезвымъ пониманіемъ дѣйствительности и имѣютъ вообще очень мало общаго съ теоретическимъ доктринерствомъ: онъ много разъ высказывался противъ слѣпаго подражанія западно-европейскимъ государствамъ, отстаивалъ самостоятельность нашего внутренняго развитія и проповѣдывалъ лишь необходимость усвоенія лучшихъ идей и культурныхъ пріобрѣтеній передовыхъ народовъ запада. Безобразовъ, благодаря свойствамъ своего характера, могъ поддерживать хорошія личныя отношенія съ представителями различныхъ и въ томъ числѣ прямо реакціонныхъ направленій: но онъ неизмѣнно оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, не смотря на всякія перемѣны обстоятельствъ: въ концѣ 80-хъ годовъ и еще не задолго передъ своею смертью онъ писалъ въ томъ же духѣ, какъ и въ началѣ своей литературной дѣятельности, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Эта стойкость убѣжденій и всегдашняя рѣшимость проводить ихъ въ печати составляли большую заслугу Безобразова, особенно въ виду того, что онъ находился на государственной службѣ при разнородныхъ колебаніяхъ и измѣненіяхъ политической атмосферы.

О Безобразовѣ см.: „Москов. Вѣдом." 1867, № 9 (передовая статья—по поводу избранія Безобразова по-

четнымъ гражданиномъ Вознесенскаго посада). — „Москва", 1867, № 11 („Для Московскихъ Вѣдомостей"—по тому же поводу). — „Необходимое дополн. приложеніе къ Настол. Слов. Ф. Толля". Спб., 1866. 4°. — „Энцик. Словарь" И. Н. Березина. — „Международный словарь писателей". Губернатиса (на фран. язык.). Флоренція, 1888. 4°. стр. 289. — „Наши государственные и обществен. дѣятели" Скальковскаго. Спб., 1889 г., 8°., стр. 97—106. — „Наши знакомые" В. О. Михневича Спб. (шуточная характеристика). — „Новое Время" 1889 г. № 4864. — „Рус. Вѣд." 1889 г., №№ 240, 241 и 248. — „Правит. Вѣсти." 1889 г., № 196. — „Гражданинъ". 1889, № 244. — „Новости" 1889 г., 2-е изд., №№ 238, 240 и 243. — „Рус. Мысль" 1889, № 9, отд. 2, стр. 213. — „Вѣсти. Евр." 1889. № 10, стр. 871. — „Истор. Вѣсти" 1889. № 10. стр. 238. — „Наблюдатель" 1889. № 9, отд. 2, стр. 34—36. (А. Пятковскій); № 11, стр. 56—77 (В. В. Чуйко. „Этюдъ"). — „Новь" 1889, съ портретомъ. — „Всеміри. Иллюстр." т. 42, № 1078 (1889, № 12, 16 сен.), стр. 184 и 186 (съ портретомъ. П. Быковъ). — „Критико-біографич. словарь..." С. А. Венгерова. т. 2-й (вып. 28). Спб., 1890. 8°, стр. 306—324 (С. А. Венгеровъ и Л. Слонимскій). — „Настол. Энц. Словарь". изд. Гарбеля и К°. т. 1 (вып. 11). М., 1891. 8°. стр. 481—482. — „Энцикл. Словарь", изд. Брокгауза и Ефрона. т. III (полутомъ 5-й). Спб., 1891. 8°, стр. 302—303.

XII.

И. Н. Харламовъ.

Иванъ Николаевичъ Харламовъ, честный и талантливый литературный дѣятель, родился 18 апрѣля 1854 года въ погостѣ Веретевѣ, Филяндинской волости, Ковровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, гдѣ въ то время отецъ его былъ священникомъ (послѣ перешелъ въ село Гавриловское, Суздальскаго уѣзда).

Проведенное дѣтство среди сельской природы, въ кругу „маленькихъ“ житейскихъ событій, имѣющихъ интересъ только для участниковъ, казалось, должно бы быть безплодно проведеннымъ временемъ; но есть и обратная сторона у каждой медали: здѣсь, въ деревнѣ, жизнь идетъ болѣе ровно, отношенія между людьми болѣе правдивы, искренни, всѣческія стремленія болѣе обоснованы,—однимъ словомъ, жизнь въ деревнѣ не требуетъ смѣха ради слезъ, здѣсь болѣе прямолинейности и менѣе лжи и фальши. Воспитаніе Ивану Николаевичу было дано самое простое: все было показываемо въ натуральную величину, въ настоящемъ видѣ и въ истинномъ свѣтѣ,—это само собою выходило такъ при деревенскомъ образѣ жизни, да родители и не могли иначе обставить жизнь ребенка: почти съ каждымъ годомъ семья увеличивалась, а скудныя средства оставались неизмѣнно одни и тѣ же. При всѣхъ такихъ условіяхъ И. Н. Харламовъ

проведенное въ деревнѣ дѣтство все же менѣе всего могъ считать и считалъ „безплодно проведеннымъ временемъ“. Родившись въ талантливой семьѣ, отличаясь необыкновенной наблюдательностію, онъ вынесъ изъ дѣтства тотъ богатый запасъ знанія быта сельскаго населенія, которымъ и началъ дѣлиться при первой представившейся къ тому возможности. Простое деревенское воспитаніе положило начало честности въ мысляхъ, справедливости въ поступкахъ, стремленія къ правдѣ и любви къ народу; все это И. Н. всосалъ съ молокомъ матери и бережно донесъ до преждевременной могилы.

Низшее и среднее образованіе И. Н. Харламовъ получилъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ: подготовленный дома, онъ поступилъ въ Суздальское духовное училище, по окончаніи курса въ которомъ въ 1871 году перешелъ во Владимірскую семинарію. Учебныя занятія въ духовныхъ заведеніяхъ представляютъ любопытную страницу исторіи просвѣщенія въ Россіи: было время, когда изученіе классическихъ языковъ въ духовныхъ заведеніяхъ доводилось до такого совершенства, что едва ли были лучшіе латинисты, чѣмъ семинаристы; это сильно вліяло на строй мыслей и на способъ изложенія ихъ; до сего времени можно встрѣтить любопытныя въ этомъ отношеніи рукописныя тетради съ сочиненіями семинаристовъ на латинскомъ языкѣ. Затѣмъ, въ 60—70-хъ годахъ, наступилъ новый періодъ, когда изученіе древнихъ языковъ хотя и ставилось почти выше всего, но первенствовало уже другое направленіе: все

сводилось къ усиленному писанію собственныхъ „сочиненій“ на русскомъ языкѣ. Эти два періода имѣ[ли] весьма важное значеніе въ отношеніи развитія уч[ащих]ся: кругъ мыслей не былъ съуженъ, источникомъ [для] нихъ служило чтеніе книгъ, журналовъ. То было вр[е]мя, когда и въ семинаріяхъ являлась потребность [въ] изданіи рукописныхъ журналовъ, въ устройствѣ сов[мѣ]стнаго чтенія, домашнихъ спектаклей... Въ 70-х[ъ] годахъ во Владимірской семинаріи было также въ х[о]ду „литературное направленіе“: одной группой во[с]питанниковъ издавался рукописный журналъ, дру[гой]—устраивались спектакли, концерты; одинъ пи[сал]ъ недурные стихи, другой собиралъ и печата[лъ] (въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ) этнографи[ческій] матеріалъ... Нѣкоторые воспитанники пробов[а]ли тогда свои силы (конечно, безплодно) въ писан[іи] романовъ, драматическихъ сочиненій.. Всему этом[у] благопріятствовали многія обстоятельства: подъ ру[кою] была недурная частная библіотека, книги кото[рой] не были запретнымъ плодомъ для воспитанниковъ, развито было совмѣстное чтеніе и споры по повод[у] прочитаннаго, да и составъ преподавателей поддер[жи]валъ и развивалъ интересъ къ литературѣ.

Въ это-то время обучался и Иванъ Николаевичъ, который, кромѣ того, имѣлъ и личное знакомство съ однимъ писателемъ, жившимъ тогда во Владимірѣ. Это знакомство, несомнѣнно, дало толчекъ къ пр[о]бужденію въ И. Н. Харламовѣ желанія—самому по-пробовать писать, какъ пишутъ настоящіе писатели. Вышедшіе тогда въ отдѣльномъ изданіи „Крестьяне-

присяжные" Н. Н. Златовратскаго опредѣлили и направленіе литературной дѣятельности Харламова: жизнь въ деревнѣ для наблюдательнаго семинариста давала богатый матеріалъ, который Иванъ Николаевичъ и началъ утилизировать. Конечно, не сразу все далось, пришлось много исписать бумаги, прежде чѣмъ написанное признано было годнымъ для печати. Въ этомъ отношеніи И. Н. Харламовъ прошелъ хорошую школу: онъ много читалъ, много думалъ и постепенно вырабатывалъ литературную технику.

Занятія въ семинаріи шли своимъ чередомъ: въ семинарскихъ спискахъ того времени можно видѣть И. Н. Харламова въ первомъ разрядѣ 2-го отдѣленія. Но его не тянуло къ службѣ по духовному вѣдомству, и, не смотря на полное отсутствіе средствъ, Иванъ Николаевичъ вышелъ изъ 4-го класса семинаріи (послѣ сдачи экзаменовъ), въ 1875 году, и поступилъ въ петербургскій университетъ, на естественное отдѣленіе математическаго факультета. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Харламовъ снесъ въ редакцію журнала „Пчела" (изд. Микѣшинъ и Гіероглифовъ) и свой первый литературный трудъ—„Дьячки. (Бытовой очеркъ)", который то а же и былъ напечатанъ („Пчела" 1875 г., №).

Поступивъ въ университетъ, Иванъ Николаевичъ окончательно предался систематическому литературному труду: онъ сталъ помѣщать въ различныхъ изданіяхъ небольшіе беллетристическіе очерки этнографическаго характера изъ жизни низшаго сельскаго духовенства и крестьянъ, отличающіеся хорошимъ зна-

78

ніемъ быта и наблюдательностію. Такъ, имъ были напечатаны: „Изъ-за раздѣла. (Очеркъ)“ въ „Москов. Обозрѣніи“ 1876, № 12 (декабрь), стр. 175—180; „Старшина“. (Очеркъ)—тамъ же, 1877 г., № 25, стр. 377—386; „Несчастная. (Очеркъ)“—тамъ же, 1877 г., № 47—48, стр. 89—103; „Самоуправленіе. (Изъ быта сельскаго духовенства). I. Выборы. II. На съѣздѣ“—въ „Рус. Вѣдом.“ 1877 г., №№ 295 и 297; „На чужой сторонѣ. (Очеркъ)“—тамъ же, 1878 г., № 60; „Міръ и кулакъ. (Очеркъ)“—тамъ же, 1878, № 237; „Чудной человѣкъ. (Разсказъ)“—тамъ же, 1878 г., №№ 314, 315 и 316; „Солдатское счастье. (Очеркъ)“—въ „Моск Обозрѣніи“ 1878 г., № 16, стр 41—43; „Вражья сила. (Очеркъ)“—въ „Мірскомъ Толкѣ“ 1879 г., № 15, стр. 124—127, и № 16, стр. 137—140; „Пѣсня-быль. (Дорожный разсказъ)“—въ „Рус. Вѣдомост.“ 1879 г., № 5; „Изъ-за бабы. (Очеркъ)“—тамъ же 1879, № 285; „Двѣ сестры. (Очеркъ)“—тамъ же, 1880, № 6; „На перепутьи. (Очеркъ)“—въ „Мірскомъ Толкѣ“ 1880 г., № 16, стр. 185—187; № 17, стр. 198—199; № 18, стр. 210—212; № 19, стр. 221—223; № 20, стр. 234—235, и № 21, стр. 246—248; „Бѣда. Изъ разсказовъ бывалаго человѣка“—тамъ же, 1880 г., № 32, стр. 378—380 и № 33, стр. 388—391; „Конецъ—всему дѣлу вѣнецъ. Очеркъ“—въ „Свѣтъ и Тѣни“ 1880 г., № 36, и „Деревенскій скандалъ. (Очеркъ)“—тамъ же, 1880, № 40, стр. 189—191.

Небольшіе очерки и разсказы Н. Н. Харламова

изъ деревенской жизни, разсѣянные по ежедневнымъ и еженедѣльнымъ изданіямъ, къ сожалѣнію, не собранные вмѣстѣ и не изданные отдѣльно, рѣзко возвышаются надъ той массой ежедневныхъ фельетонныхъ разсказовъ многочисленныхъ „авторовъ“, которыми современная литература „кишмя-кишитъ“. Въ разсказахъ Харламова нѣтъ простаго фотографированія, какъ у Н. В. Успенскаго и В. А. Слѣпцова, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ и особаго колѣнопреклоненія предъ народомъ, — писатель народникъ, Иванъ Николаевичъ знаетъ доподлинно бытъ народа, его свычаи и обычаи, правдиво рисуетъ внѣшнія формы его жизни, и въ то же время стремится проникнуть во „внутреннее“ народа, постичь его душу; онъ отмѣчаетъ выдающіяся и заурядныя событія, отводя для каждаго подобающее мѣсто, и въ то же время его перо не обходитъ молчаніемъ какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны деревенской жизни; симпатіи Харламова, несомнѣнно, на сторонѣ первыхъ, но и вторыя онъ не только подробно излагаетъ безъ осужденія, но старается указать и ту почву, на которой эти тёмныя стороны выросли и держатся... Для читателя выводъ всегда ясенъ: Иванъ Николаевичъ на сторонѣ правды и любви къ народу, съ искреннимъ желаніемъ для него добра.

Небольшіе беллетристическіе разсказы не были, однако, единственнымъ и главнымъ въ литературной дѣятельности Харламова: занимавшіе его общественные вопросы, преимущественно—деревенскіе вопросы, не всегда могли укладываться въ форму разсказа и потому онъ скоро перешелъ къ публицистикѣ и из-

49

слѣдованіямъ въ области обычнаго права, которое его особенно интересовало. Расколъ, община, обычное право были его любимыми темами. Первою попыткою его въ этомъ направленіи была статья по поводу сочиненія П. А. Соколовскаго — „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“ (Спб. 1877 г.), напечатанная въ „Моск. Обозрѣніи“ 1877 года, № 29, стр. 135—144, за подписью *Возехминъ*; тамъ же напечатана была въ (1877, стр. 37—47) и другая статья за настоящею подписью — „Факты общиннаго владѣнія“. Наиболѣе выдающимися работами Харламова въ этой области были: „Женщина въ русской семьѣ. (Опытъ по обычному праву)“ („Рус. Богатство“ 1880 г., мартъ, стр. 59—107, и апрѣль) и „Помочь. (Изъ обычно-общинныхъ отношеній)“ (тамъ же, стр. 66—74, за подписью П. Х.). Съ 1880 г. П. Н. Харламовъ занялъ мѣсто секретаря въ редакціи издававшейся Л. А. Полонскимъ газеты „Страна“ и съ этого времени становится однимъ изъ ближайшихъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ этого изданія, гдѣ помѣстилъ массу статей по расколу и другимъ вопросамъ, а также и критическихъ статей, такъ какъ велъ въ этомъ изданіи библіографическую часть литературнаго отдѣла послѣ Арсенія Введенскаго. Указать всѣ статьи Харламова, помѣщенныя имъ въ „Странѣ“, довольно трудно, такъ какъ онъ печаталъ часто безъ всякой подписи. Извѣстны намъ слѣдующія его статьи: „Причины появленія раскола“ (1880 г., № 53); „Церковные идеалы и религіозныя идеи раскола“ (№ 57); „Современное значеніе раскола“ (№ 64);

„Раздѣленіе раскола на согласія“ (№ 61); „Наше знакомство съ расколомъ“ (№ 45); „Земство Области Войска Донскаго“ по поводу „Трудовъ коммиссіи о введеніи земства“ (№ 83, за подписью: И. Х.); „Замѣтка о женскихъ врачебныхъ курсахъ. (Письмо въ редакцію)“ (№ 85, безъ подписи); „Отвѣтъ г. Ландцерту“ (№ 93.—о женскихъ врачебныхъ курсахъ); „Къ вопросу о положеніи духовенства“ (№№ 91 и 92, за подписью: И. Веретевскій); „Голодъ“ (1881, № 15,—безъ подписи); „Старообрядческое братство“ (№ 23, безъ подписи); „Привиллегіи въ судѣ“ (№ 56, за подписью: И. Х.); „Столкновеніе закона и обычая“ (№ 66,—безъ подписи); „Къ вопросу о хлѣбѣ“ (№ 90, съ подписью И. Х.); „Организація крестьянскихъ переселеній“ (№ 122, безъ подписи); „Вилковскіе старообрядцы во время турецкихъ войнъ. Историческій очеркъ“ (№ 128,—безъ подписи); „Капиталистъ или кустарь?“, по поводу книги В. В.: „Судьбы капитализма въ Россіи“ (1882 г., № 107, безъ подписи); „Введеніе въ антропологію“, по поводу—„Антропологіи“ Тейлора (№ 116, съ подписью: И. Х.); „Изученіе кустарной промышленности“, по поводу „Трудовъ коммиссіи, образованной при московскомъ генералъ-губернаторѣ...“ и изслѣдованія С. А. Харизоменова — „Промыслы Владимірской губерніи“ (№ 128, за подписью: И. Х.); „Вопросы кустарной промышленности“ (№ 143, съ подписью: И. Х.); „Сектанты — раціоналисты“ (№ 148); „Земельные банки“ (№ 152, безъ подписи); „Кустарная форма производства“ (№ 153, безъ подписи); кромѣ того,

ему же принадлежатъ статьи: „Юридическіе журналы“ (1881, № 42, безъ подписи); „Литературный отдѣлъ. Гигіеническія условія народной жизни“ (по поводу изслѣдованія д-ра Грязнова о Череповецкомъ уѣздѣ) (1881, № 25) и за подписью: И. Х.—„Литературный отдѣлъ. („Страна“ 1881. №№ 4, 59, 79, 89, 97, 103, 109, 112, 118 и 130, и безъ подписи въ № 62).

Посвящая почти все свободное время сотрудничеству, въ качествѣ публициста, критика и пр.. въ газетѣ „Страна“, Иванъ Николаевичъ въ другихъ изданіяхъ имѣлъ возможность напечатать только слѣдующее: „Протопопъ Иванъ Нероновъ. Очеркъ изъ исторіи раскола“ („Древи. и Нов Россія“ 1881, № 1, стр. 55—71); двѣ рецензіи въ томъ же журналѣ (1881 г., № 3) на статью Н. В. Калачова „О волостныхъ и сельскихъ судахъ“ (стр. 563—567) и на статью П. Березанскаго—„Обычное уголовное право крестьянъ Тамбовской губерніи“ (стр. 567—584), обѣ рецензіи за подписью—И. Х.; „Идеализаторы раскола“. (По поводу сочиненій І. Юзова и А. Пругавина). („Дѣло“, 1881. № 8, отд. 2, стр. 1—26 и № 9, отд. 2, стр. 1—26); „Русскій народный юморъ“ (по поводу „Русскія народныя картинки“, собр. и изд. Д. А. Ровинскимъ. Спб., 1881 г., 5 тт.) („Дѣло, 1881. № 12. отд. 2, стр 1—36). и „Стѣнное писаніе. (Очеркъ)“ („Дѣло“, 1882. № 7, стр. 235—257).

Всѣ указанныя нами статьи писаны Иваномъ Николаевичемъ во время студенчества. Поступивъ на естественное отдѣленіе. онъ потомъ перешелъ на юри-

дическій факультетъ, гдѣ съ особой любовью отдался изученію русской исторіи и обычнаго права. Уже изъ приведеннаго нами списка статей видно, что ему приходилось писать усиленно много, и это дѣлалось единственно по той причинѣ, что жизнь его съ матеріальной стороны была обставлена хуже всего. На рукахъ отца была семья изъ 8 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ многіе тоже учились въ училищѣ и семинаріи; стало быть, Ивану Николаевичу поддержки изъ дома ждать было нечего, и вотъ ему необходимо было заработывать перомъ не только для содержанія себя, но и для помощи, хотя незначительной, необезпеченной семьѣ своего отца. Въ 1882 году П. Н. Харламова постигло несчастіе, которое вынудило его прекратить какъ образованіе въ университетѣ, такъ и литературныя занятія. Почти полгода пробылъ онъ въ домѣ для предварительнаго заключенія, откуда былъ выпущенъ чистымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

П. Н. Харламовъ, можно сказать, кончилъ университетскій курсъ, такъ какъ прекратилъ занятія въ университетѣ во время сдачи окончательныхъ экзаменовъ. По выходѣ изъ заключенія онъ снова предался литературнымъ работамъ. „Страна“ въ то время уже не издавалась, и П. Н. обратился въ изданія, гдѣ прежде помѣщалъ свои произведенія. Такъ, въ „Дѣлѣ“ (1883, № 2, стр. 95—119) было помѣщено — „На надѣлѣ (Очеркъ)“, въ „Мірскомъ Толкѣ“, подъ псевдонимомъ *Реалистъ*, П. Н. началъ вести библіографическую лѣтопись журналовъ (см., напр., „Наши журналы“ въ „Мір. Толкѣ“ 1883,

81

№ 36, стр. 389—390); въ этомъ же изданіи, не долго просуществовавшемъ, были помѣщены и слѣдующія беллетристическія произведенія Харламова: „Деревенскія картинки“ I. „Шалятъ“. („Мір. Толкъ“, 1883, № 15, стр. 151—154) и „На волю“(Очеркъ) (1884 г., №№ 1, 2 и 3). Въ „Рус. Вѣдомостяхъ“ Иванъ Николаевичъ помѣстилъ: „По старинѣ“ (Очеркъ) (1883, № 300); „Послѣдняя“ потеря (Очеркъ)“ (1883 г., №№ 261 и 263) и подъ псевдонимомъ *И. Стрѣльцовъ*—„На развалинахъ счастья. Разсказъ“ (1884 г., №№ 10, 16, 18 и др.). Въ то же время Харламовъ началъ работать и въ другихъ изданіяхъ,—такъ. имъ были напечатаны: „Недоразумѣніе. (Изъ деревенской жизни)“ въ „Новости Дня“ (1883, № 106); „Вѣротерпимость и бракъ“, за подписью И. Х—въ, въ „Рус. Курьерѣ“ (1883, №126), передовая статья, безъ подписи, „Объ урегулированіи крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ“ (тамъ же, 1883, № 236), „Сравники“. Изъ разсказовъ сельскаго учителя“ (тамъ же. 1883 г., №№ 193, 198 и 202); въ „Рус. Курьерѣ“ были и другія его статьи,—фамилія И. Н. стояла всегда въ числѣ сотрудниковъ какъ и въ журналѣ „Дѣло“. Въ 1884 г. онъ напечаталъ „Подгулялъ. (Очеркъ)“ въ „Рус. Сатирическомъ Листкѣ“ (1884 г., № 11, за подписью *Иламовъ*), „Безъ начала и безъ конца. Дневникъ въ отрывкахъ изъ воспоминаній о дѣтствѣ“ въ „Вѣстникѣ Европы“ (1884, № 6, стр. 512—547, за подписью И. Х—мовъ); въ 1885 г. напечатано—„Укрѣпили. Очеркъ“ въ „Развлеченіи“ (1885 г., № 26).

Всѣ эти разсказы, очерки... писались, если можно такъ выразиться, между дѣломъ, потому что главное вниманіе И. Н. Харламова было обращено на изученіе русскаго раскола, исторіей котораго онъ занимался, какъ и прежде, упорно. Плодомъ этого изученія явились статьи-монографіи, обратившія особенное вниманіе критики и читателей и доставившія Ивану Николаевичу почетную извѣстность, это — „Странники. Очеркъ изъ исторіи раскола“ (Русск. Мысль“, 1884 г., № 4, стр. 196—229; № 5, стр. 93—135, и № 6, стр. 44—69); „Духоборцы. Историческій очеркъ“ (въ томъ же журналѣ, 1884 года, № 11, стр. 138—161 и № 12, стр. 83—115), и „Штундисты“ (тамъ же, 1885, № 10, стр. 143—158, и № 11, стр. 1—17). Въ этихъ очень обстоятельныхъ и глубокомысленныхъ монографіяхъ, проникнутыхъ оригинальною идеей, И. Н. Харламовъ иногда очень тонко и подробно анализируетъ теоретическую сторону сектантскихъ воззрѣній, раскрывая во многихъ случаяхъ ихъ несостоятельность, но не всегда при этомъ удѣляя достаточно вниманія культурно-историческому значенію раскола-сектантства. Кромѣ того, онъ собиралъ обширный матеріалъ по характеристикѣ семейнаго и общиннаго быта раскольниковъ и намѣревался, по окончаніи работы, собрать всѣ свои статьи по расколу въ одну книгу, которая должна была представить исторію раскола въ наиболѣе яркихъ чертахъ, но преждевременная смерть разрушила эти планы.

Личная жизнь Ивана Николаевича съ 1883 года,

8 г

какъ и прежде, не была богата событіями. Женившись на сестрѣ извѣстнаго писателя, тоже Владимірца, Н. Н. З—го, кончившей въ 1882 году на женскихъ врачебныхъ курсахъ въ Петербургѣ и служившей въ Клинскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, земскимъ врачемъ, И. Н. Харламовъ, по приглашенію А. С. Посникова, поступилъ въ земское статистическое бюро Смоленской губерніи. Жизнь въ деревнѣ, изученіе быта народа, съ которымъ И. Н. сжился съ малолѣтства, все это интересовало Харламова и онъ отдался работѣ со всѣмъ пыломъ. Плодомъ явилось изданіе „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Смоленской губерніи. Томъ I. Вяземскій уѣздъ. Выпускъ II. Изданіе смоленскаго губернскаго земства". (Москва, 1886, тип. А. И. Мамонтова и комп. 8°. V+201 стр.), въ предисловіи котораго сказано, что отдѣлъ о крестьянскомъ хозяйствѣ, промыслахъ и кредитѣ составленъ И. Н. Харламовымъ; литературная часть работы, текстъ втораго отдѣла—въ значительной степени выполненъ также И. Н. Харламовымъ (сотрудничали В. М. Якушевъ и И. П. Сидоровъ). Занятія въ смоленскомъ земствѣ И. Н. въ 1885 году долженъ былъ оставить, такъ какъ утомительная работа съ тяжелыми и постоянными разъѣздами изнурительно вліяла на и такъ не богатое здоровье Харламова. Для отдыха Иванъ Николаевичъ отправился въ село Гавриловское, куда отецъ его перешелъ еще въ 1864 году. Тамъ осенью 1885 г. съ Харламовымъ случилось что то загадочное: въ октябрѣ его начало лихорадить сильными приступами и

все въ началѣ напоминало перемежающуюся лихорадку. Переѣздъ во Владиміръ не помогъ дѣлу, хотя здѣсь и приняты были настоящія медицинскія мѣры; одна случайность указывала на простуду, но здоровье не поправлялось. Въ 1886 г. совѣтъ съ московскими докторами указалъ на необходимость поѣздки въ Крымъ, но недостатокъ средствъ (обѣщаніе одной редакціи дать ихъ почему-то не было приведено въ исполненіе) заставилъ ограничиться поѣздкой на кумысъ въ Самарскую губернію, гдѣ И. Н. провелъ лѣто 1886 г. Въ это время жена его получила мѣсто земскаго врача въ Волоколамскомъ уѣздѣ, московской губерніи, именно—въ селѣ Раменьи, куда переселился осенью 1886 г. и Иванъ Николаевичъ, не получившій никакого облегченія отъ кумыса. Здѣсь онъ прожилъ до весны 1887 года, уже совершенно больной, находя единственное утѣшеніе въ семьѣ и бесѣдахъ съ мѣстными жителями. Онъ уже не вставалъ съ постели и угасалъ медленно и мучительно, въ полномъ сознаніи и со страстной жаждой жизни и работы. 18 марта 1887 года погибла эта недюжинная сила, всю жизнь беззавѣтно преданная, не смотря на тяжелыя условія существованія, служенію интересамъ истины и народа. И. Н. Харламовъ умеръ отъ чахотки, не доживъ до 33 лѣтъ одного мѣсяца; погребенъ онъ въ селѣ Раменьи.

Одинъ сотоварищъ по литературной работѣ такъ отзывается объ Иванѣ Николаевичѣ: „Обладая значительнымъ беллетристическимъ талантомъ, что показываютъ его небольшіе разсказы изъ деревенской жиз-

ни, И. Н. Харламовъ посвящалъ главныя свои силы общественнымъ вопросамъ, которые влекли его отзывчивую натуру. Какъ уроженецъ деревни, онъ преимущественно и интересовался деревенскими вопросами... Публичная библіотека, лекціи, редакція и рабочій кабинетъ — вотъ гдѣ протекала его петербургская жизнь. Нѣкоторый отдыхъ онъ давалъ себѣ только лѣтомъ, когда на короткое время ѣздилъ на родину. Но и изъ деревни онъ присылалъ массу статей, преимущественно изъ области наблюденій надъ крестьянской жизнью... Кто зналъ Ивана Николаевича лично, кто работалъ съ нимъ вмѣстѣ, тотъ не могъ съ первыхъ же шаговъ не почувствовать расположенія къ этому искреннему, убѣжденному и честному человѣку. Нѣсколько суровый и холодный на первый взглядъ, онъ сразу преображался, когда рѣчь заходила о его любимыхъ темахъ. Безпощадный въ нападкахъ, И. Н. становился въ то же время искреннимъ другомъ тѣхъ, въ комъ замѣчалъ стремленіе къ правдѣ и любовь къ народу. Это былъ дѣйствительный литературный работникъ, работникъ ради принципа, а не литераторъ-ремесленникъ, видящій лишь одинъ гонораръ. Потеря такого дѣятеля особенно тягостна въ наше время, тѣмъ болѣе, что онъ, конечно, не успѣлъ сдѣлать и половины того, что могъ бы сдѣлать для литературы. Одной изъ отличительныхъ чертъ И. Н. Харламова была необычайная скромность. Составивъ уже себѣ литературное имя, онъ не отказывался отъ скромной работы секретаря и составителя хроники, говоря, что лучше заработывать средства чернымъ

О Снегиревѣ см. „Краткая исторія Импер. Москов. Университета. съ 6 іюля 1819 по 6 іюля 1820 г.“, *Ив Двигубскаго*. М., 1820 г. 4⁰., стр. 4—5.—„Рус. Вѣстникъ“ 1820 г., кн. 8. стр. 67—71 („Извѣстіе о М. М. Снегиревѣ“, статья М.). — „Москов. Вѣдом.“ 1820 г., № 56 (некрологъ въ „Кратк. истор. Моск. Унив. съ 4 іюля 1819 г. по 6 іюля 1820 г.“).— „Рѣчи, произнесен. въ торжествен. собраніяхъ Имп. Москов. Университета русскими профессорами. съ краткими ихъ жизнеописаніями“. Изд. Общ. Любит. Рос. Словесности. 4 ч. М., 1819—1823. 8⁰. (Біографія и рѣчь).—„Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи“. Сочин. митрополита Евгенія. Издалъ „Москвитянинъ“ (М. П. Погодинъ). Т. 2-й, стр. 171—172 (М., Унив. тип., 1845. 8⁰).— „Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Император. Москов. Университета за... столѣтіе... “. М., Унив. тип., 1855. 8⁰. Часть II, стр. 420—422 (*И. И. Давыдовъ*).— „Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи“, С. К. Смирнова. М., т. Готье, 1867. 8⁰, стр. 535—536.—

XV.

А. И. Беневоленскій.

Андрей Игнатьевичъ Беневоленскій. бывшій ординарный профессоръ Казанской духовной академіи, статскій совѣтникъ, принадлежалъ къ разряду тѣхъ,

не рѣдко встрѣчавшихся въ былое время, лицъ, которыя при всемъ ихъ ученомъ достоинствѣ отличались многими странностями, обращавшими на себя вниманіе современниковъ, создавшими массу анекдотовъ, съ которыми перешли и въ память потомства. Во всякомъ учебномъ заведеніи, будь то высшее или низшее, въ былыя времена встрѣчались такія лица, и—замѣчательно—по большей части все это были люди въ высшей степени даровитые, при исторической оцѣнкѣ которыхъ за массой бережно сохраняемыхъ анекдотовъ приходится отмѣчать такія достоинства, которымъ невольно и по справедливости исторія должна оказать уваженіе.

Къ такимъ-то лицамъ принадлежалъ и А. П. Беневоленскій. Онъ родился въ 1807 году въ погостѣ Уженскомъ, Меленковской округи, гдѣ отецъ его Игнатій Антоновъ былъ дьячкомъ. Выросши въ сельской средѣ, гдѣ родители его мало чѣмъ отличались отъ сосѣдей односельчанъ, Андрей Игнатьевичъ съ дѣтства крѣпко познакомился прежде всего съ нуждой и лишеніями: отцовскихъ доходовъ хватало только на самое необходимое, а все прочее зарабатывалось потомъ и кровью. Кое-какъ подготовленный дома, Беневоленскій поступилъ въ Муромское духовное училище, гдѣ скоро обнаружились способности мальчика: терпя нужду, онъ собственными силами одолѣвалъ науки и шелъ въ числѣ лучшихъ учениковъ. Переходъ во Владимірскую семинарію въ 1822 году мало измѣнилъ бытъ ученика Беневоленскаго: онъ также усердно занимался преподаваемыми науками, уже ясно

сознавая, что только этимъ путемъ онъ можетъ добиться болѣе лучшаго положенія, чѣмъ въ которомъ находились его родители; здѣсь же и подъ вліяніемъ той суровой обстановки, въ которой пришлось проводить ему лучшіе молодые годы, сложились и тѣ привычки, которыми онъ выдѣлялся впослѣдствіи, состоя на службѣ въ Казани. Замкнутость, крайняя бережливость до послѣдней мелочи, малая общительность съ товарищами, фанатическая преданность изученію преподаваемыхъ предметовъ безъ особаго руководительства,—все это по необходимости привитое въ дѣтствѣ осталось такимъ же и на всю жизнь.

Какъ лучшій ученикъ семинаріи, гдѣ А. И. Беневоленскій обучался „при способностяхъ отличныхъ и прилежаніи неослабномъ“, онъ въ 1827 году поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ ученія въ 1831 году со степенью магистра. Какъ воспитывавшійся на казенный счетъ, А. И. по окончаніи курса академіи былъ назначенъ на должность профессора церковной исторіи и нѣмецкаго языка въ уфимскую семинарію. Въ 1839 г. онъ вышелъ въ свѣтское званіе и женился въ Уфѣ, гдѣ у него былъ деревянный домъ, а въ уфимскомъ уѣздѣ небольшое имѣніе въ $40^1/_2$ десятинъ съ 10 крѣпостными душами, записанное на имя жены: на службѣ въ Уфѣ А. И. получилъ чинъ надворнаго совѣтника и потому считался потомственнымъ дворяниномъ. Въ 1840 году, послѣ преобразованія семинаріи, Беневоленскому поручено было преподавать библейскую и церковную исторіи, литургику, каноники и русскую церковную

исторію. Тамъ, въ Уфѣ узналъ его архим. Іоаннъ (Оболенскій † 1851), бывшій первымъ ректоромъ казанской духовной академіи, открытой, какъ извѣстно, въ 1842 году. Когда въ этой академіи открылось такъ называвшееся прежде высшее отдѣленіе, явилась нужда въ новыхъ преподавателяхъ; ректоръ Іоаннъ и рекомендовалъ А. П. Веневоленскаго на каѳедру церковной исторіи, на которую Андрей Игнатьевичъ опредѣленіемъ Св. Синода отъ 16 сентября 1844 года и былъ назначенъ — прямо въ званіи ординарнаго профессора.

Дальнѣйшую судьбу этого профессора мы передадимъ словами историка той же академіи, П. В. Знаменскаго, такъ какъ другихъ источниковъ у насъ нѣтъ никакихъ.

По словамъ Знаменскаго, „начальство академіи постоянно держало А. П. Веневоленскаго въ черномъ тѣлѣ, переводило его съ предмета на предметъ, не удостоивало никакими должностями и порученіями, кромѣ должности помощника инспектора (1844—1846 гг.), бывшей притомъ же ниже его служебнаго положенія, да еще одной ревизіи чистопольскаго духовнаго училища въ 1845 г., и только въ 1853 г. сдѣлало его членомъ внѣшняго правленія. Студенты и товарищи по службѣ цѣнили его незаурядную ученость, но постоянно подсмѣивались надъ его странностями.

„Это былъ высокій, худощавый и жилистый человѣкъ съ рыжеватыми волосами, свѣжимъ пожилымъ лицомъ, однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя, принявъ

40-лѣтній складъ, затѣмъ застываютъ въ одномъ положеніи, не принимая больше ни одной старческой складки и ни одного новаго старческаго оттѣнка въ колерѣ; имѣлъ манеры стараго мелкаго чиновника, какого-нибудь повытчика духовнаго правленія въ уѣздномъ городѣ; говорилъ ясно, отчеканивая каждое слово по слогамъ, не скрадывая ни началъ, ни концовъ, какъ школьный учитель, лѣтъ 40 упражнявшійся въ диктовкѣ дѣтямъ, не много даже на распѣвъ, и произнося каждое слово такъ, какъ оно напечатано. Въ аудиторію лѣтомъ и зимой онъ являлся въ одномъ и томъ же коротенькомъ и безъ воротника пальто табачнаго цвѣта, изъ котораго онъ какъ будто давно уже выросъ. Разсказывали, что его супруга подарила ему однажды енотовую шубу, чтобы въ морозы онъ не безпокоился уже завязывать себѣ уши грязнымъ бѣлымъ платкомъ,—и въ первый же свой выходъ въ этой шубѣ онъ какъ разъ отморозилъ себѣ уши. Жизнь онъ велъ чрезвычайно аккуратную и воздержную, дозволяя себѣ единственное излишество—въ потребленіи чая, котораго выпивалъ чашекъ по 17-ти за разъ, вплоть до истощанія самовара, и быстро одну за другой, для чего и наливалъ ихъ партіями вмѣстѣ, чтобы дать имъ время достаточно остынуть. Для предохраненія себя отъ простудъ и ученыхъ болѣзней онъ всегда держалъ себя впрохолодь, одѣваясь какъ можно легче, и ежедневно дѣлалъ огромные моціоны, притомъ самымъ быстрымъ аллюромъ. Одной изъ обычныхъ прогулокъ его для моціона была утренняя прогулка за

городъ до деревни Самсоровой въ 8 верстахъ отъ Казани, гдѣ онъ пилъ молоко, а къ чаю возвращался домой. Лѣтомъ онъ ходилъ туда босикомъ, оставивъ сапоги при выходѣ изъ города въ какомъ нибудь укромномъ закоулкѣ кирпичныхъ сараевъ. Въ академіи было много смѣху, когда однажды эти сапоги кто-то у него стащилъ, и по возвращеніи онъ очутился въ большомъ затрудненіи, какъ безъ нихъ пробраться домой на квартиру. На лѣтнія и рождественскія вакаціи онъ каждый годъ ѣздилъ въ Уфу, гдѣ жила и хозяйничала его супруга; путешествіе это онъ совершалъ крайне дешево, гдѣ на лошадяхъ, а гдѣ и пѣшкомъ, по какимъ то ему одному вѣдомымъ сокращеннымъ дорогамъ. Онъ слылъ человѣкомъ скупымъ и тратилъ на себя дѣйствительно очень мало. Скупости этой приписывали и то, что онъ не жилъ вмѣстѣ съ семействомъ, такъ какъ это было дороже. Жена его съ дочерью жили на крѣпостныхъ хлѣбахъ въ Уфѣ, а самъ онъ съ сыномъ въ Казани. На тему объ его скупости ходило много разсказовъ, можетъ быть, даже преувеличенныхъ.

„Какъ профессоръ, А. П. Беневоленскій былъ человѣкъ весьма свѣдущій и любознательный, превосходно зналъ классическіе языки и языкъ нѣмецкій и, не смотря на всю внимательность къ сохраненію своего здоровья и на подвижную жизнь, много занимался изученіемъ нѣмецкой ученой литературы, даже не по одной только своей спеціальности, но и вообще по богословскимъ предметамъ. Его научные взгляды были по тому времени весьма широкіе. Среди тог-

дашняго господства въ академіи преимущественно теоретическо—діалектическаго направленія онъ значительно выдѣлялся своимъ положительнымъ направленіемъ и фактическимъ образованіемъ, и изъ всего штата наставниковъ высшаго отдѣленія только одинъ могъ сообщать студентамъ кое-какія свѣдѣнія о развитіи и состояніи богословской науки на западѣ. Онъ любознательно слѣдилъ даже за такими научными новостями у нѣмцевъ, которыя къ его спеціальнымъ занятіямъ могли относиться только весьма отдаленнымъ образомъ. Напр. онъ первый въ академіи обратилъ вниманіе на сравнительно—историческую и филологическую разработку въ Германіи древнихъ народныхъ миѳологій. Въ 1850-хъ годахъ, уже послѣ своего перевода съ каѳедры церковной исторіи, онъ изучалъ нѣмецкую миѳологію Гримма, о которой въ академіи никто еще не имѣлъ понятія, и заставлялъ студентовъ VIII курса переводить сочиненіе Зеппа „Das Heidenthum“ (1853 г.). Академическіе богословы его времени, крайне робкіе предъ разными противохристіанскими и противоправославными ученіями, приходившіе въ ужасъ при упоминаніи одного имени пресловутаго доктора Штрауса и старавшіеся отъ всѣхъ подобныхъ ученій и страшныхъ именъ отдѣлываться однимъ ихъ замалчиваніемъ, даже не понимали той добродушной смѣлости, съ какой профессоръ Беневоленскій знакомилъ съ опасными нѣмцами студентовъ, и считали его какимъ-то еретикомъ; ректоръ Григорій не разъ дѣлалъ ему за это серьезныя внушенія; плохо впрочемъ понимали его научную откро-

87

вѣнность и сами студенты. по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ считали его тоже какимъ-то проповѣдникомъ либеральныхъ идей. Лекціи его были бы очень интересны и полезны, если бы онъ самъ не портилъ ихъ чрезвычайно безучастной и скучной манерой чтенія, а также своими странностями и оригинальностями. Онъ мало ихъ писалъ, а большею частью передавалъ устно съ помощью какой нибудь руководительной нѣмецкой книги, которую прямо тутъ же въ аудиторіи и переводилъ съ разными комментаріями необычайно варварскимъ языкомъ, иногда забавнымъ, а иногда и досаднымъ по трудности пониманія.

„Библейскую исторію Беневоленскій читалъ по Филарету и по Буддею. Насколько умѣлъ, онъ и этотъ предметъ старался поставить по возможности на научную почву, какъ это ни трудно было при строгомъ религіозномъ пуризмѣ того времени, еще совсѣмъ не привычномъ къ употребленію въ священной исторіи историческихъ пріемовъ. Въ 1851 году ему пришлось выступить передъ публикой съ актовой рѣчью о еврейскомъ государствѣ по начертанію Моисея, которая была составлена имъ по „Mosaisches Recht“ Михаэлиса. Академическая цензура пришла въ большое затрудненіе отъ его историческихъ пріемовъ и терминологіи, напр. отъ сравненія государственнаго законодательства Моисея съ государственными конституціями другихъ народовъ, отъ названій верховнаго первосвященника главнымъ министромъ Царя Бога въ еврейскомъ теократическомъ царствѣ, пророковъ и судей—чиновниками особыхъ порученій Царя, главнаго

книгочія — канцлеромъ, другихъ книгочіевъ — бухгалтерами, контролерами и пр., князей колѣнъ и главъ семействъ — государственными чинами, ихъ собраній — коллегіями и собраніями государственныхъ чиновъ, народнаго собранія — народнымъ сеймомъ и т. д. Все это было тогда слишкомъ ново и странно, чтобы не сказать еще болѣе. Рѣчь не была допущена до печатанія. Много вредилъ онъ себѣ и нѣкоторой аляповатостью въ преподаваніи, и невозмутимой по объективности прямотой, бросавшейся въ глаза и студентамъ. Своеобразныя переводныя выраженія его на лекціяхъ и разныя курьезныя изрѣченія сдѣлались даже предметомъ анекдотовъ. Желая, напр., передать по-русски мысль, что пророкъ Исаія былъ пророкъ особенный, чрезвычайный, получившій сугубую пророческую благодать, онъ выражался, что Исаія былъ „пророкъ экстраординарный, получившій, такъ сказать, двойную порцію благодати".

„Церковную исторію А. П. Беневоленскій читалъ преимущественно по Неандеру. Древняя исторія первыхъ двухъ періодовъ (до Константина и до VII вѣка) излагалась профессоромъ подробнѣе и по всѣмъ принятымъ въ церковныхъ исторіяхъ отдѣламъ; въ дальнѣйшихъ частяхъ онъ останавливался нѣсколько дольше только на болѣе выдающихся въ тотъ или другой періодъ явленіяхъ по части іерархическаго устройства церкви, ея отношеній къ государству и преимущественно по части развитія церковнаго просвѣщенія, вѣроученія ересей и сектъ. На преобладаніе въ его лекціяхъ изслѣдованій о церковномъ просвѣ-

38

щеніи, о ересяхъ и церковной литературѣ имѣла вліяніе по всей вѣроятности та же исторія Неандера. Лекціи этого рода были лучшія и наиболѣе полезныя въ его курсахъ. Такъ онъ довольно долго останавливался на исторіи схоластики, мистицизма и піэтизма; исторія реформаціи и протестантскихъ сектъ была обслѣдована имъ очень подробно: значительное число лекцій подъ конецъ его курсовъ было посвящаемо обозрѣнію новыхъ религіозныхъ движеній на западѣ въ XIX вѣкѣ, о которыхъ кромѣ него студентамъ не сообщалъ еще ни одинъ изъ наставниковъ — богослововъ. О состояніи восточной церкви послѣ раздѣленія церквей и особенно послѣ паденія Константинополя въ его курсахъ сообщалось мало".

Съ 1846 г. библейская исторія была передана особому наставнику, А. П. Владимірскому, и у Беневоленскаго осталась одна церковная исторія. „Подозрительное отношеніе академическаго начальства къ преподаванію Андрея Игнатьевича не только не ослабѣвало, но еще съ годами усиливалось. Въ 1846 г. объ немъ съ такой точки зрѣнія докладывали, кажется, даже ревизору академіи преосвященному Аѳанасію виницкому; по крайней мѣрѣ извѣстно, что ревизоръ отнесся къ нему неблагосклонно. Наконецъ, ректоръ Григорій рѣшился совсѣмъ перевести его съ каѳедры церковной исторіи и въ 1850 году перевелъ его на каноническое право и греческій языкъ, съ порученіемъ ему же преподаванія вновь библейской исторіи". Греческій языкъ А. П. преподавалъ временно — съ 1850 г. въ высшемъ отдѣленіи, по случаю

выхода изъ академіи А. П. Владимірскаго. а съ осени 1851 года по сентябрь 1854—въ обоихъ отдѣленіяхъ—вмѣсто Г. С. Саблукова; въ 1854 г. преподаваніе греческаго языка въ обоихъ отдѣленіяхъ перешло къ А. П. Лилову. Остальные два предмета. перешедшіе къ нему отъ Владимірскаго, Беневоленскій читалъ до сентября 1856 года. Каноническое право при А. П. Владимірскомъ преподавалось особенно подробно съ исторической стороны: Беневоленскій еще болѣе расширилъ историческіе отдѣлы каноники, но за то очень кратко обслѣдовалъ положительное содержаніе ея. Курсы А. П. по канонике были вообще не велики. Большую часть времени онъ употреблялъ обыкновенно на преподаваніе болѣе любимой имъ библейской исторіи, да кромѣ того вообще былъ постоянно обремененъ многопредметностью своихъ классныхъ занятій: не благоволившее къ нему начальство едавало на его руки всякіе остаточные предметы, на которые не хватало людей. Не имѣя возможности, а въ послѣднее время и охоты подготовляться къ лекціямъ, А. П. цѣлые классы по канонике употреблялъ на чтеніе самой Кормчей, Духовнаго Регламента и т. п. По библейской исторіи лекціи Беневоленскаго обнимали главнымъ образомъ времена ветхозавѣтныя.

Переводъ съ каѳедры церковной исторіи на каноникуъ—съ формальной стороны былъ устроенъ такъ, что какъ будто Андрей Игнатьевичъ самъ желалъ этого перевода,—было подано прошеніе отъ его имени; совсѣмъ иначе поступили съ нимъ въ 1853 году. когда ректоръ Парѳеній счелъ за необходимое ввести препо-

даваніе въ академіи священной герменевтики и 13 февраля поручилъ это дѣло все тому же А. И. Беневоленскому, нещадно гонимому начальствомъ профессору. А. И. взялся и за этотъ предметъ, при чемъ до 1854 г читалъ въ обоихъ отдѣленіяхъ, а съ 1854 г. только въ одномъ младшемъ отдѣленіи по какой-то латинской книгѣ, чуть-ли не по старому Рамбахію, прямо тутъ-же, на лекціяхъ, и переводя ее порусски самымъ варварскимъ языкомъ; слова: вещный, вербальный, консеквентный, качествовать и т. п.. такъ и сыпались одно за другимъ къ немалому удовольствію слушателей, впрочемъ любившихъ слушать этого чудака профессора.

Осенью 1856 г. А. И. Беневоленскій долженъ былъ прекратить чтеніе лекцій и по герменевтикѣ, и по каноникѣ.... Ректоръ Агафангелъ относился къ нему еще хуже, чѣмъ прежніе ректора. Разсказывали, что еще осенью 1854 г. онъ доносилъ преосвященному Григорію о преподаваніи профессора Беневоленскаго: „языкъ неслыханный. лекціи сего профессора изобилуютъ множествомъ ересей“, но что преосвященный Григорій, зная профессора, не обратилъ на это донесеніе вниманія. Въ 1855 г. въ августѣ ректоръ поднялъ о Беневоленскомъ крайне придирчивое дѣло по случаю неявки его съ ваката изъ Уфы до 23 августа; изъ академіи въ оренбургское губернское правленіе послано было даже формальное отношеніе о томъ, чтобы загулявшагося профессора выслали къ мѣсту службы. 23 августа онъ явился самъ съ свидѣтельствомъ изъ врачебной управы о болѣзни.

Послѣ перехода преосвященнаго Григорія въ Петербургъ, ректоръ сталъ уже прямо выживать не нравившагося профессора изъ академіи. 20 сентября 1856 года, при новомъ росписаніи лекцій, у него отнята была герменевтика съ канонникой; но такъ какъ А. И. въ это время оканчивалъ 25-лѣтіе своей службы и для полученія пенсіи ему не доставало только нѣсколько мѣсяцевъ, то ректоръ милостиво оставилъ его при академіи дослуживать этотъ срокъ, назначивъ ему для преподаванія библейскую исторію, патрологію и нѣмецкій языкъ. А. И. Беневоленскій зналъ патрологію хорошо, потому что много занимался изученіемъ св. отцовъ еще раньше, когда преподавалъ общую церковную исторію, но теперь уже мало усердствовалъ для своей каѳедры, какъ человѣкъ, обреченный на скорый выходъ изъ академіи, и кое-какъ только дотягивалъ свое время, читая лекціи прямо по Мёлеру.

Въ началѣ 1857 г. Андрей Игнатьевичъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Отъ 29 марта 1857 г. Св. Синодъ уволилъ его отъ службы съ полною пенсіею и мундиромъ, а 26 апрѣля состоялось и самое увольненіе. Онъ вышелъ изъ академіи съ тѣмъ же чиномъ статскаго совѣтника, который получилъ еще въ 1848 году, и съ однимъ знакомъ безпорочной службы. Въ Уфѣ, гдѣ онъ поселился послѣ отставки, А. И. искалъ было себѣ другой службы, потому что обладалъ хорошимъ здоровьемъ и еще вполнѣ свѣжими силами, но не нашелъ никакого подходящаго къ своему чину мѣста и остался жить на покоѣ до самой смер-

ти. Скончался Андрей Игнатьевичъ въ Уфѣ въ 1880 г.

Литературныхъ трудовъ послѣ Андрея Игнатьевича не осталось, кромѣ изданнаго въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1855 г. перевода „Посланія св. Игнатія Богоносца къ Ефесянамъ“.

О Беневоленскомъ см. „Исторія Казанской Духовной Академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870 годы)“, П. В. Знаменскаго. Казань.—Тип. Императ. Университ., 1892 г. 8°, выпускъ 2-й, стр. 183—184, 280—287, 300 и 315—316.—„Исторія Владимір. Духов. Семинаріи“, Кс. Ѳ. Надеждина. Владиміръ. 1875. 8°, стр. 144.—

XVI.

И. А. Манъ.

Ипполитъ Александровичъ Манъ, писатель, одинъ изъ представителей нашей драматической литературы, родился въ губ. гор. Владимірѣ 29-го января 1823 года. Отецъ его, Александръ Христіановичъ, занималъ существовавшую тогда должность виннаго пристава сначала въ гор. Покровѣ, въ уѣздѣ котораго, въ селѣ Войнова-Гора, онъ въ 1822 году и женился на дочери губернскаго секретаря изъ Кашина, Татіанѣ Ивановнѣ Жураковской; изъ Покрова А. Х. перешелъ на службу во Владиміръ и здѣсь родился у него первенецъ Ипполитъ Александровичъ Манъ;

вторымъ сыномъ былъ Николай, если не ошибаемся, и до сего времени здравствующій.

Родители И. А. Манна были люди довольно зажиточные и потому имѣли возможность дать дѣтямъ настоящее образованіе. Ипполитъ Александровичъ обучался сначала во Владимірской гимназіи, по окончаніи курса въ которой поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и закончилъ въ 1845 году высшее образованіе со степенью кандидата историко-филологическаго факультета.

Служебная дѣятельность И. А. Манна началась вскорѣ по окончаніи курса въ университетѣ, и вся она протекла въ Петербургѣ. 16 декабря 1846 года онъ поступилъ въ инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства при бывшемъ I отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. 1-го января 1859 года этотъ департаментъ былъ закрытъ. Вмѣстѣ съ этимъ кончилась въ немъ и служба Манна. Одновременно со службой въ инспекторскомъ департаментѣ, И. А занималъ должность секретаря канцеляріи комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ. Въ 50-хъ годахъ началась его служба и по Министерству Императорскаго Двора: здѣсь онъ постепенно прошелъ всѣ ступени, былъ сначала членомъ, потомъ вице-предсѣдателемъ и, наконецъ, предсѣдателемъ театрально-литературнаго комитета вплоть до 1883 года, когда оставилъ службу въ комитетѣ. Заслуги Ипполита Александровича по службѣ въ комитетѣ стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія: весьма добросовѣстный въ отношеніи своихъ обязанностей, онъ

192

здѣсь дѣлалъ все, что могъ, руководствуясь своими глубокими убѣжденіями и взглядами, выработанными въ теченіе продолжительной литературной дѣятельности. Очень часто у насъ, нападая на извѣстныя учрежденія, попутно осуждаютъ и служащихъ въ нихъ: такъ было и съ П. А. Маниомъ: въ то время часто раздавались нападки на театрально-литературный комитетъ, указывали на малую его пригодность, и кстати доставалось и Ипполиту Александровичу, но онъ этого положительно не заслуживалъ, потому-что дѣлалъ свое дѣло, и только. Какъ бы то ни было, все же заслуги его въ свое время были оцѣнены по достоинству и онъ съ 25 апрѣля 1867 г. до самой смерти своей состоялъ въ званіи почетнаго члена конференціи Императорскаго С.-Петербургскаго театральнаго училища.

Въ 60-хъ годахъ П. А., помимо государственной службы, очень долго исполнялъ обязанности секретаря петербургскаго биржеваго комитета. Съ 1870 г. Манъ началъ занимать болѣе отвѣтственныя должности: съ 1 января 1870 г. по 7 марта 1890-го онъ служилъ въ государственной канцеляріи, причемъ занимая въ ней разныя должности, завѣдывалъ, въ качествѣ статсъ-секретаря, казначейскою частью, по управленію Маріинскаго дворца, по составленію всеподданнѣйшихъ отчетовъ по государственному совѣту, и принимая дѣятельное участіе въ разныхъ комитетахъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ несложный формулярный списокъ П. А. Мана: въ этихъ тѣсныхъ рамкахъ, однако, заключена почти полувѣковая государ-

ственная служба человѣка, всегда добросовѣстно относившагося къ своимъ, иногда очень важнымъ, служебнымъ обязанностямъ. Человѣкъ съ выдающимися способностями, И. А. Маннъ могъ бы играть и болѣе значительную роль въ служебной іерархіи, если бы не мѣшали ему разныя обстоятельства, въ которыхъ онъ не былъ виноватъ вовсе.

Не смотря на обязанности государственной службы, Ипполитъ Александровичъ находилъ возможность удѣлять время и литературнымъ работамъ, и особенно много театру. Свою литературную дѣятельность И. А. Маннъ началъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ конца 40-хъ годовъ при редакціи Амплія Никол. Очкина. Въ этомъ изданіи И. А. писалъ рецензіи о новыхъ книгахъ, музыкальные фельетоны, которыми особенно прославился, нѣкоторое время петербургскую лѣтопись и другія статьи. Указать все написанное Ипполитомъ Александровичемъ въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ“ почти нѣтъ никакой возможности, такъ какъ большая часть статей его напечатана анонимно, а другая подписана только иниціалами: И. А. М., и по незначительному объему и по значенію только въ данное время теперь едва ли могутъ эти статьи имѣть значеніе. Подпись—И. А. М.-встрѣчается въ 1849—1850 годахъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ видимъ Манна сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“,—такъ, въ объявленіи отъ редакціи за 1852 г. сказано, что въ отдѣлѣ „Библіографическая Хроника“ принимаетъ участіе и И. А. Маннъ; кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“, „Жи-

вописномъ Сборникѣ“ и „Сынѣ Отечества“; въ 60-хъ годахъ, какъ театральный и музыкальный критикъ и рецензентъ новыхъ книгъ, И. А. Манъ сотрудничалъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Голосѣ“. Въ 60-хъ же годахъ появились въ печати, были поставлены на сцену и доставили автору ихъ почетную извѣстность три большія комедіи, — это — „Паутина“. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ („Русскій Вѣстникъ“ 1865 года, № 9, стр. 174—349, и отд.: Спб., 1867 г. 8^0. Изд. М. О. Вольфа), „Говоруны“, комедія въ 4 дѣйствіяхъ („Рус. Вѣстн.“ 1868 г., № 2, стр. 443—553, и отд. — Спб., 1868 г. 8^0. Изд. Кожанчикова) и „Общее благо“, комедія въ 4 дѣйствіяхъ и 5 картинахъ („Рус. Вѣстн.“ 1870 г., № 1, стр. 60—165, и отд. М., 1870 г. 8^0). Въ этихъ своихъ большихъ комедіяхъ Манъ затрогивалъ наши больныя мѣста. Такъ, въ „Паутинѣ“ онъ талантливо очертилъ бомондъ провинціальнаго города съ его сплетнями; въ „Говорунахъ“ коснулся фразерства, этой модной болѣзни административныхъ кружковъ конца шестидесятыхъ годовъ, а въ „Общемъ благѣ“ далъ исторію губернскаго туза, заботящагося объ общемъ благѣ и запускающаго свои руки въ казенный сундукъ.

Послѣ этого наступилъ продолжительный перерывъ въ литературной дѣятельности Ипполита Александровича и только въ болѣе послѣднее время онъ написалъ еще три пьесы, которыя хотя и были бойки и сценичны, но уже не имѣли почти никакого серьезнаго значенія. Это — „Семья Жирцовыхъ“, комедія въ

5 дѣйствіяхъ—(М., литографія С. Разсохина, 1879 г., 4°. 153 стр.), вышедшая подъ псевдонимомъ П. Б. Агаповъ, „Прелестная незнакомка", шутка, подъ псевдонимомъ Макаровъ, и „Наши пятницы".

Скончался Ипполитъ Александровичъ Маннъ 10 декабря 1894 года.

„Смерть Манна, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, прошла почти незамѣченной, а между тѣмъ онъ, столько поработавшій на своемъ вѣку для родной литературы, имѣлъ всѣ права на болѣе внимательное отношеніе къ его памяти, къ оцѣнкѣ его заслугъ. Прежде всего это—писатель былъ талантливый и честный, уважавшій печатное слово, вѣрный своему призванію, литераторъ въ лучшемъ значеніи слова, и при томъ старый литераторъ, свято хранившій традиціи славнаго прошлаго литературы. Любимый ученикъ профессора С. П. Шевырева, извѣстнаго писателя, одинъ изъ усерднѣйшихъ слушателей и поклонниковъ незабвеннаго Т. Н. Грановскаго, И. А. Маннъ могъ похвалиться своимъ превосходнымъ образованіемъ и начитанностью, любовью ко всему изящному и высоко развитыми эстетическими вкусами. Человѣкъ большаго ума, съ сатирическимъ оттѣнкомъ, съ огромной наблюдательностью и выдающимися способностями, И. А. Маннъ, какъ авторъ нѣсколькихъ пьесъ, служилъ идеѣ, всегда полонъ былъ благородныхъ стремленій и безспорно сослужилъ хорошую службу русской сценѣ, явившись весьма выдающимся драматургомъ обличительнаго направленія, вызваннаго событіями шестидесятыхъ годовъ. Шестидесятые годы,

безспорно, были освѣжающей струей и въ обществѣ нашемъ, и въ литературѣ, но въ прогрессивномъ движеніи этой эпохи было достаточно явленій ненормальныхъ, комическихъ, уродливыхъ и прямо вредныхъ. И. А. Маннъ трезво взглянулъ на событія этихъ дней, хорошо взвѣсилъ ихъ и съ полнымъ гражданскимъ мужествомъ выступилъ со своими комедіями, давъ въ нихъ должное освѣщеніе увлеченіямъ упомянутаго времени и назвавъ должнымъ именемъ дѣйствія большинства „шестидесятниковъ". Его „Паутина", „Говоруны" и „Общее благо",—безспорно, выдающіяся драматическія произведенія, написанныя прекрасно, съ огромнымъ знаніемъ сцены, помимо мысли, и отличающіяся вѣрнымъ изображеніемъ жизни. У И. А. Манна много было врожденнаго остроумія, непосредственнаго юмора и чуткости; обладая, кромѣ того, рѣдкой способностью мѣтко характеризовать извѣстное явленіе, извѣстный типъ часто двумя—тремя словами, онъ говорилъ много прекрасныхъ экспромтовъ и писалъ юмористическіе стихи на разныя злобы дня, ходившіе по рукамъ и пользовавшіеся большимъ успѣхомъ. Рѣдко кто умѣлъ такъ зло и ядовито осмѣять все достойное смѣха и порицанія, как Ипполитъ Александровичъ. Эта способность писателя очень ярко отражалась въ большинствѣ его рецензій и отчетовъ о новыхъ книгахъ и новыхъ литературныхъ явленіяхъ. Слогъ у него былъ образцовый, слогъ старыхъ писателей, умѣвшихъ держать перо въ рукѣ, не затруднявшихся въ подборѣ удачныхъ выраженій и блестящихъ сравненій..."

О Манѣ см. „Рус. Вѣдом.“ 1894, № 351.— „Правительствен. Вѣстн.“ 1894 г., № 272.—„Новое Время“ 1894, № 6750.—„Всемірная Иллюстрація. т. 53, № 1355 (1895 г., № 3), стр. 50—51 (съ портретомъ).—„Историч. Вѣстн.“ 1895 г., № 2, стр. 683.—

XVII.

Д. А. Смирновъ.

Дмитрій Александровичъ Смирновъ, біографъ извѣстнаго русскаго писателя А. С. Грибоѣдова и авторъ нѣсколькихъ беллетристическихъ произведеній, по происхожденію—дворянинъ Владимірской губерніи, сынъ прапорщика Александра Дмитріевича и жены его Варвары Семеновны, родился 4 августа 1819 года въ родовомъ имѣніи Сущевѣ, принадлежащемъ къ приходу села Сновицъ (бывшаго монастыря), Владимірскаго уѣзда.

Основательно подготовленный дома, Д. А. обучался во Владимірской гимназіи, изъ которой въ 1837 г. поступилъ въ Императорскій Московскій Университетъ, гдѣ въ 1841 году и окончилъ курсъ со званіемъ дѣйствительнаго студента. Почти черезъ годъ по окончаніи курса, 2 апрѣля 1842 года Д. А. Смирновъ началъ службу въ скромной должности канцелярскаго чиновника въ канцеляріи Орловскаго гражданскаго губернатора. Но зачисленіе въ губернаторскую канцелярію было только номинальное, такъ какъ Дмитрій Александровичъ 11 апрѣля того же года по

предложенію сенатора, назначеннаго по Высочайшему повелѣнію для ревизіи Орловской и Калужской губерній, былъ откомандированъ къ нему для занятій, и вскорѣ послѣ этого былъ утвержденъ правительствующимъ сенатомъ въ чинѣ губернскаго секретаря, со старшинствомъ со дня опредѣленія на службу. Окончивъ ревизію Орловской губерніи, сенаторъ приступилъ къ ревизіи Калужской, и Дмитрій Александровичъ былъ переведенъ въ канцелярію Калужскаго губернатора 10 февраля 1843 г., съ откомандированіемъ для занятій къ тому же сенатору.

Благодаря занятіямъ по ревизіи, Д. А. Смирновъ, только-что сошедшій съ университетской скамьи, имѣлъ возможность всесторонне ознакомиться со строемъ государственной службы въ губерніяхъ, съ существовавшими порядками, свычаями и обычаями; занятія столкнули его съ массой разнородныхъ лицъ, жизнь которыхъ въ провинціи была до безконечности разнообразна и по большей части жалка. Яркую картину тогдашняго быта находимъ въ „Губернскихъ очеркахъ“ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отличаясь тонкой наблюдательностью, пытливымъ умомъ, Дмитрій Александровичъ изъ временной службы вынесъ массу свѣдѣній о житьѣ-бытьѣ народномъ, и это знакомство сослужило ему добрую службу въ дальнѣйшей жизни.

Какъ относился Д. А. Смирновъ къ исполненію своихъ обязанностей, видно изъ засвидѣтельствованія о немъ ревизора—сенатора, помѣщеннаго, по предложенію послѣдняго, въ формулярный списокъ Дмитрія

Дмитрій Александровичъ Смирновъ.
(Родился 4 августа 1819 г., скончался 29 января 1866 г.).

Александровича. Предложеніемъ отъ 6 сентября 1843 года сенаторъ, ревизовавшій по Высочайшему повелѣнію Калужскую губернію, давая знать, что онъ признаетъ необходимо нужнымъ оставить Смирнова еще при себѣ, для сдачи въ архивъ Правительствующаго Сената большаго количества дѣлъ, бывшихъ въ его завѣдываніи, предложилъ показывать его въ командировкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавая совершенную справедливость благонамѣренности и способностямъ его, свидѣтельствовалъ, что губернскій секретарь Смирновъ исполнялъ многія весьма важныя возложенныя на него порученія съ отличнымъ усердіемъ, неутомимою дѣятельностію и ревностью.

Ревизіи были окончены и Д. А. Смирновъ 13-го марта 1844 года по разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ былъ уволенъ въ отставку изъ канцеляріи Калужскаго губернатора и отправился на родину. Здѣсь въ январѣ (31-го числа) 1845 г. Дмитрій Александровичъ былъ утвержденъ по выборамъ дворянства въ должности дворянскаго засѣдателя Владимірской Палаты гражданскаго суда, гдѣ и прослужилъ шесть лѣтъ. Какъ опытному чиновнику, Д. А. часто поручалось исполненіе и другихъ обязанностей. Такъ, по требованію Владимірскаго Губернскаго Правленія онъ командированъ былъ въ это Правленіе для исправленія должности совѣтника съ 23 сентября по 8-е октября 1845 года; по предложенію Владимірскаго гражданскаго губернатора отъ 30 мая 1847 г. и по распоряженію Палаты гражданскаго суда 2 іюня командированъ былъ въ коммиссію, уч-

режденную для изслѣдованія дѣйствій опекуновъ и мѣстныхъ властей по управленію имѣніемъ малолѣтнихъ Баташовыхъ, гдѣ и находился по 22-е іюля 1847 г.; въ томъ же году, съ 29 іюля по 1 сентября Смирновъ опять исправлялъ должность совѣтника Владимірскаго Губернскаго Правленія, а въ 1849 году, съ 16 февраля по 15 марта на него возложено было исправленіе должности предсѣдателя Владимірской палаты гражданскаго суда.

Нельзя не обратить вниманія, что въ то время, когда Дмитрію Александровичу поручалось исполненіе такихъ отвѣтственныхъ должностей, какъ совѣтника правленія, предсѣдателя палаты, ему не было и 30 лѣтъ отъ роду. Несомнѣнно, двухлѣтнія занятія при сенаторѣ—ревизорѣ не прошли даромъ, Д. А. Смирновъ былъ на службѣ во Владимірѣ „уже умудрённый опытностью", чему, конечно, не мало способствовало и полученное высшее образованіе, въ тѣ времена не такъ часто встрѣчаемое среди чиновниковъ, какъ нынѣ.

Въ награду по службѣ, съ окладомъ жалованья только 280 руб. въ годъ, Д. А. въ 1846 г. произведенъ былъ въ коллежскіе секретари, а въ февралѣ 1850 г. въ титулярные совѣтники.

Въ январѣ 1851 года Д. А. Смирновъ взялъ отпускъ на 28 дней, изъ котораго ему уже не пришлось возвратиться на службу, такъ какъ 26 января долженъ былъ выбыть изъ должности дворянскаго засѣдателя за вступленіемъ вновь избранныхъ въ палату гражданскаго суда членовъ.

Оставшись „не у дѣлъ“, Дмитрій Александровичъ приступилъ къ не менѣе важному дѣлу, чѣмъ служба: какъ родственникъ автора безсмертной комедіи „Горе отъ ума“, Александра Сергѣевича Грибоѣдова, онъ началъ приводить въ порядокъ матеріалы для біографіи Грибоѣдова и для возстановленія подлиннаго текста комедіи. Какъ извѣстно, „Горе отъ ума“, первоначально изданное съ пропусками, до половины 50-хъ годовъ не имѣло полнаго изданія, а жизнь автора этой комедіи, слишкомъ кратковременная, нуждалась въ установленіи многихъ фактовъ. Д. А. Смирновъ и занялся собираніемъ нужныхъ матеріаловъ; съ этой цѣлью онъ еще въ 1841 году старательно началъ собирать всѣ устныя преданія и разсказы современниковъ о Грибоѣдовѣ,—при чемъ особенно много сообщили ему свѣдѣній Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ, докторъ Іона, сестра Грибоѣдова Марья Сергѣевна и др., а въ то же время старался достать всякаго рода бумаги, касающіяся Грибоѣдова, и подлинныя его рукописи, что, какъ родственнику, ему отчасти и удалось. Теперь, на свободѣ, Д. А. и занялся приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ полученныхъ матеріаловъ. Собранныя Дмитріемъ Александровичемъ біографическія свѣдѣнія о Грибоѣдовѣ такъ подробны и точны, что ими, какъ несомнѣнными, пользуются всѣ біографы знаменитаго автора не менѣе знаменитой комедіи, а матеріалы Смирнова для комедіи „Горе отъ ума“, представляющіе, по словамъ П. А. Шляпкина, „сводный текстъ—работу одного изъ лучшихъ знатоковъ Грибоѣдова, съ первоначальнымъ

текстомъ комедіи и обширнымъ введеніемъ", служили и служатъ однимъ изъ основныхъ текстовъ для изданія „Горя отъ ума." При жизни своей Д. А. опубликовалъ только часть собраннаго матеріала — „А. С. Грибоѣдовъ. Черновая тетрадь Грибоѣдова, съ письмами и неизданными отрывками". Статьи I и II. („Русское Слово", 1859 г., № 4, отд. 1, стр. 1—82, и № 5, отд. 1, стр. 9—116); къ первой статьѣ въ № 6 того же журнала (отд. III, стр. 68—70) была напечатана „поправка"; послѣ уже смерти Д. А. Смирнова напечатана была другая часть собраннаго матеріала — „Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ" („Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности". М., 1868 г., вып. 2, отд. 2, стр. 4—30). Но это не все, что было собрано Дмитріемъ Александровичемъ: часть собраннаго матеріала (довольно большая) погибла во время пожара въ имѣніи Смирнова, въ Сущевѣ (послѣ смерти Д. А., около 70-го года), уничтожившаго и всю богатую библіотеку, а часть находится либо въ частныхъ рукахъ, либо въ различныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Большая часть подлинныхъ рукописей поэта Грибоѣдова погибла во время пожара.

Въ знаменитую эпоху начала 60-хъ годовъ, когда все свѣтлое, живое стремилось принести свою посильную помощь начавшимся преобразованіямъ, и Дмитрій Александровичъ Смирновъ уже не могъ и не хотѣлъ оставаться безъ дѣла и поступилъ въ составъ первыхъ мировыхъ посредниковъ, гдѣ для честнаго, просвѣщеннаго и сочувствующаго реформамъ дѣятеля откры-

валось много симпатичнаго дѣла. Къ сожалѣнію, здѣсь Д. А. пришлось работать не такъ долго,—въ 1866 году предполагались выборы предводителей дворянства, Дмитрій Александровичъ, говорятъ, былъ намѣченъ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ, но неумолимая преждевременная смерть разрушила всѣ планы.

Служа мировымъ посредникомъ, Д. А. Смирновъ не былъ только формальнымъ исполнителемъ,—его каждое дѣло интересовало. какъ свое собственное; частью изъ своихъ наблюденій онъ успѣлъ подѣлиться и печатнымъ путемъ,—такъ, въ „Эпохѣ“ 1864 г. онъ напечаталъ „Отрывки изъ записокъ мироваго посредника. I. Исторія о 1000 рубляхъ и булыжныхъ камняхъ.—II. Дворовые люди“ (№ 8, стр. 1—52), подъ псевдонимомъ *Владиміръ Нартскій;* продолженіе „Отрывковъ“ было и въ 1865 г. („Эпоха“, 1865 г., № 2). Въ томъ же журналѣ Д. А. уже подъ своей фамиліей еще напечаталъ—„Изъ старинной бывальщины. I. Майданы.—II. Полотенце.—III. Меркулычъ“ („Эпоха“, 1864 г., № 12. стр. 1—62). Еще ранѣе напечатанія этихъ беллетристическихъ произведеній, Д. А., по словамъ одного некролога, написалъ нѣсколько повѣстей и разсказовъ изъ народнаго быта въ „Русской Бесѣдѣ“. но намъ отыскать ихъ не удалось; въ общемъ нужно сказать, что Д. А. Смирновъ. какъ писатель, былъ мало извѣстенъ публикѣ, потому что рѣдко подписывался подъ своими статьями. За статьи о Грибоѣдовѣ русская литература никогда его не забудетъ.

Дмитрій Александровичъ Смирновъ скончался въ

своемъ имѣніи Сущевѣ 29 января 1866 года, на 47 году жизни, „отъ простудной болѣзни".

О Смирновѣ см. (краткія свѣдѣнія) „Книжный Вѣстникъ" 1866 г., № 5.—„Иллюстр. Газета", 1866, № 14, стр. 224.—„Мѣсяцесловъ" на 1867 г., въ приложеніи стр. 101.—„Рус. Архивъ" 1868, № 12, столб. 2019 (Г. Н. Геннади).—Большинство свѣдѣній получено нами отъ Юрія Дмитріевича Смирнова, которому и приносимъ нашу благодарность.

XVIII.

П. А. Александровъ.

Петръ Александровичъ Александровъ, небезъизвѣстный химикъ и технологъ, родился въ гор. Владимірѣ на-Клязьмѣ, 29 іюня 1816 года. Онъ происходилъ отъ крѣпостнаго крестьянина—дворoваго человѣка Александра Александрова, принадлежавшаго въ первой четверти настоящаго столѣтія дому помѣщика коллежскаго ассесора Дмитрія Петровича Дурова. Этотъ дворовый человѣкъ съ женою своей Марьею Васильевой, надо полагать, пользовались особыми милостями, такъ какъ воспріемниками рожденнаго сына Петра пожелали быть его сіятельство дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ князь Михаилъ Петровичъ Волконскій и Измайльскаго полка гвардіи капитана Сергѣя Петровича Мусина-Пушкина жена Екатерина Дмитріевна.

О дѣтствѣ П. А. Александрова никакихъ свѣдѣ-

ній не сохранилось, но не подлежитъ сомнѣнію, что высокопоставленные крестные отецъ и мать дали возможность мальчику получить надлежащее воспитаніе и образованіе,—родному отцу, дворовому человѣку, едвали было бы это подъ силу. Благодаря такому случайно-счастливому покровительству, Петръ Александровичъ, несомнѣнно отъ природы даровитый, съ успѣхомъ кончивъ курсъ въ гимназіи, въ 1835 г. поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и кончилъ въ 1839 году курсъ со степенью кандидата 2 отдѣленія философскаго факультета.

По окончаніи университетскаго курса, П. А Александровъ былъ оставленъ при университетѣ для занятій химіей и съ цѣлью усовершенствованія въ этой наукѣ и технологіи въ 1840 году на средства Московской 3-ей гимназіи былъ отправленъ въ С.-Петербургъ и Дерптъ, гдѣ и занимался подъ руководствомъ профессоровъ Геймана, Гесса и Гебеля. По возвращеніи въ Москву въ 1843 г., Петръ Александровичъ былъ опредѣленъ въ томъ же году въ 3-ю гимназію, открытую въ 1839 году, старшимъ преподавателемъ химіи и технологіи, курсъ обученія которымъ начинался съ послѣднихъ классовъ. Какъ опытный преподаватель, П. А. былъ приглашаемъ для преподаванія и въ другія учебныя заведенія Москвы,—такъ, съ 1847 г. онъ читалъ химію и технологію въ Московской Земледѣльческой Школѣ, технологію и товаровѣдѣніе—въ Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ (1852—1857 гг.), механическую технологію—въ Московскомъ ремесленномъ учеб-

помъ заведеніи; кромѣ того, въ 1852 году Петръ Александровичъ читалъ при Московскомъ университетѣ публичный курсъ фабричной обработки волокнистыхъ веществъ.

Какъ преподаватель, П. А. Александровъ образовалъ многихъ химиковъ, которые на частныхъ заводахъ занимали потомъ тѣ мѣста, на которыхъ прежде служили иностранцы: Преподаваніе онъ велъ по собственнымъ запискамъ, а для технологіи издалъ собственное руководство. Къ 1849 году относится и первое печатное произведеніе Петра Александровича,— это—„О причинахъ быстрыхъ успѣховъ мануфактурныхъ производствъ въ настоящее время. Рѣчь на Торжественномъ Собраніи Московской 1-й реальной гимназіи 31 августа 1849 года“ (М., Университ. тип., 1849 г. 4°. 31 стр.). Въ 1852 году П. А. представилъ въ Московскій университетъ разсужденіе на степень магистра химіи „О сѣрной кислотѣ въ химико-техническомъ отношеніи“ (М., тип. Универ., 1852. 8°. 4 нен.+118 стр.+1 листъ чертежей), за которое въ 1853 году и удостоенъ искомой степени. Въ томъ же году онъ издалъ 1-ю часть руководства—„Опытъ сельской технологіи. Съ 57 рисунками.“ (М. Универ. тип., 1853. 8°. 2 нен.+IV+408 стр.), 2-я часть котораго (съ 30 рисунками) была издана въ слѣдующемъ году (М., Унив. типогр., 1854, 8°. 2 нен.+312+11 стр.). Эта книга долгое время служила учебнымъ руководствомъ въ нѣкоторыхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ трудъ опытнаго преподавателя технологіи, руководив-

шаго занятіями учениковъ не только въ гимназіи, но и въ Практической академіи. Въ 1852 году Петръ Александровичъ былъ избранъ въ члены Московскаго Общества сельскаго хозяйства, а въ 1854 г.—членомъ-сотрудникомъ Казанскаго Экономическаго Общества.

Кромѣ указанныхъ печатныхъ трудовъ, вышедшихъ отдѣльно, П. А. Александровъ сотрудничалъ и въ періодическихъ изданіяхъ, какъ хорошій знатокъ химіи и технологіи, отзываясь на всѣ явленія въ области приложенія этихъ наукъ къ промышленности. Такъ, имъ напечатано: „Объ измѣненіяхъ температуры во время полнаго солнечнаго затмѣнія, бывшаго въ 1851 году“ („Моск. Вѣд.“ 1851 года.); „Обозрѣніе выставки мануфактурныхъ издѣлій въ Москвѣ 1853 г.“ („Современникъ“, 1853 г., т. 41, науки,—№ 7, стр. 1, и № 8, стр. 95, за подписью П. А.); „Приложеніе электро-магнетизма къ Жаккардову станку“ („Вѣстникъ Естеств. Наукъ“ 1854 г.); въ „Сельскомъ Хозяйствѣ“ 1854 г.—„О дубленіи тканей“; въ 1858 г. онъ напечаталъ: „О современномъ освѣщеніи въ его различныхъ видахъ“ („Экономич. Указатель“, годъ 1 и 2 (1858); „Сенъ-Клеръ Девилль и его открытія“ („Вѣстникъ естеств. наукъ“); „Парафинъ и парафиновыя свѣчи“, („Рус. Вѣстникъ“, 1858, № 12, іюнь, кн. 2, совр. лѣтоп., стр. 410) и въ „Промышленномъ Листкѣ“ — „Обзоръ работъ и открытій по красильному дѣлу въ 1857 году“, „Обзоръ работъ и открытій по набивному искусству“ и „Состояніе бѣльнаго искусства въ настоя-

щее время". Кромѣ указаннаго, Петръ Александровичъ помѣстилъ множество статей и рецензій по химіи, технологіи, агрономіи и естествознанію въ „Рус. Вѣстникѣ" (1856 и 1858 г.г.—рецензіи), „Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ", „Экономич. Указателѣ", „Отечеств. Запискахъ" (1858 и 1859 г.г.—рецензіи) и другихъ газетахъ и журналахъ 50-хъ годовъ. Наконецъ, онъ принималъ участіе въ „Энциклопедическомъ Словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами", гдѣ его статьи подписаны инціалами П. А.—Если отмѣтить, что былъ выпущенъ имъ въ литографированномъ видѣ „Курсъ неорганической химіи" для воспитанниковъ Московской земледѣльческой школы и что онъ участвовалъ въ составленіи аналитическаго каталога сельско-хозяйственной выставки въ Москвѣ 1852 г., то этимъ и заканчиваются нами свѣдѣнія о произведеніяхъ Петра Александровича.

Въ 1857 году Петръ Александровичъ назначенъ былъ инспекторомъ той же 3-й гимназіи и оставался въ этой должности до 1863 года. Съ 1863 г. до 1866 года онъ занималъ мѣсто окружнаго инспектора Московскаго учебнаго округа и 18 Января 1866 года назначенъ былъ директоромъ все той же 3-й московской гимназіи, каковую должность занималъ до самой смерти.

Директорство Петра Александровича продолжалось менѣе двухъ лѣтъ, и въ виду этой краткости времени онъ не могъ оказать ощутительнаго вліянія на строй жизни въ гимназіи, тѣмъ болѣе, что самъ почти все

время былъ больнымъ человѣкомъ. Дѣла гимназіи отъ того, однако, нисколько не пострадали, потому что П. А. Александровъ, хорошо знакомый со строемъ жизни ввѣренной ему гимназіи по прежней службѣ въ ней, тѣмъ болѣе, что самъ принималъ непосредственное участіе въ выработкѣ этого строя сначала какъ преподаватель, потомъ какъ инспекторъ, онъ при занятіи должности директора не могъ иначе отнестись къ установившимся порядкамъ въ гимназіи, какъ принявъ ихъ цѣликомъ. Дѣйствительно, и постановка преподаванія, и способъ производства испытаній, и мѣры къ поддержанію доброй нравственности среди учениковъ оставались при Петрѣ Александровичѣ тѣми же, какъ и при его предшественникѣ, В. П. Грифцовѣ.

Въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ, могшихъ въ свое время оставить въ сослуживцахъ П. А. Александрова неблагопріятное о немъ мнѣніе, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь небольшой отрывокъ изъ „Краткаго историческаго очерка“ гимназіи, характеризующій Петра Александровича какъ директора. „Главное вниманіе новаго начальника должно было сосредоточиться на томъ преобразованіи, которое переживала въ это время (3-я) гимназія вслѣдствіе постановленія 1865 года. Съ каждымъ годомъ открывались классы съ преподаваніемъ по новому уставу реальныхъ гимназій, и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно закрывались классы какъ прежняго реальнаго отдѣленія, такъ равно и классическаго курса. Одновременное существованіе въ гимназіи различныхъ курсовъ, несомнѣнно, крайне усложняло управленіе гимназіею.

„Нужно къ этому присоединить также и то, что прежніе либеральные взгляды на воспитаніе начали въ это время уступать мѣсто болѣе строгимъ требованіямъ: надъ преподаваніемъ учрежденъ бдительный надзоръ; такъ, профессору университета П. М. Леонтьеву поручено въ 1867 году наблюденіе за преподаваніемъ латинскаго языка Но уже и прежде, вслѣдствіе Высочайшаго рескрипта 13 мая 1866 года, министръ циркуляромъ предписалъ попечителямъ округовъ принять всѣ мѣры для поддержанія власти и уваженія къ закону. для охраненія коренныхъ основъ вѣры, нравственности и порядка.“ Для достиженія указанныхъ цѣлей (говорится въ циркулярѣ), первымъ долгомъ всѣхъ состоящихъ въ учебной службѣ должно быть точное, неослабное и неукоснительное исполненіе обязанностей, предписываемыхъ общими законами государства и частными постановленіями министерства“. Начальникамъ учебныхъ заведеній рекомендованъ неусыпный надзоръ за поведеніемъ учащихся и постоянное и строгое наблюденіе за преподаваніемъ. Отношенія между начальникомъ гимназіи и преподавателями въ силу этого циркуляра измѣнялись: прежнимъ товарищескимъ отношеніямъ болѣе не могло быть мѣста. Нѣтъ моментовъ въ общественной жизни болѣе затруднительныхъ, болѣе опасныхъ. какъ тѣ, когда прежде сложившіяся отношенія должны уступать мѣсто инымъ, часто совершенно противоположнымъ: отъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, требуется въ это время особый тактъ, особенно тщательная осмотрительность. Выдвинувшись изъ ряда другихъ препода-

вателей главнымъ образомъ своими спеціальными знаніями, Петръ Александровичъ оказывался часто въ весьма затруднительномъ положеніи. Дѣло въ томъ, что еще ранѣе, въ бытность свою преподавателемъ, а затѣмъ инспекторомъ, онъ по временамъ бывалъ раздражителенъ, но вспыльчивость его проходила тогда весьма скоро, а сослуживцы охотно все прощали ему ради обычнаго его благодушія и истинно-товарищескихъ къ нимъ отношеній; при томъ же еще въ то время извѣстно было, что онъ страдаетъ болѣзнью печени. Съ теченіемъ времени болѣзненность и раздражительность увеличивались, и вотъ если принять это во вниманіе, то понятно будетъ, что ему представлялось иногда отступленіе отъ закона тамъ, гдѣ его не было, казались противниками власти и небрежными слугами тѣ, которые только иначе, чѣмъ онъ, понимали свои обязанности. Отсюда много непріятныхъ, часто бурныхъ столкновеній, которыя еще болѣе обостряли отношенія и при томъ еще болѣе разстраивали и безъ того разшатанное здоровье Петра Александровича".

По словамъ Я. И. Вейнберга, бывшаго при Петрѣ Александровичѣ инспекторомъ, а потомъ, послѣ его смерти, директоромъ гимназіи,—это былъ человѣкъ съ превосходнымъ образованіемъ, чрезвычайно начитанный и съ разносторонними познаніями, чему много способствовала его огромная память.

Упомянутая нами выше болѣзнь печени съ теченіемъ времени приняла острую форму и Петръ Александровичъ Александровъ скончался въ Москвѣ 10 ноября 1867 года.

Объ Александровѣ см. „Энциклопедическій Словарь, составленный русскими учеными и литераторами“, подъ редакц. П. А. Лаврова. Спб., тип. И. Глазунова, 1861. Т. 3-й. 8°. стр. 101. (М. К., т.-е. М. Я. Киттары).— „Иллюстриров. Газета“ 1867 г. № 49.—„Москов. Вѣдом.“ 1867 г., № 251.—„Рус. Архивъ“ 1869 г., № 11—12, столб. 1985. (Г. Н. Геннади).—„Справочн. словарь о рус. писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ“, Г. Н. Геннади. Т. I-й. Берлинъ, тип. Розенталя и К°. 1876. 8°, стр. 17.—„Критико-біографич. словарь рус. писателей и ученыхъ“, С. А. Венгерова. Вып. 8. (т I-й). Спб., тип. Ефрона, 1887, 8°, стр. 362.—„Краткій историч. очеркъ 50-лѣтія Московской III гимназіи“. П. А. Виноградова. М., тип. Левенсона и К°, 1889. 8°, стр. 78—81 и тамъ же, въ приложеніи, „Воспоминанія“ Я. П. Вейнберга, стр. 31.—„Русскія книги. Съ біографич. данными объ авторахъ и переводчикахъ“. С. А. Венгерова. Т. I, вып. IV. Спб., тип. Винеке, 1896 г., 8°. стр. 150—151.—„Русскій біографическій словарь“. Т. I. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. Спб., тип. Скороходова. 1896. 8°, стр. 125—126.—

XIX.

Я. В. Смирновъ.

Яковъ Васильевичъ Смирновъ, авторъ многихъ извѣстныхъ руководствъ по латинскому языку, „Московскій Цицеронъ", родился въ погостѣ Омутцѣ-Пестьянскомъ, Владимірскаго уѣзда и губерніи, гдѣ отецъ его, Василій Ѳедоровъ, былъ дьякономъ.

Омутецъ-Пестьянскій погостъ изстари былъ большимъ приходомъ, съ многочисленнымъ причтомъ; отецъ Якова Васильевича въ 1799 году наслѣдовалъ мѣсто отца своего, тоже дьякона, которое послѣ сдалъ своей дочери. Стало быть, у о. дьякона Василія Ѳедорова (безъ фамиліи) было мѣсто, такъ сказать, уже насиженное и по-сельски довольно устроенное. Въ наше время въ этомъ погостѣ о. дьяконъ жилъ бы „безъ нужды и заботъ", но не то было почти сто лѣтъ тому назадъ: приходъ былъ хотя и большой, но бѣдный, дававшій довольно скудныя средства къ содержанію. Къ довершенію всего, семейство отца діакона все прибавлялось, а средства уменьшались, такъ какъ старшимъ дѣтямъ пришло время давать образованіе. Сынъ Яковъ, родившійся 9 октября 1806 года, былъ уже третьимъ; появленіе его на свѣтъ вызвало горькія думы въ отцѣ: о. дьяконъ хорошо понималъ критическое и безпомощное положеніе своей семьи,— простыя, житейскія соображенія логически подсказывали ему, что средствъ и силъ его не хватитъ на то,

чтобы всѣмъ дѣтямъ дать надлежащее образованіе. Яковъ былъ и не послѣднимъ дѣтищемъ, родились и еще, и уже въ такое время, когда содержаніемъ старшихъ двухъ сыновей въ школѣ Василій Ѳедоровичъ былъ доведенъ почти до нищеты. Въ такую-то несчастную пору блеснулъ, какъ казалось о. діакону, лучъ на счастливый выходъ: одинъ изъ зажиточныхъ прихожанъ, не имѣвшій дѣтей, просилъ о. дьякона уступить ему Якова „въ сынки"; подавленный горемъ и нуждою, Василій Ѳедоровичъ поддался было предложенію, но — на счастье Якова — добрая и сострадательная мать, Матрена Ѳедоровна, „всей силой своей материнской любви возстала противъ такого рѣшенія своего мужа и не дала своего дѣтища въ чужія руки. Эта побѣда надъ мужемъ не безъ горя и слезъ досталась бѣдной матери; у нихъ не одинъ разъ выходили изъ-за этого непріятныя семейныя сцены. Но какъ бы то ни было — побѣда осталась за матерью: Яковъ остался въ своей родной семьѣ".

Любимецъ матери, малютка Яковъ, вѣроятно, и не подозрѣвавшій — изъ-за кого происходятъ семейныя бури, какъ бы въ утѣшеніе матери, оказался мальчикомъ подававшимъ хорошія надежды: онъ былъ очень кротокъ, послушенъ и не по годамъ смѣтливъ. „Онъ не по годамъ какъ-то дѣлался сосредоточеннымъ и обособленнымъ: дѣтскія игры его мало забавляли, онъ любилъ больше всего быть одинъ и думать съ однимъ собою. Такая замкнутость и сосредоточенность были отличительной чертой его характера и въ послѣдующіе годы его дѣтства, отъ чего онъ и полу-

чилъ названіе отъ своихъ сверстниковъ „дикарь“, а иные такъ просто называли его „блаженнымъ“. Была и еще одна характерная черта у молодого Якова: онъ не по дѣтски говорилъ, всегда медленно, какъ бы по какому нибудь такту, ударяя при этомъ указательнымъ пальцемъ по столу до тѣхъ поръ, пока не выскажетъ своей мысли, что происходило, впрочемъ, отъ неисправности языка,—онъ не много заикался, и это былъ его природный недостатокъ“.

Находясь въ какомъ-то исключительномъ положеніи дома, гдѣ на него слишкомъ мало обращали вниманія, мальчикъ Яковъ росъ да росъ, а тутъ подошло время и поступленія въ учебное заведеніе. Отецъ, что называется, „махнулъ рукой“ на третьяго сына, видя свою безпомощность и полную невозможность дать Якову образованіе. Но и въ этотъ разъ мать, послѣ долгихъ споровъ и многихъ сценъ, настояла, чтобы Яковъ учился. Въ 1818 году, когда Якову Васильеву было почти 12 лѣтъ, онъ былъ отвезенъ во Владимірское духовное уѣздное училище, гдѣ ему дана была первая фамилія „Братолюбовъ“. Отъ природы даровитый, Братолюбовъ, уже сознавая свое одинокое положеніе (любящая мать кромѣ ласки ничѣмъ не могла помочь ему), быстро освоился съ положеніемъ школьника, принялся за изученіе преподаваемыхъ наукъ и скоро занялъ первое мѣсто среди учениковъ; подъ первымъ номеромъ въ разрядныхъ спискахъ перешелъ онъ и во Владимірскую духовную семинарію.

Въ училищѣ Яковъ Братолюбовъ скоро сошелся съ товарищами и крѣпко привязался къ нимъ; его

любили за кроткій нравъ, за его всегдашнюю готовность помочь другимъ своими познаніями и—главное—за его незлобивость. Начальство также любило прилежнаго и скромнаго ученика. Смиренность Братолюбова была поводомъ и къ тому, что при поступленіи въ семинарію тогдашній ректоръ архимандритъ Павелъ (Подлипскій, умершій въ санѣ архіепископа на покоѣ въ 1862 г.), любившій мѣнять фамиліи учениковъ, далъ Якову Братолюбову новую фамилію—„Смирновъ", съ которою онъ прожилъ всю остальную жизнь и сдѣлался извѣстенъ.

Въ 1828 году былъ возобновленъ Педагогическій Институтъ въ С.-Петербургѣ. Для пополненія его слушателями обыкновенно вызывались ученики семинарій. Такъ было и въ 1829 году, когда Я. В. Смирновъ закончилъ первый годъ обученія въ богословскомъ классѣ. Начальство, видя выдающіеся успѣхи Смирнова, нашло возможнымъ отправить его въ Институтъ до окончанія полнаго семинарскаго курса, и такимъ образомъ съ осени 1829 года Яковъ Васильевичъ переселился въ Петербургъ. Здѣсь на казенномъ содержаніи въ Институтѣ Смирновъ съ матеріальной стороны былъ вполнѣ обезпеченъ, и онъ уже не имѣлъ такой нужды, какую испыталъ въ семинаріи и училищѣ. Жизнь его во Владимірѣ, дѣйствительно, была самая плачевная. Онъ хорошо зналъ, что отъ родителей ничего нельзя требовать, кромѣ хлѣба и самаго необходимаго: но случалось, что и этого иногда не было. Разсказываютъ, говоритъ біографъ Смирнова о. А. Бобровъ, очеркъ котораго

послужилъ и намъ главнымъ матеріаломъ,—что какъ-то разъ Смирнову почему-то долго не присылали изъ дому хлѣба и онъ до крайности голодный отправился въ классъ. Проходя мимо одной калачницы, онъ не могъ побѣдить въ себѣ чувства голода и—тихонько стащилъ калачъ. Это было кѣмъ-то замѣчено, калачъ отняли и крѣпко поколотили мальчика. Яковъ Васильевичъ во всю жизнь не могъ забыть этого прискорбнаго случая. Во все время своего образованія въ семинаріи Смирновъ, кромѣ несмѣннаго халата изъ простой китайки, не имѣлъ никакой другой одежды.

Бывши въ Институтѣ, Я. В. Смирновъ вспомнилъ давнишніе разговоры родителей, что имъ родственникъ бывшій тогда въ славѣ извѣстный графъ Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій (родомъ изъ духовнаго семейства Владимірской губерніи); Яковъ Васильевичъ представился графу, который очень ласково принялъ родственника и съ первой же встрѣчи полюбилъ дѣльнаго студента. Послѣ этого Смирновъ почти каждый праздникъ обѣдалъ у графа; встрѣчаясь съ людьми высшаго круга, онъ постепенно сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ и, что главнѣе всего, здѣсь, въ домѣ графа, имѣлъ возможность заняться самообразованіемъ, пользуясь богатой библіотекой родственника. Близость, и даже родство съ такимъ вліятельнымъ и въ это время человѣкомъ, какъ гр. Сперанскій, однако не вскружили голову студента: онъ не только не воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ для лучшаго устройства своей карьеры, но даже никому не говорилъ о своихъ посѣщеніяхъ.

105

Въ 1836 году Яковъ Васильевичъ окончилъ курсъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и, какъ лучшій изъ студентовъ, былъ награжденъ серебряною медалью. Тотчасъ по окончаніи курса попечитель московскаго учебнаго округа, графъ Строгановъ предложилъ Смирнову занять мѣсто старшаго учителя латинскаго языка въ 1-й Московской гимназіи, на что Я. В. и согласился, и эту должность не перемѣнялъ до самой смерти.

Прозябаніе на границѣ съ голодомъ въ училищѣ и семинаріи, строгая дисциплина въ Институтѣ дѣйствовали на тихаго и скромнаго Якова Васильевича подавляющимъ образомъ,—онъ видѣлъ, что размаха воли здѣсь быть не можетъ, а нужно—покоряясь обстоятельствамъ—только учиться и учиться. Ему было ужъ 30 лѣтъ почти, когда онъ закончилъ образованіе; молодое, кипучее время провелъ онъ въ Институтѣ, и—естественно—Яковъ Васильевичъ вышелъ на волю уже со сложившимися убѣжденіями, съ выработаннымъ образомъ жизни. Правда, на первыхъ порахъ учительства, подъ вліяніемъ товарищества, онъ вздумалъ помянуть молодость, воспользоваться свободой, но проведенное нѣкоторое время въ жертвоприношеніяхъ Вакхусу и другимъ богамъ скоро опротивѣло Якову Васильевичу,—онъ круто перемѣнилъ отношенія съ товарищами, повелъ совсѣмъ другой образъ жизни и сталъ образцовымъ учителемъ. По образу жизни онъ былъ чистый аскетъ: какъ учитель онъ положилъ себѣ за правило исполнять должность свою честно и неуклонно, и дѣйствительно—во все продолженіе 28-ми лѣтней

службы былъ однимъ изъ примѣрныхъ исполнителей своей обязанности: никогда ни одного урока не пропустилъ и ни одной минуты не опоздалъ на свою должность; не былъ ни разу въ отпуску, ни въ отлучкѣ ни по какимъ своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, хотя бы и самымъ необходимымъ. При всемъ томъ, это не былъ сухой формалистъ: строгъ онъ былъ только въ отношеніи къ себѣ. желая быть учителемъ не по имени только, а по нравственному долгу и чести; къ ученикамъ Яковъ Васильевичъ относился самымъ сердечнымъ образомъ, съ полной любовью и снисходительностью. Для малоуспѣшныхъ учениковъ онъ открылъ особый вечерній классъ и занимался съ этими учениками репетиторствомъ совершенно безплатно. Денежная помощь бѣднымъ ученикамъ проходитъ чрезъ всю службу Я. В. Смирнова.

Измѣнивъ образъ жизни, Яковъ Васильевичъ поставилъ задачею ея—полное самоотверженіе въ цѣляхъ служенія Богу и людямъ: онъ постепенно пріучилъ себя къ подвигамъ поста и молитвы: кромѣ установленныхъ постныхъ дней, онъ для себя назначилъ еще особые дни, и потомъ совсѣмъ пересталъ употреблять мясную пищу. Каждый день посѣщалъ онъ всѣ церковныя службы, а дома большую часть свободнаго времени проводилъ или въ молитвѣ, или въ чтеніи книгъ духовнаго содержанія, при чемъ ему особенно нравились сочиненія аскетическаго характера. Изнуряя себя постомъ и молитвой, Яковъ Васильевичъ въ тоже время болѣлъ душою о людяхъ. Особенно любилъ онъ нищихъ, для которыхъ часто устраи-

валъ въ своей квартирѣ обѣды, и былъ особенно доволенъ, когда соберется этихъ, какъ онъ говорилъ, „дорогихъ гостей“ особенно много: за обѣдами онъ самъ и прислуживалъ имъ. Получая сравнительно довольно много денегъ. Яковъ Васильевичъ очень и очень часто сидѣлъ безъ копѣйки въ карманѣ, потому-что онъ считалъ своимъ долгомъ каждый день оказывать денежную помощь бѣднымъ; много посылалъ онъ денегъ и роднымъ своимъ; въ Москвѣ нѣкоторыя бѣдныя семейства получали отъ него постоянное мѣсячное пособіе.

Ведя такой подвижническій образъ жизни, Я. В. Смирновъ, какъ учитель латинскаго языка, до конца своей службы продолжалъ постоянно изучать свой предметъ,—ни на одинъ урокъ онъ не ходилъ не подготовившись. Это былъ выдающійся знатокъ латинскаго языка, его многіе называли „московскимъ Цицерономъ“. Къ нему, какъ къ спеціалисту латинскаго языка, не рѣдко обращались за совѣтами многіе студенты университета со своими латинскими диссертаціями, которыя они писали на степень доктора медицины, и онъ никому не отказывалъ въ своей помощи, не смотря на многочисленность своихъ занятій. Въ дневникѣ его есть, между прочими, запись, что „17 февраля 1853 г. приходилъ студентъ Московскаго Университета Захарьинъ и просилъ прочитать латинское сочиненіе, написанное имъ на степень доктора медицины“. Какъ лучшаго знатока латинскаго языка, Якова Васильевича приглашали во многіе аристократическіе дома Москвы для

частныхъ уроковъ,—такъ, изъ того-же дневника видно, что онъ, какъ репетиторъ, ходилъ въ домъ къ оберъ-прокурору сената Ханыкову, попечителю учебнаго округа Нарышкину, главно-командующему во время польскаго бунта Горчакову и къ многимъ другимъ.

Выдающагося, опытнѣйшаго преподавателя не забывало и начальство. Въ то время, какъ извѣстно, чины и награды не сыпались такъ щедро, какъ теперь: Яковъ Васильевичъ дослужился только до коллежскаго совѣтника, имѣлъ пряжку за 20-лѣтнюю безпорочную службу, медаль за Крымскую кампанію и ордена св. Станислава 3-й и 2-й степени; но за то начальство находило возможнымъ довольно часто поощрять его денежными наградами, иногда и довольно значительными.

Изучивъ въ совершенствѣ свой предметъ, Яковъ Васильевичъ, кромѣ классныхъ занятій, трудился надъ составленіемъ полезныхъ учебниковъ, изъ которыхъ многіе были въ свое время приняты въ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ обязательныхъ руководствъ. Первымъ печатнымъ произведеніемъ Я. В. Смирнова была рѣчь, сказанная на торжественномъ собраніи Московской 1-й гимназіи—„De Phaedri vita et scriptis dissertatio“, тогда же и напечатанная сначала при отчетѣ гимназіи, а потомъ и отдѣльно (М., 1840 г. 4°). Въ томъ-же 1840-мъ году онъ издалъ и басни Федра—„Phaedri fabularum Aesopiarum libri V“ (Москва, 1840. 8°). Дальнѣйшіе труды Я. В. относятся спеціально къ учебнымъ посо-

бiямъ. Такъ, его давно занимала мысль передѣлать руководство для переводовъ съ русскаго языка на латинскій; въ 30-хъ и до половины 40-хъ годовъ было въ употребленіи руководство, составленное Бѣлюстинымъ по Дерингу и изданное въ 1831 году; Смирновъ сначала передѣлалъ это руководство и издалъ его въ 1846 г. („Руководство къ переводамъ съ русскаго на латинскій, по Дерингу". М., 1846. 8°), а потомъ, уже по оставленіи службы въ гимназіи, онъ издалъ новое „Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій, составленное преимущественно по Тишеру и Зейферту" (М., Унив. тип., 1865 г. 8°. 132+50+IV+I нен. стр.), которое, печатаемое каждый разъ въ 4—5 тысячахъ экземпляровъ, выдержало нѣсколько изданій (намъ извѣстно 9: 2-е. М., 1866, въ Унив. тип. 8°; 3-е. М., 1868 г. 8°; 4-е. М., 1869 г. 8°; 5-е. М., 1870 г. 8°; 6-е. М., 1871. 8°; 7-е. М., т. Мамонтова. 1875. 8°. 187 стр.; 8-е. М., тип. А. И. Мамонтова и К°. 1881. 8°. 190 стр., и 9-е. М., тип. Е. Погодиной. 1884. 8°. 187 и III стр.). Еще болѣе успѣха имѣли „грамматики латинскаго языка", составленныя Я. В. Смирновымъ: такъ, „пространнаго руководства" намъ извѣстно 10 изданій, а „краткаго" 15. Первое сначала выходило въ 2-хъ выпускахъ (1—3 изданія) подъ заглавіемъ: „Руководство къ изученію латинскаго языка. Вып. 1-й. Этимологія" (М., 1861 г. 8°.—Изд. 2-е, во многомъ исправленное. М., Универ. тип., 1864. 8°. IV+234+II+68 стр.—Изд. 3-е. М., Унив. тип., 1867. 8°), и „Вып. 2-й. Синтаксисъ"

(Изд. 2-е. М., Унив. тип., 1865. 8°. 238+82+III+I нен. стр.—Изд. 3-е. М.. Унив. тип., 1867. 8°. 236+82+III+I нен. стр.), а потомъ подъ общимъ заглавіемъ—„Пространное руководство къ изученію латинскаго языка для высшихъ классовъ гимназій. Этимологія и Синтаксисъ. Съ русско-латинскимъ и латинско-русскимъ словаремъ“ (изд. 4-е. М., 1868 г. 8°; изд. 5 е. М., 1869 г. 8°; изд. 6-е. М., тип. Мамонтова. 1875. 8°. I+407+101 стр; изд. 7-е. М., т. А. И. Мамонтова. 1878. 8°. VIII+406+101 стр.; изд. 8-е. М., тамъ-же, 1881. 8°. 512 стр.; изд. 10-е. М., тип. И. Н. Кушнерева и К°. 1890. 8°. VIII+407+101 стр.).—„Краткое руководство къ изученію латинскаго языка. Для трехъ низшихъ классовъ гимназій“, а съ 5-го изданія—„и духовныхъ училищъ“ прежде называлось (1—2 изданія) „Руководство для изученія....“ и печаталось въ разныхъ типографіяхъ,—такъ. 7—12 въ тип. Мамонтова, 14—15-е въ тип. Кушнерева (Изд. 2 е. М., 1867. 8°; изд. 3-е. М.. 1868. 8°; изд. 5-е. М., 1870. 8°; изд. 6-е. М , 1871. 8°; изд. 9-е. М., 1876. 8°. 185+58+IV стр. и I табл.; изд. 10-е. М., 1878. 8°; изд. 11-е. М., 1879. 8°. 248 стр. и I табл.; изд. 12-е. М., 1881. 8°. 248 стр.;—изд. 14-е. М., 1887 г. 8°. 184+58+IV стр. и I табл., и 15-е. М., 1892. 8°.). Оба эти руководства каждый разъ выходили въ 3—8 тысячахъ экземпляровъ.

Кромѣ указанныхъ трудовъ, Я. В. Смирновъ еще составилъ и издалъ: „Латинско-русскій словарь на

двѣ книги Саллюстія" (М. 1860. 8°), „Примѣчанія на двѣ книги Саллюстія: de conjuratione Catilinae et de bello Jugurthino" (М., 1863. 8°.) и „C. Sallustii Crispi libri duo: de conjuratione Catilinae et de bello Jugurthino. Съ латино-русскимъ словаремъ. Изданіе Ганимедова" (изд. 3-е. М., 1872. 8°; изд. 4-е. М., тип. А. Мамонтова. 1877. 8°. 89+134 стр.; изд. 5-е. М., 1883. 8°). Наконецъ, нужно отмѣтить, что Яковъ Васильевичъ почти совсѣмъ приготовилъ къ печати, но не успѣлъ издать „Метаморфозы" Овидія: трудъ этотъ онъ завѣщалъ учителю рязанской гимназіи В. П. Павлову, которымъ вскорѣ послѣ смерти Смирнова и были изданы—„Избранныя басни изъ метаморфозъ Овидія. Со словаремъ и примѣчаніями Якова Смирнова и Василія Павлова". (М., 1869. 8°; 2-е изд. М., 1872. 8°; изд. 3-е. исправленное М., 1875. 8°; изд. 4-е, исправл. М., т. Т. Риса, 1878. 8°. 243+218+2 стр.;—изд. 5-е. М. тамъ же, 1883. 8°; изд. 6-е. М., тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 1888. 8°, и изд. 7-е. М., тип. Лашкевичъ. 1893 (1892). 8°. 240+202 стр.). При жизни своей Я. В. издалъ еще „P. Ovidii Nasonis Metamorphoses fabulae selectae, in usum juventutis rossicae".

Отъ природы Я. В. Смирновъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія и почти никогда не хворалъ; но подвижническій образъ жизни при постоянныхъ и многочисленныхъ занятіяхъ, наконецъ, надорвалъ силы; въ 1864 г. Яковъ Васильевичъ оставилъ службу въ гимназіи и мечталъ переселиться на родину, чтобы тамъ среди сельской тишины докончить дни своей жизни. Но это

не сбылось: за полтора года до смерти онъ заболѣлъ водянкой, потомъ совершенно ослѣпъ. За три дня до смерти онъ почувствовалъ особенно плохо, велѣлъ положить себя у порога при входѣ въ комнату, считая недостойнымъ занять мѣсто предъ святыми иконами, два дня ничего не говорилъ и 7-го іюня 1868 года въ 11 часовъ утра тихо скончался. Погребенъ онъ въ Москвѣ.

О Смирновѣ см. „Актъ 25-лѣтняго юбилея Главнаго Педагогическаго Института 30 сентября 1853 г.“ Спб., тип. Имп. Акад. Наукъ, 1853. 4°. (Біографич. свѣдѣнія о лицахъ, воспитывавш. въ Институтѣ).— „Спб. Вѣдом.“ 1868 г., № 185.—„Иллюстр. Газета“ 1868 г.. № 28, стр. 40 —„Современ. Лѣтопись“ 1868, № 23 („Черты жизни умершаго учителя Я. В. С.“, В. П.).—„Рус. Архивъ“ 1870 г., № 11, столб. 2034—2035 (Г. Н. Геннади).— „Владимір. Епархіал. Вѣдомости“ 1880 г., часть неоффиц., № 4, стр. 70—82; № 5, стр. 119—136, и № 7, стр 197—215 (Священ. Алексѣй Бобровъ— „Яковъ Васильевичъ Смирновъ, бывшій преподаватель первой Московской Гимназіи (1836—1868 г.) по его дневнику. (Біографическій очеркъ)“, и отд.: Губ. гор. Владиміръ. Тип. П. Ѳ. Новгородскаго. 1880. 8°. 49 стр.).—

XX.

А. Г. Столѣтовъ.

Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ, заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ, глубокій знатокъ математики, физики и метеорологіи, родился въ губ. гор. Владимірѣ, въ купеческой семьѣ, 29 іюля 1839 г. Родители его имѣли возможность дать дѣтямъ настоящее образованіе. Александръ Григорьевичъ пошелъ по слѣдамъ брата своего, Николая Григорьевича (род. въ 1833 г., кончилъ курсъ на математическомъ факультетѣ Московскаго университета, теперь генералъ-лейтенантъ, командиръ 15 корпуса): среднее образованіе онъ получилъ во Владимірской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1856 году съ золотой медалью. У всѣхъ братьевъ Столѣтовыхъ была особая способность къ изученію математическихъ наукъ; А. Г. Столѣтовъ въ 1856 году поступилъ въ Московскій Университетъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета: здѣсь онъ обнаружилъ недюжинныя способности, и потому, по окончаніи университетскаго курса въ 1860 году, со степенью кандидата, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ 1862 г. онъ былъ командированъ заграницу на два года „для ученыхъ занятій по предмету физики, на счетъ суммы, пожертвованной профессорами Рачинскими“, съ содер-

жаніемъ по 1000 руб. въ годъ. Заграничная командировка была продолжена еще на полгода, а потомъ еще на годъ. Получивъ высшее образованіе у себя въ Россіи, Александръ Григорьевичъ довершалъ его въ университетахъ—гейдельбергскомъ, гдѣ работалъ (по теоретической и экспериментальной физикѣ) въ лабораторіи Кирхгофа, геттингенскомъ, гдѣ его лабораторными работами руководилъ Веберъ, и берлинскомъ. Основательная математическая эрудиція и широкое общее образованіе помогли Столѣтову унаслѣдовать отъ своихъ знаменитыхъ руководителей (въ указанныхъ университетахъ онъ слушалъ и спеціальные курсы) строго математическіе пріемы изслѣдованія физическихъ явленій.

Въ 1866 году Александръ Григорьевичъ возвратился изъ ученаго путешествія въ Москву и тогда же былъ назначенъ Совѣтомъ Университета, какъ не имѣющій ученой степени, стороннимъ преподавателемъ по предмету математической физики и физической географіи студентамъ физико-математическаго факультета. Въ 1869 г., по выдержаніи испытанія и защитѣ диссертаціи—„Общая задача электростатики и ея приведеніе къ простѣйшему случаю“ (М., 1869 г. 8°), А. Г. Столѣтовъ былъ удостоенъ степени магистра физики, и въ томъ же году по избранію Университетскимъ Совѣтомъ опредѣленъ доцентомъ Московскаго Университета по каѳедрѣ физики и тогда же поручено было ему, по приглашенію физико-математическаго факультета, продолжать преподаваніе физической географіи; черезъ три года, въ 1872 А. Г.

110

представилъ и защитилъ диссертацію на степень доктора физики — „Изслѣдованія о функціи намагниченія мягкаго желѣза“, напечатанную сначала въ „Москов. Универ. Извѣст.“ 1872 г., кн. I, а потомъ изданную отдѣльно (М., 1872. 8°), въ которой въ первый разъ указанъ былъ общій ходъ коэффиціента намагниченія желѣза въ зависимости отъ намагничивающихъ силъ. Вслѣдъ за защитой докторской диссертаціи Столѣтовъ былъ утвержденъ экстра ординарнымъ профессоромъ, а въ 1873 году—и ординарнымъ. Съ тѣхъ поръ онъ продолжалъ читать лекціи и руководить занятіями по физикѣ до самой своей кончины.

Дѣятельность А. Г. Столѣтова, какъ профессора, далеко выходила изъ предѣловъ оффиціальнаго исполненія имъ своихъ обязанностей: кромѣ того, что онъ въ продолженіи тридцати лѣтъ непрерывно и неустанно посвящалъ свои силы и знанія преподавательской дѣятельности, Александръ Григорьевичъ оставилъ вѣчные памятники, свидѣтельствующіе объ его талантливости и доставившіе ему почетную извѣстность среди не только русскихъ, но и заграничныхъ авторитетовъ. Здѣсь прежде всего нужно отмѣтить, что только благодаря старанію, заботамъ и умѣлости А. Г. возникло, развилось и стало образцовымъ такое вспомогательное учебное учрежденіе при Московскомъ Университетѣ, какъ физическая лабораторія, изъ стѣнъ которой вышли многочисленные ученики Столѣтова, до сего времени съ честью занимающіе профессорскія каѳедры въ нѣсколькихъ русскихъ университетахъ. Далѣе, подъ его энергичнымъ руководительствомъ,

какъ предсѣдателя съ начала 80-хъ годовъ, Императорское Общество естествознанія, антропологіи и этнографіи, именно по отдѣленію физическихъ наукъ, заявило себя весьма многими и цѣнными работами, постоянно обращавшими на себя вниманіе и за-границей; за полезную въ высшей степени и плодотворную дѣятельность это Общество въ 1886 году избрало Александра Григорьевича почетнымъ членомъ. А. Г. Столѣтовъ нѣсколько лѣтъ состоялъ директоромъ отдѣла прикладной физики при Московскомъ Музеѣ прикладныхъ знаній; отъ исполненія обязанностей по этой должности онъ, однако, въ виду сложности своихъ занятій, отказался въ 1889 году. Кромѣ того, Александръ Григорьевичъ оставилъ по себѣ извѣстность и какъ талантливый популяризаторъ: онъ всегда старался сблизить науку съ жизнью, стать— что очень важно и по результатамъ весьма плодотворно— компетентнымъ руководителемъ образованнаго общества въ вопросахъ своей спеціальности. Онъ часто выступалъ съ публичными рѣчами, лекціями, рефератами, большею частью прекрасно обставленными—если то нужно было—въ экспериментальномъ отношеніи; его чтенія всегда привлекали массу слушателей и еще долго не потеряютъ научно-популярнаго значенія.

Въ связи съ популяризаторской дѣятельностью А. Г. Столѣтова стоитъ и большая часть его литературныхъ произведеній. Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить полнаго списка его сообщеній и напечатанныхъ ученыхъ работъ, но и то, что намъ извѣстно, поражаетъ своею многочисленностью и разнообразіемъ

строго-научнаго содержанія. По нашимъ свѣдѣніямъ, онъ въ 1872 г. напечаталъ—„Обратный выводъ основного электрическаго закона“ („Математич. Сборникъ“ 1872 г., т. VI, отд. I, стр. 181), въ 1873 г.—„Г. Р. Киргоффъ, профессоръ“ („Природа“, 1873 г., кн. 2); потомъ, въ 70-хъ годахъ онъ писалъ и сообщалъ о магнетизмѣ (1872, 1874), объ электричествѣ (1872, 1878 и 1880 г.г.); въ 1879 г. въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, 12 января онъ произнесъ актовую рѣчь—„Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ“, которая и была напечатана какъ въ „отчетѣ“ Университета, такъ и отдѣльно (М., 1879 г. 8°. 159 стр.); въ томъ же году онъ помѣстилъ нѣсколько мелкихъ статей въ „Журналѣ Физико-Химическаго Общества“, а въ засѣданіяхъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы сдѣлалъ сообщенія—по химіи „О спектральныхъ изслѣдованіяхъ Локіера“ и по физикѣ—„Объ опредѣленіи магнитной постоянной жидкости“. Въ 1881 году въ Императ. Обществѣ любителей естествознанія и пр., въ отдѣленіи по физикѣ и химіи онъ сообщилъ „Объ электричествѣ соприкосновенія“, которое и было напечатано въ „Изв. Импер. Общ. Любит. Естеств.“ 1881, т. 41, вып. 1, стр. 28—30. а также—въ „Журн. Рус. физико-химич. Общества“ (въ Спб.), 1881, т. 13, часть физич., отд. 1, стр. 135—147, и отд. Спб., 1881, 8°, 12 стр.; въ томъ же году, бывши въ Парижѣ на конгрессѣ электриковъ, во время электрической выставки, А. Г. Столѣтовъ сдѣлалъ сообщеніе во

французскомъ физическомъ Обществѣ—„Sur une méthode pour dé terminer le rapport des unités électrostatiques et électromagnetiques", которое и было напечатано въ „Journal de Physique"; здѣсь кстати отмѣтимъ, что на упомянутой электрической выставкѣ въ Парижѣ Александръ Григорьевичъ помѣстилъ въ русскомъ отдѣлѣ чертежи, діаграммы и фотографіи, относящіеся къ приведенной сейчасъ работѣ („Опредѣленіе отношенія между электростатическими и электромагнитными единицами помощью абсолютнаго конденсатора"), и лабораторіи физической (Московскаго Университета) былъ присужденъ за выставку дипломъ сотрудничества (diplome cooperation); наконецъ, въ томъ же 1881 г. А. Г. напечаталъ нѣсколько мелкихъ статей (напр., „Объ электрическихъ единицахъ" въ „Электричествѣ" 1881 г., № 21, стр. 314—315). Въ 1882 году Столѣтовъ сдѣлалъ сообщенія въ Импер. Общ. Любит. Естествознанія, въ отдѣленіи физики, астрономіи, метеорологіи и математики: „Парижская электрическая выставка въ 1881 г.", „Электрическій конгрессъ въ Парижѣ", „О системахъ раздѣленія электрическаго свѣта Гравье и Авенаріуса", „Отрывокъ изъ отчета о заграничной командировкѣ на электрическую выставку и Конгрессъ въ Парижѣ" и „О распредѣленіи энергіи помощью электричества (система М. Депре)"; въ томъ же году Александръ Григорьевичъ напечаталъ: „Конгрессъ электриковъ въ Парижѣ" („Журн. Министерства Нар. Просв." 1882 г.), „Коммиссія единицъ на Парижскомъ Конгрессѣ" („Электричество", 1882 г.), „Энергія солнца"

112

(„Рус. Мысль“, 1882 г., № 11), начало статей— „Замѣтки о критическомъ состояніи тѣлъ“ („Журн. Физико-Химич. Общества“, въ Спб., 1882 г.) и 11 рефератовъ о русскихъ работахъ по физикѣ въ „Beiblätter“ Wiedemann's. Въ 1886 г. А. Г. напечаталъ статью „О скорости звука въ трубахъ съ разрѣженнымъ воздухомъ“ (въ „Журн. Физ.-Химич. Общества“) и подъ его редакціей вышло—„О происхожденіи химическихъ элементовъ. Рѣчь, читанная въ Бэрмингамѣ (въ сентябрѣ 1886 г.) В. Круксомъ“. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею А. Столѣтова. Съ 4 рисунками въ текстѣ (М., тип. Лисснера и Романа. 1886. 8°. IV и 39 стр.). Въ 1888 г. А. Г. Столѣтовъ, вмѣстѣ съ Н. Е. Жуковскимъ, В. К. Цераскимъ и В. Я. Цингеромъ, выпустилъ въ свѣтъ брошюру — „Двухсотлѣтіе памяти Ньютона (1687—1887). Рѣчи, читанныя въ соединенномъ засѣданіи Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи и московскаго математическаго общества 20-го декабря 1887 года“ (М., тип. И. Кушнерева и К°, 1888. 8°. 51 стр.+ 1 фототипія), которая прежде была помѣщена въ „Рус. Мысли“ (1888, № 2, отд. 2, стр. 132—176) и въ которой Столѣтову принадлежатъ двѣ рѣчи: I. „Жизнь и личность Ньютона“ и „IV. Ньютонъ, какъ физикъ“; кромѣ того, онъ напечаталъ въ томъ же 1888 году въ „Comptes Rendus“ Парижской Академіи Наукъ—статьи: „Sur une sorte de courants provoquès par les ragons ultra-violets“; „Sur les courants actino-électriques au travers de l'air“, и

„Suite des recherches actino—électriques"; въ томъ же изданіи въ 1889 г. Столѣтовъ помѣстилъ статью — „Sur les phènomènes actino—electriques"; чтобы не возвращаться болѣе къ статьямъ Александра Григорьевича, помѣщеннымъ въ заграничныхъ изданіяхъ, отмѣтимъ здѣсь кстати, что въ 1890 г. онъ напечаталъ въ „Bulletin de la Société Francaise de Physique" и въ „Journal de Physique" статью — „Sur les courants actino—électriques dans l'air raréfié" и сотрудничалъ, кромѣ указанныхъ, въ изданіяхъ: „Bulletin de la Société Jmperiale des Naturalistes de Moscou", „Philosophical Magazine" и др. Въ 1889 г. Столѣтовъ напечаталъ въ „Журн. Физ.-Химич. Общества" — „Актино-электрическія изслѣдованія", о которыхъ въ томъ же году сообщилъ въ Импер. Общ. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, въ отдѣленіи по физикѣ и химіи; въ томъ же Обществѣ и тогда же онъ сообщилъ еще — „Новыя Роулендовыя фотографіи солнечнаго спектра", „Международный конгрессъ электриковъ въ Парижѣ" и „Опыты относительно начала видимаго каленія (Weber, Ebert)" и напечаталъ еще въ „Электричествѣ" — „Второй конгрессъ электриковъ въ Парижѣ", а также редактировалъ и снабдилъ дополненіями русскій переводъ книги Жубера „Основы ученія объ электричествѣ" (М., 1889. 8°. Изданіе Ланга); эта книга въ 1892 г. была повторена изданіемъ подъ редакціей опять Александра Григорьевича и съ его собственными дополненіями.

Въ 1890 г. А. Г. Столѣтовъ сдѣлалъ сообщеніе

въ Общ. Любит. Естествознанія—„По поводу опытовъ Томсона“ и издалъ для слушателей въ литографированномъ видѣ „Конспектъ курса объ электричествѣ и магнетизмѣ“; въ томъ же году онъ былъ представителемъ по физикѣ на VIII съѣздѣ Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей и произнесъ тамъ рѣчь—„Эоиръ и Электричество“. Въ 1891 году Александръ Григорьевичъ сообщилъ все въ томъ же Обществѣ Люб. Естествознанія—„Элементарное объясненіе метода Липпмана съ демонстраціей цвѣтной фотографіи солнечнаго спектра“ и „Нѣсколько словъ, посвященныхъ памяти Р. А. Колли и Ѳ. П. Шереметевскаго“ и напечаталъ цѣлый рядъ статей—прочитанную публичную лекцію о фонографѣ Эдиссона, потомъ—составленный къ засѣданію Математическаго Общества 19 февраля 1891 года, посвященному памяти С. В. Ковалевской біографическій очеркъ послѣдней (напечатанъ сначала въ „Математич. Сборникѣ“ 1891 г., т. XVI, вып. 1, а потомъ въ отдѣльной брошюрѣ: „Софья Васильевна Ковалевская“. Рѣчи и статьи А. Г. Столѣтова, Н. Е. Жуковскаго и П. А. Некрасова. Съ портретомъ. Изданіе Московскаго Математическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. М., Универ. тип., 1891. 8°. 55 стр.); въ серіи публичныхъ лекцій „о научной дѣятельности фонъ-Гельмгольца“, читанныхъ профессорами Московскаго Университета въ апрѣлѣ 1891 г., участвовалъ рефератами: а) біографическій очеркъ и общая характеристика Гельмгольца, б) работы Гельмгольца по акустикѣ и в) заключительное

слово (первый и третій рефераты напечатаны въ „Вѣстн. Европы“ 1891 г., № 6), которыя цѣликомъ вошли въ брошюру, редактированную Столѣтовымъ же,— „Германъ фонъ-Гельмгольцъ. Публичныя лекціи профессоровъ Московскаго Университета“ (М., 1892. 8°); наконецъ, въ 1891 г. приготовилъ статью „Р. А. Колли (+2 августа 1891 года)“, которая и была напечатана въ книгѣ—„Рѣчь и отчетъ, читан. въ торжествен. собраніи Импер. Москов. Университета 12 января 1892 г.“ (М., 1882 г., отчетъ, стр. 206—217). Въ 1892 г. Столѣтовъ въ Общ. Любит. Естествознанія сообщилъ „О критическомъ состояніи тѣлъ“, которая тогда же и была напечатана въ „Трудахъ Физич. Отдѣленія Общества Любит. Естествознанія“ (переведена въ „Physikalische Revue“) и „О берлинскомъ чествованіи Гельмгольца и о Гельмгольцевскомъ фондѣ“; въ томъ же году онъ приготовлялъ къ изданію „Конспектъ по акустикѣ и оптикѣ. въ пособіе студентамъ“ и печаталась (выходила листами) „Физика. (Физическая оптика)“. М., тип. „Разсвѣтъ“, 1892. 8°. Въ 1893 году Александръ Григорьевичъ напечаталъ книгу „Введеніе въ акустику и оптику“ (конспектъ въ пособіе къ лекціямъ) (М., 1893 г. 8°), трудъ очень важный, который въ 1894 году печатался вторымъ изданіемъ въ „Ученыхъ Запискахъ Импер. Москов. Университета“, а въ 1895 г. вышелъ отдѣльно (М., Унив. тип., 1895 г. 8°. XIV+326 стр. со многими чертежами). Въ 1893 г. онъ помѣстилъ въ „Журн. Рус. Физик.—Химич. Общества“ „О критическомъ состояніи тѣлъ“ (статья 3-я; 4-я

114

статья подъ тѣмъ же заглавіемъ была напечатана въ томъ же журналѣ въ 1894 году и тогда же вышла отд: Спб., тип В. Демакова. 1894. 8°. 24 стр.), и совмѣстно съ профессоромъ А П. Соколовымъ написалъ рецензію—„По поводу изслѣдованій кн. Б. Голицына", напеч. въ „Учен. Запискахъ Импер. Моск. Университета". Въ 1894 г. А. Г. Столѣтовъ напечаталъ прочитанную публичную лекцію—„Успѣхи цвѣтной фотографіи"; въ засѣданіи Император. Общества Любителей Естествознанія, посвященномъ памяти Г. фонъ-Гельмгольца, онъ произнесъ рѣчь—„Гельмгольтцъ и современная физика", которая была сначала напечатана въ „Русской Мысли" (1894, № 12), а потомъ вышла и отдѣльно: „Гельмгольтцъ и современная физика. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Импер. Общ. Люб. естествознанія, антропологіи и этнографіи 16 ноября 1894 г." М, тип. Товарищ. И. Кушнеревъ и К°, 1895. 8°. 29 стр. Въ 1895 г. А. Г. Столѣтовъ въ Московскомъ Обществѣ любителей художествъ прочелъ рефератъ—„Леонардо да-Винчи. какъ естествоиспытатель" (напечатанъ въ„ Рус. Мысли" 1895 г.), а въ Обществѣ любителей естествознанія—„Памяти М. Ш. Авенаріуса" (напечатано въ „Журн Физико-Химич. Общества" и потомъ отдѣльно: „Михаилъ Петровичъ Авенаріусъ. Біографическій очеркъ". Спб., тип. В. Демакова. 1895. 8°. 18 стр.+1 портретъ).

Вотъ длинный и—сознаемся—весьма неполный списокъ произведеній Александра Григорьевича Столѣтова. Прежде всего отмѣтимъ, что всѣ статьи Сто-

лѣтова, напечатанныя въ разныхъ журналахъ, не смотря на свою кажущуюся спеціальность, написаны очень общедоступно, прекраснымъ языкомъ, и обличаютъ въ авторѣ отличнаго стилиста. Такова, напримѣръ, одна изъ его послѣднихъ статей, очеркъ, подъ заглавіемъ „Леонардо да-Винчи, какъ естествоиспытатель“, помѣщенный въ „Русской Мысли“, въ которомъ чрезвычайно талантливо очерчена личность знаменитаго творца „Тайной вечери“ со стороны его стремленія къ наукѣ. Вообще профессоръ Столѣтовъ былъ не только кабинетнымъ ученымъ, но и живымъ человѣкомъ, горячо преданнымъ своему дѣлу и зорко слѣдившимъ за современностью. Какъ ученый спеціалистъ, онъ пользовался почетной извѣстностью и въ Россіи, и заграницей. Его трудамъ по изслѣдованію электричества,—напр., докторской диссертаціи, сочиненію „Объ одной методѣ опредѣленія Максуэллева ν“ „Актиноэлектрическимъ изслѣдованіямъ“ придаютъ большую цѣну заграничные авторитеты. Его публичныя лекціи всегда привлекали массу слушателей; его рѣчь, произнесенная на VIII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, „Эѳиръ и Электричество“ обратила на себя общее вниманіе и у насъ, и въ остальной Европѣ. Нельзя также забыть рѣчей и очерковъ А. Г. Столѣтова о Ньютонѣ, Гельмгольцѣ, Леонардо да-Винчи, о Софьѣ Ковалевской, о великомъ изобрѣтеніи Эдиссона и мног. др.

Столѣтовъ былъ членомъ и сотрудникомъ многихъ ученыхъ обществъ, гдѣ сохраняются яркіе слѣды его научной дѣятельности. Университетъ св. Владиміра

(въ Кіевѣ) въ 1884 г. избралъ Александра Григорьевича почетнымъ членомъ. Въ родномъ Московскомъ Университетѣ онъ пользовался среди профессоровъ громаднымъ уваженіемъ; его профессорскія лекціи всегда отличались талантливостью и блескомъ изложенія. Всегда точный, до самозабвенія любившій избранный предметъ науки, А. Г. и отъ студентовъ требовалъ внимательнаго отношенія къ дѣлу, и за свою строгость — можетъ быть — не всегда нравился молодымъ людямъ; но онъ не искалъ популярности иными путями, кромѣ какъ на почвѣ научныхъ занятій, и истинно преданные дѣлу студенты всегда съ уваженіемъ относились къ профессору и, конечно, забудутъ тѣ прискорбные случаи, когда А. Г. на испытаніи находилъ нужнымъ чуть не цѣлому курсу ставить неудовлетворительныя отмѣтки.

А. Г. Столѣтовъ, великій знатокъ своего предмета, не переставалъ до послѣднихъ дней жизни пополнять свои знанія; въ разнообразныхъ научныхъ занятіяхъ, не смотря на свои не молодые годы, А. Г. былъ неутомимъ, — его пытливый, свѣтлый умъ до смерти стремился къ расширенію круга знаній, къ изысканію и открытію новыхъ явленій въ области физики. Онъ пользовался нѣсколько разъ и заграничными командировками, — такъ въ 1871 году онъ былъ командированъ съ научною цѣлью за границу, на лѣтнее вакаціонное время и сверхъ того еще на 28 дней, а потомъ съ Высочайшаго разрѣшенія срокъ заграничной командировки былъ продолженъ ему до ноября 1871 года. Въ 1881 году онъ былъ въ команди-

ровкѣ съ 16 іюля по 1 ноября и принималъ живое участіе на электрической выставкѣ и на конгрессѣ электриковъ въ Парижѣ; въ 1889 г. Столѣтовъ былъ опять командированъ за границу и на международномъ зоологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ былъ избранъ почетнымъ вице-президентомъ конгресса электриковъ; въ 1891 г. командировка была повторена (на вакаціонное время); послѣдній разъ онъ былъ въ командировкѣ въ 1895 году.

Краса Московскаго Университета, А. Г. принималъ горячее участіе въ дѣлахъ этого разсадника образованія; онъ, помимо профессорскихъ обязанностей и участія въ различныхъ, состоящихъ при Университетѣ, обществахъ, редактировалъ физико-математическій отдѣлъ „Ученыхъ Записокъ Московскаго Университета“ и „Труды отдѣленія физическихъ наукъ Императорскаго Московскаго Общества Любителей Естествознанія“. Служебная дѣятельность А. Г. Столѣтова была, если можно такъ выразиться, внѣ всякаго конкурса: Университету, а не ему, было бы тяжело когда-нибудь разстаться съ даровитымъ профессоромъ. Какъ уже сказано было, въ 1872 г. онъ былъ избранъ въ экстраординарные, а въ 1873 году — и ординарные профессоры; въ 1888 году, по выслугѣ 25 лѣтъ, онъ былъ оставленъ еще на 5 лѣтъ; въ 1891 году А. Г. Столѣтовъ былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора; въ 1893 г. онъ выбылъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ, съ сохраненіемъ профессорскаго званія и права преподаванія въ университетѣ, по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части министерства народнаго просвѣщенія, и оставленъ еще на 5 лѣтъ.

Въ началѣ 1896 г. А. Г. Столѣтовъ заболѣлъ инфлюэнцой, отъ которой, видимо, оправился, такъ что читалъ лекціи и приступилъ къ производству экзаменовъ въ Университетѣ. Около средины мая 1896 г. онъ почувствовалъ нездоровье, болѣзнь сначала была неопредѣленнаго характера и не внушала опасеній; но чрезъ 2—3 дня послѣ заболѣванія Александра Григорьевича вдругъ не стало: онъ умеръ неожиданно для друзей и знакомыхъ въ 2 часа пополуночи 15 мая 1896 г. Какъ только стало извѣстно объ этой тяжелой утратѣ для науки и Московскаго Университета, начали получаться ректоромъ Университета и родственниками умершаго (онъ былъ холостой) телеграммы со всѣхъ концовъ Россіи—отъ ректора Университета св. Владиміра, отъ декана физико-математическаго факультета Варшавскаго Университета, отъ предсѣдателя Кіевскаго физико-математическаго общества, отъ предсѣдателя Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи, отъ профессоровъ и др. лицъ.

Отпѣваніе тѣла происходило 18 мая въ Университетской церкви, при чемъ на гробъ были возложены вѣнки—особенно дорогіе отъ Московскаго Университета и отъ физической лабораторіи его, отъ физико-математическихъ факультетовъ Московскаго и Новороссійскаго университетовъ, отъ Император. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, отъ членовъ физическаго отдѣленія этого Общества, отъ членовъ Русскаго физико-химическаго Общества, отъ Комитета Политехническаго музея, отъ студентовъ—математиковъ, отъ учениковъ и пр.,—всего до 20

вѣнковъ.—Погребеніе тѣла совершено было въ г. Владимірѣ 19 Мая 1896 г., при чемъ представителемъ Московскаго Университета былъ профессоръ Николай Егоровичъ Жуковскій (тоже Владимірецъ), который предъ открытой могилой сказалъ прочувствованное слово, отмѣтивъ выдающееся положеніе Столѣтова, какъ ученаго.

Смерть вырвала изъ среды русскаго образованнаго общества крупнаго ученаго, когда онъ и не думалъ еще о прекращеніи научной дѣятельности. Но общество не забудетъ его заслугъ и—надѣемся—тѣмъ или инымъ путемъ постарается увѣковѣчить память о немъ для назиданія потомства.

О Столѣтовѣ см. „Рус. Вѣдом." 1896 г. № 134.—„Москов. Вѣдом." 1896 г., №№ 134, 135 и 136.—„Новости" (1-е изд.) 1896 г., № 135.—„Новое Время" 1896 г., № 7261 (17 Мая).—„Рус. Слово" 1896 г., № 132.—„Рус. Листокъ" 1896 г., № 137.—„Настол. Энциклоп. Словарь", изд. А. Граната и К°. М., 1895 г., вып. 101-й, стр. 4668.—„Всемір. Иллюстр." т. 55, № 1427 (1896 г., 1-я половина, № 23), стр. 591—592 (съ портретомъ).—„Историч. Вѣстн." 1896 г., № 7, стр. 263—265.

ДОПОЛНЕНІЯ И ИСПРАВЛЕНІЯ.

Къ нѣкоторымъ изъ біографическихъ очерковъ, вошедшихъ въ составъ 1-го выпуска, считаемъ не лишнимъ сдѣлать дополненія и исправленія, частію розысканныя нами, частію сообщенныя намъ другими лицами.

VI. Н. А. Зворыкинъ. Его статья, отнесенная нами къ 1882 г., называется „О движеніи на земной поверхности подъ вліяніемъ одного только притяженія“ (напечатана въ „Бюллетеняхъ Импер. Моск. Общества испытателей природы“ 1882 г., № 1; прежде сообщена была имъ въ одномъ изъ засѣданій этого Общества). Въ 1882 г. онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены этого Общества. Въ отдѣленіи по физикѣ, метеорологіи и математикѣ Императорскаго Общества любителей естествознанія въ 1882 г. Н. А. Зворыкинъ сдѣлалъ сообщенія: „Объ употребленіи планетарія для объясненія кажущагося движенія планетъ“, „О движеніи точки по поверхности земли“ (съ демонстраціей чертежей) и „О переносномъ электрометрѣ Томсона“.

VII. Н. В. Калачовъ. „Текстъ Русской Правды“ вышелъ 4-мъ изданіемъ въ 1889 г., а не въ 1890 г. (Спб., тип. М. Стасюлевича, 1889 г., 8^0. VI + 51 + III стр. и 1 таб.). Два письма Калачова

къ К. Д. Кавелину напечатаны въ „Рус. Мысли“ 1892, кн. 1. отд. 1, стр. 129—135.—О Калачовѣ см. еще—„Рус. Архивъ“ 1891. № 12. стр. 607—612.

VIII. М. А. Бѣлинъ. Въ 1888 г. онъ читалъ лекціи по общей патологіи въ Общинѣ сестеръ милосердія Краснаго Креста (въ Москвѣ) и издалъ литографированный конспектъ лекцій по исторіи медицины. Въ 1889 г. онъ издалъ—„Записки по исторіи медицины, составленныя по Гезеру и др. авторамъ“. Вып. I. М. Унив. тип., 1889. 8°. VIII+150 стр.—Въ 1892 г. Бѣлинъ напечаталъ нѣсколько статей въ „Хирургическомъ Вѣстникѣ“, въ отдѣлѣ судебно-медицинской казуистики, а въ 1894 г. сдѣлалъ сообщеніе „О сибирской язвѣ“—въ Обществѣ охраненія народнаго здравія.

IX. Т. И. Перелоговъ О немъ см. еще—„Русскіе люди; жизнеописанія соотечественниковъ, прославившихся своими дѣяніями на поприщѣ науки, добра и общественной пользы. Съ портретами“. Изд. и тип. М. О. Вольфа. Спб., 1886, Т. 2-й 8°. стр. 127—355.

X. П. П. Сумароковъ. О немъ см. „Москвитянинъ“ 1843, № 5 (Н. Андреевъ).—„Вѣсть“ 1865. № 6 („Столѣтнія годовщины 1865 г.“ М. Н. Лонгинова).

XI. В П. Безобразовъ. Къ произведеніямъ его за 1884 г. нужно добавить: „Выкса. (Изъ путевыхъ воспоминаній)“. помѣщен. въ „XXV лѣтъ. Сборникъ издан. Комитетомъ Общества для пособія нуждающимся литератор. и ученымъ“. Спб. 1884. 8°, стр. 435—448.—О немъ см. „Международный

словарь современ. писателей". А. де-Губернатиса (на франц. яз.). Флоренція. 1888 4°. стр. 289.

XIV. М. М Снегиревъ. О немъ „Историч. очеркъ Владимір. губернской гимназіи". П. Н. Страхова. Владиміръ. 1891 г. 8°, стр. 28 и 38.

XVI. П. А. Маинъ. Достопочтенный Валентинъ Александровичъ Шумиловъ сообщилъ намъ о Маинѣ дополнительныя свѣдѣнія, которыя отчасти исправляютъ и напечатанное у насъ объ Ипполитѣ Александровичѣ Принося глубокую благодарность за сообщеніе этихъ свѣдѣній, помѣщаемъ ихъ здѣсь полностію. Вотъ что пишетъ В. А. Шумиловъ. „У А. Х. и Т П. Маинъ во Владимірѣ были дѣти Ипполитъ, Николай. дочь Александра. Константинъ и Клавдій: до 1834 г. двое старшихъ сыновей учились дома у профессора семинаріи Никифора Прокофьевича Левицкаго, который овдовѣвши женился на сестрѣ Татіаны Ивановны. на Софьѣ Ивановнѣ. Ипполитъ во Владимірской гимназіи не былъ. Александръ Христіановичъ былъ музыкантъ, хорошо зналъ музыку, любилъ ее и игралъ на віолончели. а жена его была въ то время лучшая во Владимірѣ піанистка; средства ихъ ограничивались только однимъ жалованьемъ. а потому Т. П. давала уроки музыки: но такъ какъ у нея была семья большая, она для уроковъ никогда никуда не ѣздила. и по тому времени ей платили за часовой урокъ по цѣлковому—рублю, тогда какъ другимъ учителямъ и учительницамъ не платили болѣе рубля ассигнаціи, т. е. по нынѣшнему четвертакъ, и эти учителя ходили по домамъ. Изъ

этого видно, что Т. П., какъ хорошую учительницу, очень цѣнили. Сильный характеръ отца и нѣжная любовь матери очень благотворно дѣйствовали на дѣтей и изъ нихъ Ипполитъ, какъ старшій и болѣе понимающій, отличался прилежаніемъ какъ въ наукахъ, такъ и въ музыкѣ: онъ очень часто участвовалъ въ музыкальныхъ вечерахъ, устраиваемыхъ въ ихъ домѣ, играя на роялп въ четыре руки съ матерью, или и одинъ съ віолончелью и скрипкой. Никифоръ Прокофьевичъ былъ лингвистъ, любилъ русскую литературу, и я помню—читалъ намъ только что тогда появившуюся Иліаду въ переводѣ Гнѣдича; этотъ учитель и далъ основаніе развившейся впослѣдствіи у Ипполита любви къ литературѣ. Въ 1834 г. А. Х. Маннъ переѣхалъ съ семействомъ въ Москву, но, не получивши еще обѣщаннаго ему мѣста, заболѣлъ горловою чахоткою и скоро умеръ, оставивъ вдову съ 5 дѣтьми, изъ коихъ старшему Ипполиту было только 12 лѣтъ, безъ всякихъ средствъ, —такъ, по словамъ покойной Т. И., у нея послѣ похоронъ мужа въ домѣ было 5 человѣкъ дѣтей, старуха-мать мужа и нянька, она же и кухарка и горничная, и на всю будущую жизнь 25 руб ассигнаціями. Стопло ей призадуматься, но Богъ послалъ добрыхъ людей, ее ввели въ домъ князя Дмитрія Владиміровича Голицына, которому нужна была хорошая учительница музыки для воспитывавшихся у него двухъ племянницъ. Добрѣйшій князь, узнавши Т. И., устроилъ ее учительницею музыки въ Екатерининскомъ Институтѣ и наблюдательницею за преподаваніемъ му-

зыки въ другихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ ему. Ипполитъ поступилъ въ 1 гимназію, былъ отличнымъ ученикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ помогалъ матери, давая уроки музыки: ему платили за урокъ по 3 цѣлковыхъ, а мать получала уже по 5 цѣлковыхъ; она цѣлый день разъѣзжала съ урока на урокъ, а вечеромъ возвращалась домой, но не для отдыха.—она занималась со своими дѣтьми, и впослѣдствіи изъ дѣтей ея Ипполитъ, дочь Александра и третій сынъ Константинъ были прекрасные музыканты. Ипполитъ изъ гимназіи вышелъ съ медалью и поступилъ на филологическій факультетъ Московскаго Университета, откуда вышелъ кандидатомъ съ золотою медалью и получилъ право поступить на службу въ Собственную Его Императорскаго Величества канцелярію, чѣмъ и воспользовался.—Въ настоящее время изъ братьевъ Маннъ никого въ живыхъ нѣтъ. Николай былъ предсѣдателемъ Петрозаводской (Олонецкой губ.) казенной палаты и въ тоже время управляющимъ акцизомъ, и тамъ померъ. Константинъ, тайный совѣтникъ, кавалеръ Бѣлаго Орла, ордена Владиміра 2-й степени и др., былъ управляющимъ канцеляріи Морскаго Министерства, пользовался особымъ расположеніемъ покойнаго Великаго Князя Константина Николаевича. Онъ женатъ не былъ; умеръ года за три до смерти своего патрона. Клавдій кончилъ курсъ въ университетѣ, поступилъ на службу въ Петербургѣ, велъ очень неправильную жизнь и умеръ еще молодымъ".

„Все это я знаю потому, что учился въ 1833—34 годахъ вмѣстѣ у Никифора Прокофьевича; это было

въ домѣ Маннъ (они жили противъ вала, за Дворянскимъ собраніемъ, въ домѣ Киндякова, нынѣ большомъ домѣ архитектора Карабутова). Когда Маннъ уѣхали въ Москву, меня опредѣлили въ 1 й Московскій Кадетскій Корпусъ, и я постоянно былъ съ ними въ сношеніяхъ; впослѣдствіи, когда Т. И. скончалась, уже вся семья была взрослая и всѣ переѣхали въ Петербургъ; я, бывая въ Петербургѣ, постоянно проводилъ у нихъ все свободное время, и всегда какъ родители наши, такъ и мы были въ отличныхъ дружескихъ отношеніяхъ.—Вмѣстѣ съ Ипполитомъ въ университетѣ обучался А. А. Розовъ (бывшій преподаватель Владимірской гимназіи, а нынѣ—нотаріусъ въ г. г. Владимірѣ) и былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ,—поэтому онъ хорошо знаетъ ихъ университетское время".

зыки въ другихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ ему. Ипполитъ поступилъ въ 1 гимназію, былъ отличнымъ ученикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ помогалъ матери, давая уроки музыки; ему платили за урокъ по 3 цѣлковыхъ, а мать получала уже по 5 цѣлковыхъ; она цѣлый день разъѣзжала съ урока на урокъ, а вечеромъ возвращалась домой. но не для отдыха,—она занималась со своими дѣтьми, и впослѣдствіи изъ дѣтей ея Ипполитъ. дочь Александра и третій сынъ Константинъ были прекрасные музыканты. Ипполитъ изъ гимназіи вышелъ съ медалью и поступилъ на филологическій факультетъ Московскаго Университета, откуда вышелъ кандидатомъ съ золотою медалью и получилъ право поступить на службу въ Собственную Его Императорскаго Величества канцелярію, чѣмъ и воспользовался.—Въ настоящее время изъ братьевъ Маннъ никого въ живыхъ нѣтъ. Николай былъ предсѣдателемъ Петрозаводской (Олонецкой губ.) казенной палаты и въ тоже время управляющимъ акцизомъ, и тамъ померъ. Константинъ, тайный совѣтникъ, кавалеръ Бѣлаго Орла, ордена Владиміра 2-й степени и др., былъ управляющимъ канцеляріи Морскаго Министерства, пользовался особымъ расположеніемъ покойнаго Великаго Князя Константина Николаевича. Онъ женатъ не былъ; умеръ года за три до смерти своего патрона. Клавдій кончилъ курсъ въ университетѣ, поступилъ на службу въ Петербургѣ, велъ очень неправильную жизнь и умеръ еще молодымъ".

„Все это я знаю потому, что учился въ 1833—34 годахъ вмѣстѣ у Никифора Прокофьевича; это было

въ домѣ Маннъ (они жили противъ вала, за Дворянскимъ собраніемъ, въ домѣ Киндякова, нынѣ большомъ домѣ архитектора Карабутова). Когда Маннъ уѣхали въ Москву, меня опредѣлили въ 1 й Московскій Кадетскій Корпусъ, и я постоянно былъ съ ними въ сношеніяхъ; впослѣдствіи, когда Т. И. скончалась, уже вся семья была взрослая и всѣ переѣхали въ Петербургъ; я, бывая въ Петербургѣ, постоянно проводилъ у нихъ все свободное время, и всегда какъ родители наши, такъ и мы были въ отличныхъ дружескихъ отношеніяхъ.—Вмѣстѣ съ Ипполитомъ въ университетѣ обучался А. А. Розовъ (бывшій преподаватель Владимірской гимназіи, а нынѣ—нотаріусъ въ г. г. Владимірѣ) и былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ,—поэтому онъ хорошо знаетъ ихъ университетское время".

140